

Леонид Кузнецов

ЦЕНА МАНИЛЬСКОЙ СИГАРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Леонид Кузнецов

ЦЕНА МАНИЛЬСКОЙ СИГАРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

Редакционная коллегия

*К. В. Малаховский (председатель), Л. Б. Алаев,
Л. М. Белоусов, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский,
Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

Ответственный редактор

О. Г. Барышникова

Фото автора

Кузнецов Л. М.

К 89 Цена манильской сигары. М.: Главная редакция
восточной литературы издательства «Наука», 1987.

176 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»)

Автор книги — журналист, корреспондент «Правды» в Маниле, на основании личных встреч, впечатлений и материалов филиппинской и зарубежной прессы в очерковой форме рассказывает о жизни филиппинцев, создает живые и яркие описания быта, показывает красочную, порой противоречивую картину современной филиппинской действительности.

К $\frac{1905020000-126}{013(02)-87}$ 63-87

ББКл8

Леонид Михайлович Кузнецов

ЦЕНА МАНИЛЬСКОЙ СИГАРЫ

Утверждено к печати Редакцией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор *Р. Г. Стороженко*. Младший редактор *М. С. Грикурова*. Художник *Л. С. Эрман*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *Л. М. Кольцина*

ИБ № 15661

Сдано в набор 10.03.87. Подписано к печати 02.06.87. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,24+0,42 вкл. Усл. кр.-отт. 12,81. Уч.-изд. л. 10,35. Тираж 30 000 экз. Изд. № 6090. Зак. № 244. Цена 75 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука» 107143, Москва Б-43, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1987.

МАНИЛА: 1986.

В НОЧЬ СО ВТОРНИКА НА СРЕДУ

Утро 26 февраля 1986 года. Я подошел к окну корреспондентского пункта, расположенного на двенадцатом этаже здания, на авеню Айяла, главной улицы Макати, делового центра филиппинской столицы. Горизонт закрывала цепочка невысоких гор, над ними стелились редкие облака. Разноцветные крыши вилл только вблизи пробивались для глаза через зеленые кроны тропических деревьев, остальное, казалось, до самых гор покрыто зеленым «одеялом». Внизу бензоколонка «Шелл» на перекрестке улиц Эпифанио де лос-Сантос и Айяла. Обычно в такое время обе трассы уже заполнены автомобилями. В это утро они были пустынные. Вдруг танки и бронетранспортеры. В обратном вчерашнему направлении. Неужели пал военный городок Камп-Краме? Неужели президенту Маркосу удалось уговорить Хуана Энриле и Фиделя Рамоса? Позвонил на студию телевизионного канала, который работал круглые сутки, и спросил знакомого журналиста. «Нет, — ответил он, ни Камп-Агинальдо, ни Камп-Краме не капитулировали. Так же как и их хозяева».

Драма эта началась давно. И вовсе не в августе 1983 года, когда в манильском международном аэропорту при невыясненных обстоятельствах был убит лидер оппозиции Бенигно Акино, давнишний противник Ф. Маркоса. Убийство только ускорило события. Они были неизбежны. Страна начала вползать в экономический кризис. С конца предыдущего десятилетия ее внешние долги превысили 26 миллиардов долларов, цены на товары первой необходимости бежали вверх, росла безработица. Все, кто мог, стремились уехать на заработки за границу. Преступность и проституция приняли широкие масштабы. Недовольство охватило почти все уровни филиппинского общества. Соперничество и грызня за доходные места разлагали правящую верхушку. Армия представляла сложный организм — одна часть офицеров занималась грабежом, вымогательствами (глав-

ным образом в сельской местности), другая, преследуя свои цели и выдвинув лозунг «Необходимы реформы, необходимо навести порядок!», надеялась потеснить более удачливых, но постаревших соперников. Участились забастовки. К осени 1985 года обстановка накалилась. В этой ситуации 3 ноября президент Маркос заявил, что намерен провести досрочные президентские выборы. Они нужны ему были, чтобы отменить разговоры, будто он не контролирует положение, заставить замолчать противников, получить мандат на еще один (6-летний) срок президентства. Однако на этот раз Ф. Маркос встретился с сильной оппозицией, которая в ходе предвыборной борьбы консолидировала силы, собрав под свои, главным образом антимаркосовские, знамена противников администрации из разных групп буржуазии, заручившись при этом поддержкой определенных влиятельных кругов в США. Глава римско-католической церкви на Филиппинах архиепископ Манилы кардинал Син в силу разных причин (в немалой степени личных) выступил на стороне оппозиции. Более того, энергично убеждал Ватикан не только занять нейтральную позицию, но и выступить против Маркоса. В результате перегруппировки сил оппозицию возглавили Корасон Акино, вдова Б. Акино, и известный политический деятель С. Лаурель, представляющие две, наиболее действенные группы антимаркосовской коалиции.

И вот началась подготовка к выборам, назначенным на 7 февраля 1986 года. Было много разговоров о том, будут ли это «честные выборы», пройдут ли они в обстановке, исключающей жульничество и подтасовку. Позднее президент США Рейган скажет: «Ну и что? Каждая сторона занималась махинациями. Все этим занимаются». И действительно, сразу же после начала подсчета голосов стало ясно: истинный итог подвести вряд ли удастся. Подсчет вели сразу три организации — Комиссия по выборам (государственная, официальная), Национальное движение за свободные выборы — НАМФРЕЛ — и Организация, созданная представителями прессы. Каждая использовала при подсчете голосов свои методы. Результат у всех получился разный. Тогда за дело взялся Батасанг памбанса (Национальное собрание). У его счетчиков все сошлось как надо. И поздно вечером 15 февраля представитель парламента объявил Маркоса избранным на пост президента на новый срок с перевесом в 1,5 миллиона голосов, хотя огромное мно-

жество итоговых документов по выборам фактически было недействительно (то конверты порваны, то подписей нет, в иных конвертах число зафиксированных голов превышало численность населения данного района). Это и стало той спичкой, от которой разгорелся пожар.

16 февраля Корасон Акино, главный претендент на пост президента, соперник Ф. Маркоса, объявила о начале кампании за гражданское неповиновение. В страну хлынули американские сенаторы, советники, конгрессмены. Посла США в Маниле назвали «Шатл» (Челнок), поскольку в один и тот же день он наносил визит президенту, лидеру оппозиции, кардиналу, генералам... К берегам Филиппинского архипелага двинулся седьмой флот США. Американские военнослужащие, отпущенные в увольнение, вернулись на базы. Посольства ряда государств в Маниле стали готовиться к эвакуации семей сотрудников.

22 февраля 1986 года министр национальной обороны Х. Энриле и заместитель начальника генерального штаба Ф. Рамос заявили, что якобы Маркос принял решение их арестовать. В связи с этим они укрылись в Камп-Агинальдо и Камп-Краме и потребовали отставки президента. Оба в эти дни были в защитной форме без знаков различия. Х. Энриле носил пуленепробиваемый жилет, на груди автомат. На Ф. Рамосе жилета, похоже, не было. Он казался спокойнее.

И вот в небе появились боевые вертолеты. Заурчали моторы тяжелых военных машин. Выступая вечером по телевидению, Маркос призвал народ к спокойствию, а Рамосу и Энриле посоветовал образумиться. Однако они «не образумились». Утром следующего дня из международного пресс-центра мне позвонила Бекки Кабре-ра и сказала: «В 11 во дворце Малаканьянг состоится пресс-конференция президента». Изначалу ехать было легко. В обычные дни в Маниле утомительные пробки из длинной вереницы машин, на сей раз — никого. Оказалось, что от авеню Айяла до района, где расположен президентский дворец, по пустынным улицам езды минут пятнадцать (хотя раньше на это уходило около часа). Однако вскоре на пути выросли заграждения из колючей проволоки. Как же преодолеть это препятствие? Увидев в одном из заграждений отверстие, через которое пролезали разносчики воды и жареных бананов (видимо, армейская кухня не приезжала, а пойти в столовую солдаты не имели права), я оставил машину и

скоро оказался по другую сторону баррикады. Километра три пришлось идти под палящим солнцем. Вот и дворец. Охранники направили меня на третий этаж здания, где находилась канцелярия президента, в том числе и офис господина Бигорнии, чиновника в ранге заместителя министра, занимавшегося прессой и иностранными корреспондентами. В коридорах царил напряженная обстановка. Бекки записывала имена пришедших. Потом мы все пошли за ней во дворец. Перед дворцом человек двести-триста рыхлили грядки. Как потом выяснилось, это были солдаты охраны. Подошли к воротам. Как и прежде, раздали карточки, которые следовало повесить на фотоаппарат (корешок с адресом и фамилией владельца камеры остается у охраны), и проверили, нет ли оружия. Миновали горку, сложенную из национальных флагов (понятно, ведь завтра инаугурация — посвящение президента в должность, и флаги украсят дворец и окружающий его парк).

Собравшихся попросили подождать в помещении на первом этаже. Оглядываю собратьев по перу и не вижу корреспондентов Ассошиэйтед Пресс, Франс пресс, Рейтер. Где же они? Такое событие!

— Все у Энриле и Рамоса, — улыбается Силва, «королевский фотограф», то есть облеченный правом и доверием фиксировать все президентские церемонии. — Там главное событие. Поверь мне, это, наверное, последняя конференция в Малаканьянге...

В это трудно поверить.

Ровно в 11 утра вошел Ф. Маркос в сопровождении Ф. Вера, начальника генерального штаба, и дюжины генералов. Президент занял свое обычное место перед телекамерами, как всегда засверкали блицы. Он был спокоен и сосредоточен, чего нельзя было сказать о генералах, особенно нервничал Вер. Мрачные, в сторонке сидели министры. Супруга президента присела на скамейку поодаль, вне досягаемости телекамер.

Ф. Маркос сказал, что он контролирует положение, генералы на его стороне, Энриле и Рамос намереваются захватить дворец, уничтожить физически его и первую леди. Произносились, хотя и нечасто, слова «заговор», «военный переворот». После Маркоса с заявлениями-признаниями выступили разоблаченные и схваченные участники заговора (среди них был офицер из личной охраны супруги президента). Они рассказали о планах взятия дворца и заявили, что главная цель, которую они

преследовали, — убедить Маркоса в том, чтобы он вышел в отставку.

От пресс-конференции осталось чувство тревоги, которое к вечеру усилилось. К укрепленным лагерям двинулись танки. Ночью были слышны выстрелы и разрывы снарядов. Толпы людей устремились к двум точкам: дворцу Малаканьянг, чтобы свергнуть президента, и к Камп-Краме (через улицу Эпифанио де лос-Сантос в Кэсон-сити), куда перешел Энриле, чтобы поддержать противников Маркоса. Маркос, однако, не решался отдать приказ о применении оружия. В то же время его дворец был атакован с воздуха вертолетом, выпустившим снаряд. Мир, по крайней мере филиппинский, затаил дыхание.

И вот утро вторника, 25 февраля. Действительно, танки шли от Камп-Краме. Вскоре диктор телевидения объявил, что покажут выступление президента перед журналистами. Дело в том, что рано утром по одному из каналов сообщили: «Маркос бежал из страны, он дал пресс-конференцию на острове Гуам». На мой телефонный звонок Бекки Кабрера сказала, что это слухи, президент на месте и даже готов встретиться с корреспондентами. Встреча вскоре состоялась. Кроме президента здесь были госпожа Маркос, их сын, губернатор провинции Северный Илокос, дочери Айме и Ирен, их мужья, двое внуков и племянница первой леди. У каждого телевизора в эти минуты были люди. И вдруг... передача прекратилась. Как потом выяснилось, студию четвертого правительственного канала захватили верные Энриле и Рамосу силы. К этому времени они уже заявили, что переходят на сторону Корасон Акино, «законного президента, и считают себя свободными от каких-либо обязательств перед Маркосом».

Ровно в полдень началась церемония инаугурации Маркоса. Мы увидели толпу перед дворцом, услышали, как придворный священник благословил Маркоса на президентство. До конца церемонии было еще далеко, но телевизионная передача снова прервалась. На этот раз для Маркоса навсегда. Отныне он мог давать интервью только по телефону. Зато через некоторое время по телевизору мы увидели введение в должность президента страны Корасон Акино. Церемония проходила в клубе «Филипино» в районе Грин Хилз, неподалеку от Камп-Краме. Здесь были Энриле и Рамос. Сразу после провозглашения К. Акино президентом в Мала-

кашьянге раздалось несколько звонков, в том числе из Вашингтона, с требованием к Ф. Маркосу покинуть страну. Один за другим генералы, политические деятели заявляли, что порывают с Маркосом. Некоторые члены парламента, в том числе Г. Сенданья, министр информации, Б. Ромуальдес, брат жены президента, губернатор провинции Лейте, посол Филиппин в США, пытались бежать из страны. Однако в аэропорту их задержали (правда, позднее Ромуальдесу удалось тайно покинуть Филиппины).

Ко дворцу устремились тысячи людей. Маркос позвонил Энриле (бывшему тогда министру обороны) и спросил, что ему делать, сможет ли министр обеспечить ему и его семье безопасность. Энриле отвечал, что сможет (ранее он наотрез отказался от предложения Маркоса заключить перемирие или союз с Акино). Прошло еще несколько часов. Вертолеты Маркоса, как и другие его «мосты», были сожжены. Наконец, прибыли на своих машинах американские летчики и забрали теперь уже бывшего президента. Ночь он провел на базе ВВС США Кларк-филд.

Повсюду ощущалось праздничное настроение. Рвались петарды, сверкали фейерверки. Портреты Маркоса сбрасывали на землю. Утром газеты назвали ночь с 25 на 26 февраля народной революцией и заодно сообщили, что американцы переправили Маркоса на Гуам (так что в конечном итоге прав был диктор телевидения, сообщавший адрес беглеца). И скоро телезрители увидели, как по трапу из самолета, еле держась на ногах, опираясь на плечо американского солдата, под зонтиком в шапочке для гольфа и пиджаке со стоячим воротничком спускается дряхлый старик. Это был Фердинанд Маркос.

Филиппины вступили в новый этап своей истории. Люди верят, что с новым президентом наступят лучшие времена. После бурного февраля жизнь, кажется, начала входить в прежнюю колею. Внешне Манила совсем не изменилась. Может быть, поэтому рассказ о ней и поможет понять события, которые произошли в феврале 1986 года.

...

Природа, история, человеческие радости и страдания создали облик современной Манилы — столицы Филиппин. Манильский залив в районе порта отгорожен от человеческого глаза частоколом многоэтажных громадин, его спокойная гладь покрыта безобразными пятнами, далеко не все корабли красавцы, среди них много потрепанных и жалких. Было время, когда глаз человека радовал золотистый песок, лазурные воды бухты, окаймленной невысокими горами. Но не только красота притягивала сюда (на Филиппинах красивых, порой сказочных, мест много) первых поселенцев, выходцев из глубинных районов Лусона и пришельцев с других островов. Удобная, спокойная, надежно защищенная от злых ветров и тайфунов, бухта была идеальной для судов больших и малых.

Трудно представить, чем занимались первые жители Манилы (точнее, района, где сейчас стоит Манила) в древности. Можно только предполагать, что кроме рыболовства они охотились, «на слонов и носорогов в том числе», — уверял меня сотрудник музея Айяла. Сегодня этих животных на Филиппинах нет, разве что увидишь их в зоопарке, и лишь небольшие звери — лемуры-долгопяты, летучие мыши и собаки, дикобразы, белки, дикие свиньи и кошки — обитают в тропических лесах и зарослях. Да и то на джунгли непрерывно наступают горнорудные и лесозаготовительные компании и охотники за экзотикой, которая также стала источником прибыли. Более или менее повезло бабочкам и птицам. В самом незавидном положении оказались, пожалуй, «короли», то есть махаон и филиппинский орел «обезьяноед», — поплатились они из-за своих необыкновенных размеров и красоты. И те и другие сегодня на строгом учете. Но в далекие времена у залива не собирали коллекций — людям не было необходимости доказывать, что животный и растительный мир в Юго-Восточной Азии, как писал русский географ А. И. Воейков, «по богатству и разнообразию не имеет себе равных», и не накалывали махаонов, чтобы отправить их в заморские музеи. Зато они уже умели добывать руду, плавить металл, выращивать многие плоды, которые были вкуснее лесных, плели корзины, варили стекло. Получили свой первые украшения женщины из желтовато-зеленого кам-

ня — нефрита. Конечно, все это были занятия куда более увлекательные и нужные, чем превращение живого орла в чучело.

К X веку, продолжал свой рассказ сотрудник музея, воцарилась на берегах залива благодать. Постоянно росло число заходящих в бухту судов. На них грузили взамен привезенных товаров гончарные изделия, металлические сосуды, перламутр, пеньку, древесину, смолу, золото. Не все, конечно, это делалось и добывалось на Лусоне. Многие доставлялось сюда как на перевалочную базу с других островов архипелага (а их более семи тысяч). Берега этих островов, омываемые водами Южно-Китайского моря, и особенно место, где сейчас расположена столица Филиппин, всегда вызывали интерес. Сейчас в Управлении по делам иммиграции обсуждается предложение о создании музея, который рассказывал бы о развитии связей с ближними и дальними соседями. Он мог бы дать ответ на многие вопросы, например когда на Лусоне высадился первый гость с островов Океании, когда прибыл «мудрый старец» из Индии и предложил приютившим его хозяевам послать детей на учение в его страну, какое влияние оказали китайцы на народ нынешних Филиппин, откуда и как проник на острова ислам и т. д.

Вспоминаю, что в библиотеке университета Аль-Азхар в Каире я видел старую карту, своего рода план распространения ислама в странах Востока. В свое время на ней должен был обязательно стоять гриф «совершенно секретно», ибо карту сопровождали инструкции. Относительно Юго-Восточной Азии в них, в частности, говорится, что сыны ислама должны прежде всего создать о себе славу хороших торговцев (требование немаловажное, ибо в это же время на филиппинском архипелаге уже много было купцов из Китая; пользуясь географической близостью островов от их родины, они долгое время оставались на новых землях, обзаводились семьями, открывали некое подобие школ).

Одними из первых жителей района нынешней Манилы считаются аэта — малорослые негритосские племена. Немногим (среди них называют Н. Н. Миклухо-Маклая) удалось понять душу «пигмеев Филиппин». Даже сегодня аэта не преемлют чужих веры и обычаев. А в далекие времена они, не желая подчиняться, уходили из прибрежных районов, уступая их, как полагают, пришельцам из Восточного Тибета. Аэта обосновывались

на новых землях, возделывали рис, разводили домашних животных. Позднее их еще больше потеснили испанцы. О расправах над маленькими жителями Филиппин рассказал в своей книге русский консул, коллежский советник Петр Добель в книге «Пять лет в Китае», вышедшей в Санкт-Петербурге в середине XIX века. Затем пришли американцы, отобравшие земли местных жителей и устроившие на них свои военные базы. Уцелевшие аэта занимаются сегодня в основном тем, что подметают улицы в американских гарнизонах, вывозят мусор и нечистоты, после учений и маневров собирают стреляные гильзы, которые затем продают кустарям и владельцам различных мастерских.

— Мы бы и сегодня ушли куда-нибудь, — сказал корреспонденту манильской газеты один из аэта. — Мы погибаем. От голода, болезней, унижений...

Здесь, на землях, которые отданы под базы, даже не регистрируется ни рождение, ни смерть аэта. Но куда уйдешь?

Оригинален, неповторим духовный мир народов Филиппин, которых на архипелаге насчитывается не менее ста. Многие из них живут в глубинных районах, куда с трудом проникали колонизаторы, и потому они в меньшей степени подвергались иностранному влиянию, чем народы прибрежных областей. Некоторые народы сохранили свои верования, обычаи и обряды. Так, у игоротов, живущих в провинции Горный Лусон, сохранился ничего общего не имеющий с христианством свадебный обряд.

К нему готовятся заранее. За несколько лет до свадьбы начинают готовить солонину (на тщательно отобранные и уложенные в глиняные кувшины куски свинины время и жара почти не действуют). Нам посчастливилось наблюдать такую свадьбу. Накануне свадьбы родственники приносят к хижине родителей жениха или невесты только что срубленное молодое деревце. Это символ плодородия и одновременно доброе пожелание молодым иметь много детей. Рано утром все собираются у дерева, молодых сажают на бревно (часть от корня до веток того же дерева) в тень, которую дает «козырек» — сплетенная из ветвей крыша. На невесте длинная домотканая юбка в красную и темно-голубую полоску. Блузка фабричного производства с надписью на английском языке (смысл ее явно никто не понимал) здесь, конечно, была неуместна, ибо надпись, никого не

удивившая бы в местностях при американских базах, гласила «доступная всем». Одежда жениха состояла всего-навсего из набедренной повязки, грудь украшала тяжелая медная цепь.

Вот принесены кувшины с солониной, каждый получает по большому куску — это начало торжества. Его главная часть, его душа — легенда, которую должен рассказать специально приглашенный знаток народной мудрости. По существу, это наставление, назидание молодым. Как правило, каждая легенда (кстати, редко повторяющаяся, поэтому ее нельзя назвать проповедью) — это своеобразный свод мудрости, опыта, накопленного веками. Причем сказитель, прежде чем предложить участникам церемонии легенду, знакомится с характером молодых, узнает их слабые и сильные стороны, выясняет их отношение к жизни. Таким образом, каждый рассказ имеет свою довольно четкую направленность. Он предметен и «приземлен», не лишен глубокого философского и нравственного смысла. На этот раз седовласый мудрец выбрал легенду, главная тема которой — любовь к труду и благо, приносимое неторопливыми и продуманными решениями. Поглядывая на молодых мужчин, разжигавших костер (он должен гореть минимум неделю, а если у родителей жениха и невесты много поросят и кур, выделенных на угощение, то три недели), он рассказал о странствиях одного из сыновей бога Лумауига.

Перед тем как выбрать маршрут, чтобы хорошенько познакомиться с жизнью на земле, путешественник посадил четыре зернышка тыквы и сказал себе: пойду в том направлении, которое будет самым трудным. Когда семена дали крепкие стелющиеся побеги, сын Лумауига принялся за дело. Три побега, потянувшиеся к Югу, Востоку и Западу, он вырвал легко. Зато направленный на Север побег так и не поддался. Туда и пошел молодой человек. Отец (а он также и бог!) мог бы в любое время послать ему (только попроси) и рис, и поросенка, в любом месте мгновенно построить домик для отдыха. Но путешественник сам бросал семена в землю и убирал урожай, сам строил себе хижину, помогал крестьянам, делился всем, что имел, с соседями. За все это наградила его своей любовью красавица, которую встретил путник на месте, где, особо подчеркнул рассказчик, сейчас стоит Манила.

Судя по легендам, жители Лусона были добрыми и

целомудренными людьми. Их верования утверждали такие благородные принципы, как откровенность, коллективизм, честность. Конечно, по устным сказаниям сейчас трудно судить, кто конкретно внес в ту или иную легенду свою правду — аэта, игорот, китаец или человек, пришедший с берегов Ганга, — каждый имел свою культуру, свое представление о мире.

Эти легенды молодой ученый, сопровождавший меня, назвал «посланиями истории», бережно и трогательно несущими добро. Они не только радовали, очищали и украшали внутренний мир людей в прошлом, но и воспитывали жизнестойкость, трудолюбие, отрицали несправедливость. Слушавший нас журналист, в свою очередь, добавил: «Эти легенды дают людям радость, а радость для человека — самая желанная и самая здоровая энергия. Поэтому мы считаем: филиппинцы даже в самых трудных ситуациях стремятся найти утешение не в злобе, не в мести, а в радости».

Позже я убедился, что это своего рода если не официальное кредо, то глубоко утвердившееся отношение многих филиппинцев к жизни, ее проблемам. Не случайно один гонконгский журнал озаглавил статью о сегодняшней филиппинской действительности так: «Проблемы решает праздник». Как это ни покажется удивительным, такая оценка национального характера филиппинцев не вызывает возражений. Напротив. Известная и уважаемая на Филиппинах писательница и историк Кармен Герерро Накпил говорила мне:

— Филиппинец со своим характером легко становится предметом подобных насмешек. Действительно, филиппинцы могут обратить тайфун, потерю урожая риса, поражение на поле боя в повод для игр и развлечений... В этом никто не сравнится с филиппинцем, то есть в плане его непоколебимого оптимизма, его широкой улыбки, с которой он приветствует даже самое мрачное утро.

Этот настрой, по мнению писательницы, свойствен и всей Маниле, делая ее ярким цветком, над которым вечно царит дух карнавала. Но ведь ни один карнавал не обходится без масок. Потому, вероятно, он и безудержно весел — за масками не видно слез.

Еще в Аль-Азхаре я познакомился с первыми отчетами мусульманских путешественников. В одном из них есть слово «Мэйнила». Уже на Филиппинах я узнал, что «нила» в переводе означает растение индиго, которое

после соответствующей обработки становится красителем, придающим ткани нежный синий цвет. Долгое время этот краситель был желанным, дорогостоящим дефицитом. И, пользуясь все возрастающим спросом, владельцы «нилы» получали немалые прибыли. Жители «Мэйнилы» называли себя «тага-илог», то есть «люди реки», чем они очень гордились.

Манила росла быстро. К XVI веку это был уже город с двухтысячным населением, расположившийся на земле в форме языка, края которого омывали море и река Пасиг. Правили им вожди — выходцы из мусульманского мира. На этом заканчивалось сравнительно спокойное движение истории. Она загремела тяжелыми шагами, когда появились европейцы-завоеватели. Легендарный Магеллан приказал поставить католический крест на острове Себу и назвал весь архипелаг «Островами святого Лазаря», так как именно в день Лазаря его корабли бросили здесь свои якоря. Однако для путешественника день святого обернулся злым роком: если бы Магеллан не остановился, а продолжил поиск обходного пути в Индию и к Молуккским островам вокруг Южной Америки (восточную «дорогу» контролировали португальцы), он, возможно, и сохранил бы себе жизнь. Но не в меру проявляя рвение во имя испанской короны, Магеллан обнажил меч и поплатился за это — погиб в сражении с вождем острова Мактан Лапу-Лапу. Это было в 1521 году.

Однако испанская корона долгое время не могла утвердить свою власть на новых землях. Не случайно Филипп II отдал приказ послать к Молуккам корабли с боевой командой, чтобы открыть западные острова (экспедицию мыслилось направить из латиноамериканских владений Испании) и вернуться с грузом специй, подтвердив надежность обратного пути. Выполнить приказ короля взялся опытный мореход, человек широкого кругозора и крутого нрава Мигель Лопес де Легаспи. Он оставил в Мехико свою юридическую практику, пост мирового судьи и во главе 380 солдат, пяти священников из ордена св. Августина направился к берегам архипелага, который к тому времени уже окрестили Филиппинами в честь наследника испанского престола, будущего короля Филиппа II. Правой рукой главы экспедиции был штурман Урданета, а главным приближенным к тайным планам и мыслям — любимый племянник Фелипе де Сальседо. К тому же Легаспи хотел приобщить

его к делу, которому сам служил десятки лет, то есть сохранению и расширению испанских колоний.

Легаспи, Урданета, Сальседо — сегодня это названия широких улиц, целых кварталов и высотных домов в Макати — фешенебельном деловом районе филиппинской столицы. Главный цвет его — серый и золотой. Из серого материала (камень, бетон) выстроены громады зданий банков и компаний, в основном американских. Золотом выведены на них названия. Огромными буквами. На таком фоне скромными выглядят узенькие железные полоски с именами улиц: «Легаспи», «Сальседо», «Урданета» и т. д. Как-то американский бизнесмен сказал мне, что в начале века американцы старались искоренить все испанское — язык, танцы, архитектуру, удивившиеся на филиппинской земле. «Но потом мы спохватились, — продолжал собеседник. — Мы не только не должны хаять испанских королей и старательных исполнителей их приказов, но и должны быть благодарны им. Ведь они подготовили души филиппинцев для восприятия американской цивилизации». Вот почему американский банкир и назвал улицу, на которой выстроил здание, именем Легаспи. Тем самым вступил в союз с прошлым. Сегодня он выгоден организаторам империалистической экспансии в Юго-Восточную Азию.

Конечно, сам Легаспи не мог думать, что играет роль американского союзника. Подходя в 1571 году к Маниле, он поступал согласно с приказом монарха. Легаспи действовал быстро, решительно и жестоко по отношению к филиппинцам. Он в буквальном смысле предал Манилу огню. Правитель Солиман запросил мира. На земле, которая была предана огню, мечу, Легаспи решил выстроить свой город. Закладка его состоялась 24 июня 1571 года, с этой даты и стал исчисляться век нынешней Манилы. В устье реки Пасиг, на ее южном берегу, вырос город за каменной стеной. Отсюда и его второе название «Интрамурос» — «поселение внутри каменных стен». Стены внушительные: толщина их два метра, высота — три.

Город внутри стен со своими десятью соборами и часовнями, девятью площадями, казармами, домами, где жили испанские правители, казематами был неплохо спланирован. Однако разраставшаяся вокруг него Манила строилась беспорядочно. Сегодня Манила занимает территорию 628 квадратных километров и называется Большой, потому что помимо собственно Манилы

она включает еще три самоуправляющихся города и 13 муниципальных центров (таунов), то есть городов поменьше. Здесь проживает, по одним данным, шесть, по другим, — восемь с лишним миллионов человек.

— А вот и Манила, вот наши Филиппины! — сказал мне Рене Кастильо, учившийся в Харькове.

Мы поднялись на двадцатый этаж нового небоскреба. С этой высоты филиппинская столица напоминает гигантское скопление островов, разделенных реками Пасиг и Сан-Хуан, магистралями, бульварами и улицами. Вот похожий на Манхэттен серый с золотыми прожилками кристалл — это деловой центр Макати. Рядом другой «остров», зеленый Дасмариньяс — фешенебельный район, где в тени густых акаций укрылись виллы преуспевающих филиппинцев и иностранцев. Далее цветистым пятном выделяется Чайна-таун — китайский город. А за ним самый большой и самый серый, в отличие от Макати болезненно серый, «остров» — Тондо, рабочий район. А что, если проехать в Тондо через Макати и Чайна-таун?

На карте от района Вак-Вак, где находился корпункт «Правды», до Тондо, кажется, рукой подать. Но, проехав первые улицы, мы поняли, что добраться туда нелегко. И не в последнюю очередь из-за автомашин, которых в Маниле сейчас около полумиллиона. Сбиваясь в густые потоки, они либо несутся на огромной скорости, либо образуют плотные «пробки», так что выйти и посмотреть название улицы или номер дома практически невозможно. Короли дорог — «джипни» — крытые грузовички, по вместимости чуть больше московских маршрутных такси, выполняют ту же функцию. Их водители часто не соблюдают никаких правил уличного движения. Впрочем, не соблюдают и другие. В Большой Маниле, по данным полиции, регистрируется до двухсот тысяч и больше дорожно-транспортных происшествий в год.

...Показался Макати. О главных чертах внешнего вида этого «острова», входящего в «деловой» архипелаг, уже говорилось. Можно добавить, что дома-громадины окружены ухоженными газонами, дорогами автомобилями. Одним словом — часть американского города. Хотя, конечно, в сочетании с другими строениями, архитектурными ансамблями, несущими на себе азиатские черты, Макати обогащает городской пейзаж Большой Манилы.

У Чайна-тауна также свое лицо. Дома вдоль узких улочек буквально залеплены рекламами, вывесками, названиями товаров, многие из которых составлены из иероглифов. Население в массе своей здесь китайцы. Им принадлежит большинство магазинов, мастерских, игорных заведений, банков, ростовщических контор.

— Сколько же китайцев живет в Чайна-туане? — спросил я сопровождавшего меня филиппинца.

— Трудно сказать, — ответил он. — Может быть, триста тысяч, а может, и полмиллиона.

Итак, с двумя «островами» познакомились. Оставался третий. Когда мы въехали в Тондо, я вздрогнул. Дома не дома... Одни напоминают полуверанды-полупалаты со свисающими вместо окон кусками целлофана, другие — шалаши, покрытые соломой или жостью. Целый квартал сложен как бы из кубиков в довольно высокие, но бесформенные пирамиды. Каким бедствием оборачиваются в Тондо тайфуны, трудно представить! Тысячи людей остаются без крыши и медицинской помощи, оказать ее невозможно, ибо улицы превращаются в реки. Они недоступны и для пожарников.

Конечно, стихия есть стихия. Но она ли главный виновник человеческих трагедий? В Тондо на улице Масагкай стоит церковь Сан Хосе де Троссо. В ней много лет молился богу Иларио Сантос, добрый прихожанин, отец троих детей. Поэтому, когда он направился к распятию, ни у кого не возникло никаких подозрений. Но вот Сантос оторвал от креста деревянную фигуру Христа, тут же у алтаря отломал ей руки, ноги, голову и с этим обрубок, превращенным в дубину, ринулся крушить фигуры святых. Кто же довел до такого состояния доброго христианина? Газеты ответили: безработица! Он был одним из тысяч безработных, одним из тех, кто живет в Тондо.

Мятежный дух всегда был свойствен филиппинцам. Конечно, нельзя сказать, что почти трехсотлетнее господство испанцев прошло бесследно. Крест, опираясь на мечи солдат испанской колониальной армии, постарался все сокрушить на своем пути: полумесяц, то есть ислам, традиционные религии, стремление людей к свободе и справедливости. Колониальная, светская и духовная власть нашла союзников среди тех, кто принадлежал к имущим слоям, кто решил, что восприятие образа жизни испанского завоевателя, отказ от собственного духовного наследия — это и есть желанный путь на-

верх. И не случайно Хосе Рисаль, национальный герой Филиппин, поэт, писатель, ученый-гуманист, который был расстрелян испанцами за свою просветительскую деятельность, с горечью писал: «Шея привыкла к ярму, и каждое поколение, родившееся на свет в неволе, постепенно приспособлялось к новым порядкам»¹. Под испанским игом филиппинцы «утрачивали свои древние традиции, забывая свое прошлое, свою письменность, песни, поэзию, законы, чтобы вызубрить другие истины, непонятные для них, принять другую мораль, приобрести другие вкусы, отличные от тех, которые были определены для народа условиями его жизни и его восприятием. И вот они пали духом, унижившись в собственных глазах, стыдясь всего того, что было их национальной особенностью, ради восхваления чуждого и непонятного им, пали духом и смирились»². А один из героев романа Хосе Рисаля «Флибустьеры» говорил: «Мы лелеем идиллические мечты, грезы раба, который просит лишь обернуть тряпкой цепь, чтобы не так брнчала и не так впивалась в тело»³. За «рабов с грезами» благодарны Легаспи, Сальседо и другим «первозавоевателям» Филиппин американцы, ибо именно они легче всего соглашались сотрудничать.

— Новые колонизаторы, — сказал в беседе ученый и публицист А. Личауко, — получили в помощники, а точнее, в пособники филиппинцев, которые отучились оценивать по достоинству историческое прошлое своей страны, поверили в неспособность выработать свою положительную программу, по существу, презирают самих себя. Американцы продолжили эту работу по дефилиппинизации личности, а точнее, по ее деидеологизации и деполитизации.

Приведу пример. Шестой студенческий семинар на тему «Филиппино-американские отношения». Выступавшая на нем Патриция Ликуанан, заведующая кафедрой психологии университета Атенео, сказала, что отношения между американцами и филиппинцами основываются на том, как филиппинцы и американцы оценивают друг друга. Главную оценку можно выразить формулой: «я — не о'кей, ты — о'кей», при которой филиппинец смотрит на американца как на высшее существо. Он

¹ Цит. по: *Абайл Э.* Нерассказанная история Филиппин. М., 1970, с. 241.

² Там же, с. 241—242.

³ Там же, с. 240.

смотрит на американца и думает, что тот выше ростом, сильнее, богаче его, знает больше и внешне красивее. Одним словом, каждый американец — о'кей. Я же, говорит себе филиппинец, не о'кей, потому что я невысок, у меня коричневая кожа, я беден, отстал, не говорю бегло по-английски. Поэтому я по сравнению с ним низшее существо.

Вот, кстати, почему испанцам удавалось сохранять свою власть над архипелагом (конечно, нельзя забывать о главном — нещадной эксплуатации, жесточайшем режиме, который обеспечивал полное политическое и экономическое господство). Вот почему американцам удавалось навязывать кабальные соглашения о военных базах и сегодня нередко удается добиваться «климата наибольшего благоприятствования» для своих фирм и компаний, действующих на Филиппинах.

Было бы неверно утверждать, что филиппинцы полностью покорились кресту и доллару. Да, их заставляли носить прозрачные рубахи без карманов, чтобы было видно, не украл ли кто что-нибудь, но в то же время батангасские крестьяне изобрели свой собственный нож. Именно изобрели.

Как-то, остановившись в Батангасе, я пошел на рынок. Не могла не обратить на себя внимание женщина, сидевшая за прилавком спокойно, даже, можно сказать, величественно. Перед ней лежали ножи разных форм и размеров. Большие серповидные «боло» — для рисоводов, утолщенные и расширенные к острию мачете — для рубки тростника и в центре совсем необычный нож. «Как называется? — переспросила женщина. — Батангасский».

Таких ножей, сказали мне, нигде на свете больше нет. А если и есть, то это будут скорее всего копии, сделанные с батангасского. Нож этот — либо деревянный, размером чуть больше ладони брусок, либо срез ветки, либо цилиндр из пластмассы. «Брусок» или «кусочек ветки» раздваивается, одни концы половинок остаются на месте, другие, совершая полукруг, идут к низу и плотно сходятся «спинками», обнажая блестящее острое как бритва лезвие. Показывавший мне нож сын продавщицы Аполинарио в мгновение ока превратил безобидный кусок рога в грозное оружие и так же быстро, только луч солнца сверкнул в зеркале стального лезвия, оно исчезло. На базаре я впервые и услышал историю батангасского ножа. Каждый здешний житель

знает ее, хотя рассказывает по-разному, со своими деталями и подробностями.

Вслед за отдельными антииспанскими выступлениями начался процесс формирования национально-освободительного движения, которое в 1896 году вылилось в восстание. Филиппинская революция покончила с трехсотлетним господством Испании, она была первой успешной антиколониальной революцией в Азии. 12 июня 1898 года Филиппины провозглашаются независимыми. Принятая Революционным конгрессом конституция гарантировала свободу слова, печати, собраний. Были конфискованы земли монастырей и испанских колонизаторов. Но на конституцию уже двинулись новые силы.

Манила и до этого неоднократно подвергалась набегам. В конце XVI века ее сожгли пираты китайского корсара Лимахонга. Спустя несколько лет трижды на Манилу нападали голландцы, а с 1762 по 1764 год ее оккупировали англичане. Но новый охотник за чужими землями — Соединенные Штаты — был намного сильнее и хитрее всех предыдущих. Американский империализм начал в 1898 году войну против Испании. В этом же году американские войска высадились на Филиппинском архипелаге. Заключив Парижский мирный договор, по которому Испания передала Филиппины Соединенным Штатам, американцы развернули вооруженные действия против республики. Что это были за действия?

Перед нами стенограмма слушаний в сенатской комиссии США. Выступают участники «умиротворения» Филиппин.

После генерала Хьюза, который оправдывал резню филиппинских женщин и детей тем, что «наиболее эффективно мужчину можно наказать, расправившись с его женой и детьми», ибо они — дикари, перед сенаторами предстает первый лейтенант 35-го пехотного полка Гровер Флинт. Вот что записали стенографы:

«Вопрос:

— Пожалуйста, расскажите комиссии, что вы видели на самом деле?

Ответ:

— Вы хотите, чтобы я описал, как человека пропустили через лечение водой?

— Да, я хотел бы, чтобы вы это сделали, сэр.

— Очень хорошо, сэр. Человека бросают на землю, он лежит на спине. Трое или четверо солдат встают или садятся на его руки и ноги... а потом дулом писто-

лета или стволом винтовки, либо стволом карабина, или просто палкой... Ее засовывают между челюстями и челюсти раздвигают...

Вопрос (сенатор Барроуз):

— Вы сказали, челюсти открывают силой?

Ответ:

— Да, сэр, подобно кляпу. Если попадались старики, их зубы, я видел, крошились, то есть я хотел сказать, когда это делалось немного грубовато. Потом его просто держали, а затем лили из кувшина воду на лицо, в горло, нос, и так продолжалось до тех пор, пока человек не подавал знак о согласии говорить или не терял сознания. Когда же он терял сознание, его просто отпихивали в сторону...

Вопрос:

— Видели ли вы, как солдат ставил ногу на живот человеку, чтобы выдавить воду?

Ответ:

— Да, сэр»⁴.

И так далее...

Представители местных имущих классов, которых в свое время «приручили» испанские колонизаторы, оказали неоценимую услугу новым колонизаторам.

«Американский народ, — писал В. И. Ленин, — давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров, оказался играющим роль наемного палача, который в угоду богатой сволочи в 1898 году душил Филиппины под предлогом „освобождения“ их...»⁵.

«Рабы», о которых говорил Хосе Рисаль, добивавшиеся лишь того, чтобы их «цепи оборачивали» (на этот раз долларовыми бумажками), продолжали верно служить новым хозяевам, чрезвычайно затрудняя борьбу своей страны за свободу.

Нельзя не согласиться с Кармен Герерро Накпил в том, что Манила — это котел, в котором смешались культуры разных стран, народов, эпох. Пройдя по улицам Манилы и увидев за один день каменные надгробья на кладбище Св. Анны, которому уже более трехсот лет,

⁴ American Neo-Colonialism, Its Emergence in the Philippines and Asia by William Pomeroy.— Filipiniana Reprint Series. N. Y., 1970, с. 89, 90.

⁵ Ленин В. И. Письмо к американским рабочим — Полное собрание сочинений. Т. 37, с. 49.

и приземлившись навечно «боинг», принадлежавший когда-то Элвису Пресли, монахинь, входящих в средневековую испанскую церковь, и хиппи, околачивающихся вокруг клубов, оглядев буддийские храмы и мусульманские мечети, очутившись в кварталах, где ты сначала думаешь, что попал в Гонконг, а через полчаса — в Мадрид, Рим, Нью-Йорк или Джакарту, поневоле согласишься с г-жой Накпил, которая утверждает, что житель Манилы лучше, чем кто-либо другой, подготовлен к восприятию чего-то нового, непривычного, во всяком случае, он не откажется попробовать незнакомое блюдо, с интересом отнесется к чужому образу мыслей, иному мировоззрению, другой идеологии. Может сложиться впечатление, что душа, особенно столичного жителя Филиппин, открыта всем ветрам и влияниям, что она — тот же котел, в котором все перемешалось. Конечно, в Маниле такие люди есть и их немало. Однако они не составляют большинства, и не все еще перемешано. Многие остаются в первозданном состоянии, не поддаваясь никаким влияниям, да и сами влияния, по крайней мере не все, интегрировались в духовную жизнь филиппинца. Не все придерживаются философии «я не о'кей», не все могут «переварить» расизм, наглое вторжение иностранных монополий в экономическую и политическую жизнь его страны. Древняя легенда, воспевающая труд, не забыта, она помогает удержаться на ногах и не стать на колени перед сильными мира сего, который построен «богатой сволочью», своей и зарубежной. Ведь выломал же рабочий крест с распятием! Откуда взялись силы? Посмотрим на Манилу с другой стороны.

Манила — крупнейший промышленный центр не только Филиппин, но и всей Юго-Восточной Азии. В ней разместились почти две трети промышленных предприятий страны. Это заводы и фабрики старых отраслей, таких, как пищевая, деревообрабатывающая, обувная, швейная, кустарная, и новых — текстильная, химическая, электромашиностроение, производство металлоизделий. До сих пор важное место занимает кустарное производство. Крупных предприятий, современных фабрик и заводов (как правило, в них преобладает иностранный капитал) в Маниле по сравнению с морем мелких сравнительно мало. Манила — один из транспортных центров Юго-Восточной Азии. Она, конечно, уступает Сингапуру, Гонконгу или Джакарте, но тем не

менее является их серьезным соперником. Только в Южной гавани действуют сорок судоходных компаний, самолеты ста сорока семи авиакомпаний приземляются в ее аэропорту. Она же и цитадель буржуазии и ее иностранных покровителей (большинство из трехсот тысяч телефонов стоит на столах тех, кто представляет интересы экономической и политической власти). Это дает возможность быстро координировать действия хозяев заводов и фабрик, полиции, армии в случае «непредвиденных событий». Имеется и непосредственная связь с Вашингтоном.

В распоряжении манильского буржуа только католических церквей — шестьдесят, ведущих обработку сознания тысяч людей, организующих массовые шествия по случаю религиозных праздников, семинары, проповеди; сто школ (речь идет лишь о старой Маниле); университеты; технические учебные заведения, подвергающие сильнейшему психологическому влиянию более четырехсот тысяч учащихся. Наконец, действует огромный пропагандистский аппарат, деятельность которого недвусмысленно направлена на то, чтобы «не допустить крамолы». Ежедневный тираж газет и журналов (только на английском языке), контролируемый буржуазией и иностранным капиталом, исчисляется цифрой в один миллион сто тысяч экземпляров.

В годы, когда мне довелось работать на Филиппинах, средства массовой информации пропагандировали официальную концепцию «строительства нового общества», а потом и «новой республики». По существу, одна теория похожа на другую. Стержень обеих — «революция из центра». Это свод взглядов представителей правящих кругов, заинтересованных в выработке якобы некоего «своего», «собственного» пути развития при сохранении капиталистических отношений, постоянной их модернизации и приспособлении к «филиппинским условиям». Теория обрастала вспомогательными, нередко глубоко пропагандистскими, мероприятиями, указами, советами, рассчитанными на то, чтобы сбить волну недовольства в каком-то конкретном случае. Так, после объявления о повышении цен на рис устраивалась задача кульков с печеньем и конфетами детям в трущобах Манилы. Две-три сотни «осчастливленных» таким образом ребятшек представлялись газетчиками «ярким примером» того, как проводится в жизнь теория «справедливого перераспределения благ и богатств»,

как к «национальному пирогу» получает доступ все большее количество граждан. Однако надежда на то, что «пирог» в один прекрасный день достанется всем, быстро улетучилась.

Эти очерки писались в тяжелейшие для Филиппин дни. В начале 80-х годов резко ухудшилось экономическое и финансовое положение страны, особенно после убийства в манильском международном аэропорту (август 1983 г.) лидера филиппинской буржуазной оппозиции Бенigno Акино. Конечно, смерть Б. Акино не причина. Это был повод, но его постарались использовать силы, выступающие против режима. Чтобы объяснить экономические тупики (вместо обещанного процветания), куда завели страну иностранные монополии и их классовые союзники внутри страны, руководители «нового общества» и иностранные монополии, американская администрация и бизнес пытались использовать его в своих интересах — «нейтрализовать» антиамериканские настроения и сдерживать постоянно растущее движение против военного присутствия США. И вот уже компания «Форд» объявляет о том, что закрывает на Филиппинах свои заводы — автосборочный и штамповочный. Почему было принято это решение, главное, в момент, когда экономика страны переживала огромные трудности?

Хозяева мичиганского гиганта объяснили просто: «Форду» на Филиппинах тесно, кроме фордовских машин рынок забит продукцией американской «Дженерал моторс», японских компаний «Тоёта мотор корп» и «Мицубиси мотор корп», и вообще экономические трудности заставляют свертывать производство. Действительно, японцы — сильные конкуренты, действительно, экономический спад на Западе вынуждает компании маневрировать. Но в данном случае главным было не это, а то, что «Форд» «обиделся» на те филиппинские круги, представители которых предложили владельцам иностранных компаний ввозить и применять более современную технологию. Ведь это, в свою очередь, позволило бы расширить филиппинское участие в сборке автомашин. Во всяком случае, местные предприятия могли бы поставлять «Форду» большее число деталей, даже узлов, изготовленных не за океаном, а на месте. К тому же «Форду» чрезвычайно не понравились активизация профсоюзов, растущее недовольство американским военным присутствием. Вот он и хлопнул дверью.

В результате — тысячи семей остались без средств к существованию.

Вести, одна печальнее другой, следовали непрерывно: закрылись обувные предприятия Манилы — 7500 человек выброшены на улицу. лишаются работы докеры и моряки, горняки и рабочие на сахарных плантациях... Появляются пугающие цифры — число безработных возрастает на 300—500 тысяч, банки на грани банкротства...

Кризисные явления продолжали нарастать. Остановить их очень трудно. Многие приходят к пониманию, что защитить свои права, добиться удовлетворения экономических требований невозможно без оздоровления общего политического климата не только в стране, но и в регионе. Хотя есть и сторонники «срединного пути», нейтралы, «сидящие на заборе» в качестве наблюдателей, откровенные проамериканцы, доказывающие, что выгоднее быть в подчинении у США, чем противниками их монополий; за последние годы заметно окрепли силы, выступающие за отказ от односторонней ориентации на Запад. Все громче и громче звучат призывы развивать отношения с социалистическими странами, с СССР в первую очередь. Развертывается борьба за мир, против баз США. Так, узнав об увольнении, рабочие заводов «Форда» под лозунгом «Долой американские базы!» двинулись к посольству США в Маниле. Американский капитал, внутренняя реакция все больше и больше опираются на штыки, на пропаганду милитаризма и антикоммунизма. Без борьбы против милитаризма невозможна борьба за хлеб насущный.

Деятели на Филиппинах и в США недооценивали настроения народа, его роль. Февральские события 1986 года, в результате которых прекратила существование администрация Ф. Маркоса, показали, что политическое созревание масс стало ускоряться. В такой ситуации разные политические силы предпринимают энергичные шаги — одни в сторону развития прогрессивных тенденций, другие, наоборот, направлены на укрепление позиции реакции. И события февраля 1986 года в Маниле были далеко не случайными.

Чем же живет этот город, который одновременно рождает борцов за правду и справедливость и тех, кто оказывает жестокое сопротивление людям, горящим желанием построить новый мир? Правда, чтобы ответить на этот вопрос, нужно было порой выезжать из Мани-

лы и, придерживаясь принципа «со стороны виднее», рассматривать ее с разных точек зрения, хотя филиппинская столица говорит сама за себя.

«РАЗВЕЕТ СКОРОСТЬ ПЫЛЬ СТРАДАНИЙ»

Во многих азиатских и африканских странах главный перевозчик пассажиров — небольшой автобус, или грузовичок (на Филиппинах его называют джипни). Экономисты и социологи считают его широкое использование одним из признаков отсталости, иллюстрацией наследия колониального прошлого. Практически нигде в колониях европейские хозяева не заботились об общественном транспорте. У них всегда были свои личные средства передвижения. Население же колониальных городов могло рассчитывать только на собственные ноги. После ликвидации колониальных режимов национальная буржуазия пробовала свои силы в разных хозяйственных сферах. Однако опыта, средств зачастую хватало лишь на мелкие, порой примитивные предприятия. Таким и стало рождение транспортного средства, о котором пойдет сейчас речь. На мой взгляд, наибольшее развитие и распространение оно получило на Филиппинах. Более того, джипни (название произошло от американского «джип») стал достопримечательностью Манилы и других филиппинских городов.

На многих манильских джипни начертано: «Сарао». Эта фамилия известна почти всем пассажирам, владельцам и водителям джипни. После второй мировой войны Манила переживала транспортный голод. Предприимчивые люди обратили внимание на брошенные японцами и американцами небольшие военные автомобили. Из двух или трех умельцы собирали экземпляр, который мог двигаться. Кто-то сообразил, что будет весьма выгодно сделать кузов и таким образом получится небольшой автобус. В одной из мастерских по «перерождению» военных штабных машин в гражданские работал Леонардо Сарао. Освоив профессию автослесаря, он решил начать свое дело и, взяв взаймы у брата шестьсот песо, открыл «цех». На первых порах мастерская занимала площадку, не выходящую из тени развесистой акации. За тридцать с лишним лет дело расширилось, и теперь на том месте, где росла акация,

протянулся длинный навес, под ним стоит десять-пятнадцать кузовов. Предприятие Сарао не имеет сложных станков и механизмов, его рабочие, взяв в руки молоток, ножницы для жести или гаечный ключ, ремонтируют подержанные кузова автомобилей (их поставляют в основном японцы). В другой части «конвейера» подновляют моторы и затем, соединив эти два компонента, получают джипни. Предприятие Сарао,— по существу, кустарная мастерская. Но, поскольку у нее практически только один крупный конкурент (все остальные могут выпустить в месяц один-два джипни), она процветает. Его детища участвовали на международных выставках, в частности в Нью-Йорке в 1964 году.

Вообще-то теоретически любой филиппинец, понимающий толк в технике, может собрать джипни. В манильских лавках, магазинах продается множество всякого рода приборов, замков, зеркал, чехлов и тому подобного для автомобилей. Есть целые кварталы, где ничего, кроме рядов с машинными рамами, дисками, радиаторами, нет. Без преувеличения можно сказать: если выйти на улицу Тафт у площади Ротонда и покупать в каждом магазине по запчасти, то уже на другом конце улицы, там, где она пересекается с Буендией (официальное название улицы Генерал Пуят), у вас будет достаточно деталей, чтобы собрать легковой автомобиль. Здесь раздолье и для плутов. Можно купить отмычку к любому замку на бензобаке, двойной номерной знак, который в случае нужды закроет истинный. Наконец, продается электронное устройство, убыстряющее работу счетчика такси — надо только чаще нажимать на сигнал. За каких-нибудь три минуты счетчик нащелкает в пять раз больше, чем следует. Филиппинская полиция даже обратилась через прессу с предупреждением: если таксист часто сигналил, обращайтесь к регулировщику: он наверняка обманывает. Однако, несмотря на предупреждения, проверки, счетчики продолжают работать в два-три раза быстрее, чем положено. Но вернемся к работающему, реальному, а не теоретическому «конвейеру».

На предприятии Сарао джипни приобретает свой, свойственный только ему одному вид. Но далеко не окончательный. Он будет доведен до той кондиции, которая заставляет каждого туриста вскинуть фотоаппарат и направить объектив на четырехколесное чудо, тем, кто его приобретет. Владелец, вложив в джипни

душу, посвятит ему все свои сокровенные мысли, одарит любовью и надеждой, заботой и лаской. Он приспособит на капоте с полсотни зеркал, припаяет причудливым узором жестяные полоски и медные планки. Попрошит самого знаменитого художника на своей улице изобразить на бортах машины зеленый сад с красавицами или замок, впереди на бампере укрепить пять или больше сверкающих никелированных лошадок (стоит весьма недешево), а сзади роскошный павлиний хвост из искусственного волокна, который будет развеваться на ветру. И наконец, он украсит свое любимое создание крылатой фразой, цитатой из Библии, изречением мудреца или собственным сочинением из нескольких слов, в котором попытается выразить отношение к жизни и окружающему миру. Вот некоторые, их записала моя дочь. Религиозные: «благодари бога», «святой Петр», «святой дым», «бог мой пастух»; романтические: «декабрьская любовь», «любовь под дулом пистолета», «счастье навсегда», «прекрасная», «часовой для курочек», «мадам полуночица», «я тебя люблю», «сладкая дамочка», «девушка Джанго»; приключенческие: «морячок», «арабский экспресс», «ловушка для скорости»; поэтические: «домашний очаг ждет тебя», «развеет скорость пыль страданий»; раздумчиво-грустное: «куда бы ни ехать»; загадочные: «мститель», «принц хун-хун», «император-спаситель», «сестры голубого дракона», «лучше поздно, чем никогда»; расслабляющие: «не принимай близко к сердцу», «на всех хватит»; интригующие: «что-то случится в полночь», «любители выстрелов», «военно-морские сапоги»; надписи на грязезащитных резиновых пластинках: «левак», «самоубийство», «водитель-рыцарь», «четыре брата»; есть и кулинарные: «ничего нет слаще меда», «кукуруза и кормит, и лечит».

Журналист Иеремиас Монтемайор в газете «Таймс джорнэл» сделал своего рода анализ внешнего вида джипни. По его мнению, фигурки лошадок на капоте сегодня говорят не только о современном значении механизма как перевозчика людей и грузов. Сегодня лошадка — это и символ мощности мотора. Ведь всем же известно, что его измеряют в лошадиных силах. Значит, чем больше на капоте лошадок, тем мощнее мотор. С лошадками более или менее ясно. А вот зачем фигурки орлов? Чтобы подгоняли и ободряли лошадей, ответил водитель джипни. На его механизме я увидел множество, штук сорок, круглых зеркалец, которые со всех

сторон окружали табун лошадок и стаю орлов. Пасса-
жирка, объяснил он, может выбрать себе зеркальце и
глядеться в него всю дорогу. И мне удобно, я вижу
каждый уголок улицы, позади, конечно, добавил води-
тель.

Владельцы джипни, желая отвести неудачи и лиш-
ний раз застраховаться от разговора с полицейским,
который практически всегда заканчивается штрафом,
пишут на видном месте имя президента страны, началь-
ника полиции, шефа службы безопасности. Попробуй
обидеть джипни под названием «Акино» или «Генерал
Рамос»! По этой же причине (уберечься от поборов)
водители джипни чаще других своих соотечественников
крестятся, что побудило одного американского гостя
сделать вывод об исключительной набожности маниль-
ских водителей.

Если сами джипни создают неповторимый колорит
филиппинских городов, то их водители в немалой сте-
пени придают своеобразие духовной жизни города. Ве-
роятно, прежде всего потому, что они эмоциональнее
других. Еще бы! Когда так разукрасишь свое детище,
вычистишь, повесишь яркие занавески, невольно ме-
няется осанка, на лице появляется снисходительное и
гордое выражение. Но не дай бог случайно или наме-
ренно чем-то испортить внешний вид (отлетевшие брыз-
ги лужи, столкновение)! Здесь гнев водителя не знает
границ. Был даже случай, когда владелец джипни из-
бил до полусмерти мальчишку за то, что он из озорства
прошелся гвоздем по дверце. Но в принципе отношение
пассажиров к джипни и его владельцу самое уважи-
тельное и доброжелательное. Знакомый журналист счи-
тает даже, что джипни формирует особую мораль не-
больших групп филиппинцев — ведь, как правило, на
них ездят одни и те же люди — маршрут-то его меняет-
ся редко. И вот изо дня в день эти люди, встречаясь
друг с другом, в конце концов превращаются в некую
общину, маленькую деревню на колесах. В пути обсуж-
даются новости, раздаются и принимаются приглаше-
ния на свадьбу или крестины, здесь можно всегда взять
взаимы небольшую сумму денег, попросить совета. Над
всем мирком царит, конечно, водитель. Он здесь стар-
ший, он хозяин, но одновременно и член коммуны, при-
нимающий деятельное участие в ее жизни. И не слу-
чайно, когда бастуют водители джипни, на их стороне
всегда симпатии и поддержка сотен тысяч людей.

Манильцы не представляют себе жизни без этих грузовичков. И когда в 1984 году ввели линию наземного метро, проходившую по самым густонаселенным районам Манилы, вагоны долго ходили полупустыми, хотя проезд тут был значительно дешевле, чем в джипни. Они перевозят 77 процентов многомиллионного населения Большой Манилы. В часы пик 35 тысяч этих красавцев (всего в Большой Маниле 450 тысяч автомобилей — половина автопарка страны) вытягиваются в бесконечные вереницы, которые с высоты напоминают медленно движущуюся гусеницу. Кстати, именно на джипни возлагают вину за то, что в Юго-Восточной Азии Манила занимает первое место по шуму — ведь почти на каждом грузовичке есть радиоприемник, который включается на полную мощность. Никакие приказы, уговоры властей убавить звук не помогают. В Маниле джипни ходят по 744 маршрутам, покрывая или, точнее, обслуживая 550 (из двух тысяч) столичных километров. Для сравнения следует сказать, что автобусами обслуживаются 350 километров по 197 маршрутам. Джипни подруливает к каждому из 158 кинотеатров столицы, к каждой из 691 школы, к каждому парку, а их в Маниле 331.

Общепризнано, что в соревновании с городским автобусом на столичных маршрутах джипни, как правило, одерживают верх, по двум причинам: многие улицы Манилы столь узки, что автобус не в состоянии пройти по ним, не ободрав бока. У автобуса довольно четко определены остановки. Они, правда, могут остановиться по желанию пассажира до или после остановки, но в сторону от маршрута они уже свернуть не имеют права. Джипни же чувствует себя вольно — узкие улицы ему не помеха, а если кто-нибудь с мешком риса просит подвезти его ближе к дому, то водитель, предварительно обсудив просьбу с остальными пассажирами и заручившись их согласием, спокойно сходит с маршрута и доставляет мешок и его хозяина прямо к порогу дома.

Хотелось бы здесь сказать еще о двух видах транспорта — о калеса и трайккле. Калеса ведет свою историю с испанских времен — это обыкновенная двухколесная повозка. В нее запряжены лошадки, как правило, местные — низкорослые. Однако они выносливы и очень смирны. Калеса используют для перевозки грузов — бамбука, изделий из соломы, жердей, досок. Цивилизация, однако, жестоко обошлась с лошадьми, ко-

торых запрягают в калеса. Их лишают зрения, поскольку они пугаются автомашин, грузовиков, мотоциклов, проносящихся на большой скорости. Чтобы обезопасить себя, пассажира, груз, владелец калеса прибегает к такой крайней мере. Сегодня калеса — это транспорт самых бедных, самых заброшенных окраин. Есть, однако, красивые экипажи, запряженные сытыми лошадками, — для туристов, любителей экзотики. Здесь невидящие глаза не пугают, так как прикрыты шорами, кроме того, помимо длинного кнута над экипажем раскачивается антенна радиоприемника, и, если пассажир согласится уплатить пятьдесят сентаво за развлечение, приемник (как на джипни) будет включен на максимальную громкость. На таких калеса есть также надписи. Как правило, это названия широкоизвестных романтических песен. Например, «Дахил са айо» («Моя одна-единственная»).

— Когда цены на бензин повышаются, — говорит глава ассоциации кучеров Манг Горно, — мы не живаемся на бедности людей. Проезд на калеса стоит семьдесят пять сентаво, а для учащихся — пятьдесят. На калеса может ехать до восьми человек. Среди филиппинцев мало тучных людей, но ведь и лошадки не тяжеловозы. Кроме того, калеса обеспечивают заработок кузнецам (подковывать-то надо), художникам (разрисовывают коляску), ремесленникам, мастерам, делающим сбрую.

Мотоцикл с коляской (трайцикл) — это транспорт мелких чиновников, учителей начальных школ, слуг, которых хозяева отправляют на рынок за покупками, иностранных матросов. «Рубашка», то есть внешний вид трайцикла, приняла все основные краски джипни и калеса, только, конечно, в гораздо меньшем масштабе. Но у трайцикла есть одна отличительная черта — на передке его коляски обязательно должен быть колпак от автомобильного колеса; лучше всего, если на нем будет знак «мерседеса», БМВ или «бьюика». Когда однажды знакомый дипломат спустился утром к своей автомашине и увидел, что на одном колесе нет колпака, он тут же поспешил на рынок. Около рынка всегда скопление трайциклов. Примчавшись туда в надежде найти свой колпак, дипломат скоро пришел к выводу, что дело это бесполезное, что колпак уподобился иголке, которая затерялась в стог сена. Поди определи, какой из сотен колпаков твой.

Водители джипни, такси, калеса — прежде всего работаги. Хлеб свой они зарабатывают нелегко. Подобно крестьянину, трудятся до седьмого пота. Отсюда к ним всеобщее уважение.

И В СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ, И В НЕНАСТНЫЙ

Куда бы в Маниле ни пошел, везде увидишь женщину в ярко-желтой рубашке, похожей на нашу футболку, со словом «Эйд». Если дать точный перевод, — «помощник», но что значит «помощник»? У нее метла и совок. Значит, главное занятие — подметать улицы. Но это не совсем так. Часто эйд берет в руки саловые ножницы, чтобы подстричь газон, лопатку, чтобы посадить в прогалине или, как здесь говорят, на «островке», делящем автостраду пополам, цветы. Эйд хорошо знает город и часто выступает в роли ходячего справочника. Она примет меры в случае пожара, поможет ребятишкам достать выкатившийся на мостовую мяч, эйд называют еще «хранителем манильских улиц», «косметологом города». Она стала неотъемлемой чертой филиппинской столицы.

Чуть только забрезжит рассвет, эйд на своем рабочем месте. В будни и в праздники, в солнечный день и в дождливый, даже когда обрушивается тайфун и закрываются школы, государственные учреждения, многие предприятия.

В свое время компьютеры подсчитали, что каждый житель Манилы в среднем выбрасывает в день пятьсот граммов мусора, что траву нужно «стричь» минимум раз в два месяца, а цветы высаживать чуть ли не каждый месяц. Норма эйд — пятьсот метров в день. Однако по многим причинам она получает тысячу метров улицы, а то и больше. Можно представить себе объем работ, если учесть, что «косметологи» трудятся главным образом на наиболее оживленных, перегруженных транспортом артериях, в деловых и торговых центрах города. От пыли, выхлопных газов мало помогает прикрывающая рот и нос тряпица, в сезон дождей (а здесь он длится чуть ли не полгода) плащ тоже плохой защитник. У многих и его нет. Отсюда профессиональная болезнь эйд — туберкулез. Нередки случаи, когда они

гибнут под колесами автомашин (ведь и эйд, и водителя часто ослепляет либо яркое солнце, либо падающая стенка дождя), от рук бандитов, которые, убегая с места преступления, убивают или калечат свидетеля.

Однажды, листая в библиотеке подшивки газет, я увидел заголовок «День эйд Большой Манилы». За ним следовал рассказ о Ховите Балдомер: она работает на одном из самых трудных участков улицы Эпифанио де лос-Сантос (кстати, одного из своих сыновей Ховита назвала Эпифанио — так глубоко вошла в ее судьбу улица, которую она прихорашивает каждый день). Героиня очерка представлялась мне женщиной жизнерадостной, довольной судьбой, хотя жизнь ее, судя по всему, была далеко не легкой.

Мне захотелось поговорить с Х. Балдомер о ее житье-бытье, тем более что адрес в газете был: Макати, баррио Битого, улица Палаван, 4743. «Баррио» в переводе с испанского означает «деревня». Но я никогда не думал, что попаду действительно в деревню — ведь буквально в двух шагах деловой центр столицы, именуемый «местным Уолл-стритом». И достаточно свернуть с Эпифанио де лос-Сантос не направо, к «Уолл-стриту», а налево, как метров через шестьдесят окажешься в совсем другом, не столичном мире. По бокам узких улочек теснятся хижины, многие под соломенной крышей. Каким-то чудом сохранившаяся речушка придает кварталу еще более деревенский вид. Нет, Балдомер не переехала на новое место, она продолжает жить в домике вместе с восемью детьми, мужем, племянниками. Две, а точнее, полторы комнаты (половина одной из них занята кухонькой и хранилищем для риса, дров и других хозяйственных вещей) разгорожены цветными занавесками.

Навстречу мне вышел муж Ховиты Альфредо, который и рассказал мне о ее жизни. Встает в пять утра, а в шесть уже на своем участке. Перерыв на обед в одиннадцать. Рис в пакетике, багоунг (мелкая рыбешка, поджаренная с чесноком) да стакан холодной воды, которую по-дружески, бесплатно, дает владелица продуктовой лавчонки Лина. А что после работы? Иногда Ховита вышивает, иногда зайдет к соседке. Нет, в кино они не бывают. Дорого. Правда, зарплата немного увеличилась. Три года назад Ховита получала триста песо, а теперь получает пятьсот сорок. Но если раньше за электричество (в доме две лампочки) платили десять

песо в месяц, то сегодня — сорок. Да и вообще все подорожало.

— Однажды, — Альфредо улыбнулся, — жена нашла на дороге толстую пачку чеков, принадлежащую одной из компаний на улице богачей — Айале. Владельцы чеков отблагодарили Ховиту, выдав ей в награду пятьдесят песо. Пожалуй, и все перемены в нашей жизни. Да, вот еще: родилась дочка, назвали ее Лилия.

Ховита пришла сразу после двух. Женщина совсем не походила на словесный портрет в газете, была очень уставшей, даже подавленной.

— Снова завяли цветы, — говорит она. — А что я могу сделать? Ведь дышать-то им нечем: бензин да гарь. Машины идут день и ночь, каждую секунду. Извините, я скоро приду.

Альфредо, желая, как мне показалось, объяснить настроение жены, продолжал рассказ о жизни семьи. Теперь он заговорил о себе. Ему сорок три. Однако по-прежнему работает «мальчиком» на площадке для игры в гольф — подбирает и подносит игрокам мячи. Конечно, унижительное занятие в такие годы. Но трудно, очень трудно найти в Маниле работу, тем более что ищущих ее становится все больше и больше. Вот недавно к соседу приехал родственник со своей многочисленной семьей. У него был небольшой — два с половиной гектара — участок земли, каждый год дававший тридцать мешков риса. Восемь отвозили бывшему помещику Гонсалесу в уплату долгов, пять — родственникам, которые помогали убирать урожай, еще пять уходили на долги и удобрения. Семья, правда, давно не покупала сардин (любимое лакомство крестьян провинции Пампанга), но кукурузный суп с овощами был всегда. Тяжелая, конечно, жизнь. И вот как-то появился человек по имени Бонг, который сказал, что он агент по найму рабочих в Саудовскую Аравию. Обещанные «золотые горы» заслонили все вокруг и заставили забыть об осторожности. Земля была продана, вырученные деньги отданы агенту на «оформление» визы, авиабилеты, организацию медицинского освидетельствования и так далее. Однако Бонг оказался жуликом, и тридцать (а с семьями и все триста) обманутых остались без крыши над головой. Большинство решили искать спасения в Маниле.

Альфредо закурил самодельную сигарету. Вошла Ховита. Продолжая рассказ мужа, она сказала:

— Разве я могу сделать нашу улицу красивой, если

она для бездомного, часто забредшего сюда в поисках работы человека — и кухня, и столовая, и туалет, и спальня... Из-за того, что каждый клочок застроен, нигде и куста посадить, нет специального места, куда можно было бы вылить грязную воду. Конечно, мы стараемся, но...

Действительно, филиппинцы горячо поддержали меры правительства по наведению в городах чистоты, украшению их цветами, быстрорастущими деревьями ипил-ипил. Эйд выступали в скученных кварталах с лекциями о том, как бороться с мухами, о необходимости сжигать мусор и вообще соблюдать чистоту. Сами эйд и их слушатели с удовольствием делают все, чтобы каждый уголок Манилы радовал глаз. Для бедняков города это значило больше, чем просто борьба с грязью на улице. Они видели в атаке на грязь признак перемен, коренных преобразований. Стремление к чистоте — это своего рода вызов бывшим колонизаторам, которые уверяют, будто «азиаты никогда не вылезут из грязи». Наведение чистоты, этот весьма важный шаг, успешно сделан с помощью самоотверженного труда эйд. Но ведь нужно делать и другие шаги. Их ждут. Лишние руки, о которых рассказывал Альфредо, — это капля в океане, состоящем из людей, согнанных судьбой со всех островов. Представители городских властей рассказывали мне, что, действительно, многие переселенцы обращаются за помощью к родственникам, пристраивают к их лачугам новые клетушки. Часто, чтобы избежать репрессивных мер полиции, строят за одну ночь. Но если бы люди ехали только к родственникам и делали пристройки только к их домам... Многие селятся где придется — в результате узкие улицы становятся уже, обостряется проблема снабжения водой, топливом, чаще случаются пожары. А какие беды приносят тайфуны, сопровождаемые наводнениями, и говорить не приходится!

Цветы Ховиты вянут. Подсчитано, что заводы и фабрики города выбрасывают в атмосферу ежедневно около 172 тонн окиси углерода, 111 тонн взвешенных частиц, 445 тонн двуокиси серы. Кроме того, есть немало предприятий, работающих на топливе низкого сгорания. Серьезное беспокойство вызывают реки столицы. На многих участках — это зловонные протоки, ставшие рассадниками эпидемий. Не лучше положение на многих городских бойнях и рынках. Однажды газета «Филипп-

пни дейли экспресс», ссылаясь на авторитетные источники, сообщила, что причиной заболеваний жителей столицы на семьдесят процентов являются продукты питания.

Ликвидация этих и других причин страданий городского населения, конечно же, не по плечу эйд-«косметологу».

Как-то в праздник я увидел Ховиту. Сначала даже не узнал ее: белое в цветочках платье преобразило женщину. На больших улицах и бульварах столицы, прибранных ранним утром, гуляли тысячи манильцев. Яркая, красивая толпа. А ведь многие из этих людей надели свое единственное выходное платье и вышли из лачуг. «Чисто вымытая бедность, — сказал поэт, хорошо знающий филиппинскую действительность. — Таковую не стыдно показать иностранцам...».

Но ведь люди живут здесь не напоказ. Поэтому они мечтают избавиться от бедности, даже будь она трижды чистая.

ОДИНОКИЙ БОГ

Трудно привыкнуть к тому, что утро в тропиках наступает мгновенно. Темно, темно, и вдруг яркий свет. Он быстро убирает с неба звезды и заливает землю. Все вокруг оживает. Первой на наших глазах выползает из мрака гора Макилинг, похожая на динозавра. Потом четко обозначаются верхушки пальм. Только что темная дорога стала светлой и заблестела втоптаннами в асфальт камешками. У перекрестка на дорогу выбегает подросток лет двенадцати. Он предлагает завернутый трубочкой в пальмовые листья рис, балут (яйцо, сваренное незадолго до того, как из него вылупляется утенок), початки кукурузы, похожую на молоко жидкость кокосового ореха. Водители тяжелых грузовиков, прошедшие за баранкой всю ночь, останавливаются, чтобы подкрепиться, — ведь вот она уже, Манила, а чтобы ездить по ее улицам, нужны силы. Балут редко кто берет: хоть и любимая еда, но дороговато. Зато все просят по две-три «палочки» с рисом. Позавтракав, закуривают. Один из шоферов спрашивает: «Ну, как тут в ваших краях с рисом? Хороший ожидаете урожай?..»

Этот вопрос волнует всех жителей островов — и деревенских, и городских.

Рис — основной продукт питания для девяти десятых населения Филиппин. С ним связывают надежды на день сегодняшний и день грядущий. Недаром жених и невеста скрепляют свою клятву на верность, соединяя руки над чашей с рисом. Каждая семья, будь то в городе или в деревне, хочет, чтобы эта чаша была полной. Из десяти миллионов гектаров, пригодных для земледелия, в стране обрабатывается восемь миллионов. Рисом засеивается треть этих земель. Немало гектаров под культуру отвоено у природы, казалось бы, в недоступных для пахаря местах. В древности предки нынешних ифугао (народа, живущего в горах), борясь за воду, долбили склоны гор. На очищенную и выровненную полосу сносили щебень, гальку, песок, землю, ил. Потом (и это самое главное) сооружали из камней и глины своеобразную плотину, чтобы она останавливала стекающие сверху ручьи. И вот грядка готова. На ней и сажали рис. Постепенно «грядки» удлинялись и превращались в ленты, называемые сегодня террасами. Поднимаясь все выше и выше, они опоясали в несколько рядов горы многих филиппинских островов. Кто-то подсчитал: если вытянуть в одну линию только террасы Лусона, то она опоясала бы половину экватора. Путешественники называют ожерелья гор, созданные людьми, восьмым чудом света. Ифугао говорят, что это их ступеньки к звездам, а значит, и к счастью. Каждая ступенька обильно полита потом крестьянина.

Не меньше, чем ифугао, трудились жители долин. И сегодня можно часто услышать, как поздно вечером крестьяне поют: «Магтаним хинди биро...». Это начало песни, в которой говорится о том, что выращивать рис — значит от зари до зари наклоняться к земле, для отдыха нет ни минуты.

Несмотря на тяжкий труд, как в горах, так и в долинах у большинства филиппинцев чаша не всегда доверху наполнена рисом.

У крестьянина потому, что большую часть урожая он должен отдавать: долги, налоги, сборы за регистрацию брака, рождения ребенка и т. п. Часто меняют рис на керосин, соль, на предметы первой необходимости. А цены на все с каждым годом растут.

Не хватает риса и рабочему. На рынке и в магазинах рис постоянно дорожает, а едоков становится все

больше. Демографический взрыв, сопровождаемый ростом городского населения, превратился в постоянно растущую демографическую волну. Конечно, частично можно было бы удовлетворить потребность в рисе, но нередко крупные землевладельцы, торговцы либо не давали ему хода на рынок, либо по более выгодной цене продавали за границу. Вносила свою черную лепту и стихия. То тайфуны, то крысы, то болезни губили рис на корню. В 1972 году на Центральном Лусоне, который кормит большинство филиппинцев, около одной трети урожая погибло от вируса. Это чрезвычайно обострило социальные отношения в стране.

Когда на Минданао грызуны опустошили поля, резко возросла неприязнь бедняков-мусульман, вылившаяся в кровавые столкновения — ведь крупные плантации, принадлежавшие либо иностранцам, либо филиппинцам-христианам, почти не пострадали (они имеют возможность использовать дорогие средства против вредителей), а крестьяне-мусульмане не смогли уберечь свои клочки. Отсюда недовольство, отчаяние, которое подогрело вражду к богачам-христианам. Маленькое зерно выступает либо как фактор укрепления политической стабильности, либо как одна из главных причин социальных волнений. Боязнь обострения антагонистических противоречий в обществе заставила правящие круги искать выход из осложнявшегося с каждым днем положения.

Многие, и прежде всего сторонники классового мира, «национальной гармонии», ухватились за идею «зеленой революции»: использовать высокоурожайные сорта риса, и дело пойдет — каждый гектар должен давать больше драгоценного зерна. Этой проблемой занялся Государственный университет Центрального Лусона. Большую помощь его сотрудникам оказали ученые Международного исследовательского института риса в Лос-Баньосе — небольшом городке к югу от Манилы.

Профессор Дональд Бартон, один из руководителей научных исследований, ведет меня мимо аккуратных квадратов экспериментального поля.

— Задача у нас сложная, — говорит он. — Мы работаем над тем, чтобы вывести такие сорта риса, которые бы не боялись в одних условиях — пониженных температур, а в других — повышенных, стебли которых временно ложились бы на землю и не ломались, когда на них обрушивается тайфун. Мы должны сделать каждое

зерно крупнее, питательнее, защитить его от болезней, грызунов. Чтобы решить эти задачи, сотрудники МИИР собрали образцы лучших сортов (только для скрещивания — четырнадцать тысяч!) почти из всех стран мира, которые возделывают рис.

Рассказывая, г-н Бартон открывает регистрационную книгу, и в графе «СССР» я читаю: «Краснодарский, маловодотребовательный, донской...». Филиппинские и иностранные ученые провели огромную работу и добились хороших результатов. Отобраны, усовершенствованы старые, созданы новые сорта риса, которые могут удвоить, даже утроить урожай. Казалось бы, теперь есть условия для успешного старта, а главное, развития «зеленой революции». Но она почти с первых же шагов стала терпеть неудачу. Причина в отсталых примитивных орудиях труда и производственных отношениях. Высокоурожайное зерно, созданное трудами ученых, не находило должных условий на рисовом поле. Отсюда вывод: нужна аграрная реформа.

Особенно энергично за ее проведение взялись в 70-е годы. Было решено размеры владений помещиков, сдающих свою землю в издольную аренду беднякам, ограничить семью гектарами (правда, затем, после яростного сопротивления помещиков, было внесено изменение: надел увеличили до 24 гектаров). Вся остальная сверхнормативная пашня выкупалась государством по высоким устойчивым ценам и распределялась среди работающих на ней арендаторов. Не бесплатно, конечно, а за выкуп. Крестьянин по закону должен был рассчитаться с государством за землю в течение 15 лет, а получивший землю вступить в кооператив, который играл роль посредника в приобретении семян, сельскохозяйственных орудий труда, реализации урожая, получении кредитов и т. д. Таким образом, к «зеленой революции» (то есть возможности пользоваться техникой, удобрениями) были допущены дополнительные слои крестьянства. Немалую помощь оказало им правительство, организовавшее строительство ирригационных систем, курсы обучения современным методам ведения хозяйства. Этим, собственно, и объясняется успех программы «Масагана-99» (в переводе с тагальского — «изобилие»). А цифра «99» означает, что конечная цель программы — достижение урожайности в 99 каван (мешков) — около 43 центнеров патая (неочищенного риса) с гектара.

Однако успех был временным и радость принес не-

многим. Довольно скоро «зеленая революция» на мелких крестьянских полях стала затухать, а филиппинские крестьяне поспешили вернуться к традиционным, менее урожайным, но и менее капризным сортам риса. Забуксовала и аграрная реформа.

Я в гостях у горожанина Джо Гонсалеса. В городе живет так, как жил в родной деревне двадцать лет назад. Деревянный дом с пристройками. Электричества нет, нет почти никакой мебели. Единственное, что придает помещению «городской» вид,— яркие цветные вырезки из журналов, наклеенные на стенах. Во дворе перед домом разгуливают утки, куры, поросенок. Тут же склоченный из досок стол. За столом тесно: у Джо пять сыновей, три дочери, внуков мал мала меньше. Старшая дочь варит на керосинке рис. В отличие от китайцев и тайландцев филиппинцы готовят его не на пару, а в кипящей воде.

— Главное не ошибиться с водой,— поясняет Джо.— Если перелить или недолить, то все пропало. Вода должна подниматься над рисом на высоту второго изгиба указательного пальца. Мы никогда не варим рис в металлической кастрюле. Только в глиняном горшке. И не более двадцати минут.

Ели молча. Когда у одного из внуков несколько зернышек упало на землю, все так посмотрели на него, что мне стало ясно — совершен проступок.

— Ведь, кажется, рис,— говорю я,— называют здесь богом здоровья и благополучия?

— Конечно,— продолжает мысль глава семьи,— он действительно бог. Но бог одинокий, а потому и не всемогущий. Ведь мясо мы едим очень редко, по самым большим праздникам, рыбу — тоже, хотя живем практически на море.

Аграрная реформа, сравнительно успешно проводившаяся на рисовых и кукурузных полях, мало затронула другие отрасли сельского хозяйства. Собственно, таково было решение правительства. Но, как показала жизнь, при наступлении на нищету в деревне необходим широкий фронт, нельзя ограничиваться «боем на отдельных участках», нельзя вести его без одновременного освобождения экономики страны от засилья иностранного капитала. Многонациональные корпорации за бесценок вывозят плоды ее земель. Вот и получается, что филиппинские бананы в Японии стоят дешевле, чем на Филиппинах. А рыба? Многие любимые филиппинцами

сорта практически недоступны. Современные траулеры, принадлежащие чужеземцам, опустошают флору и фауну филиппинских вод. Вот почему значение риса многократно умножается.

Как-то газета «Таймс джорнэл» напечатала снимок: крестьянка плачет над высохшими стеблями риса. В подписи говорилось: «Засуха обрушилась по меньшей мере на пять провинций Северного Лусона, вызвав опасения, что сбор риса упадет. Только на орошаемых землях дела обстоят благополучно...». Известно, что на Лусоне лишь в семи из девятнадцати провинций сделаны серьезные шаги в области ирригации. Так что бог здоровья и благополучия еще сильно зависит от капризов природы.

В Международном исследовательском институте риса меня привели в помещение, где я тут же вспомнил сибирские морозы. Здесь при низкой температуре в запаянных банках, хранимых за стальной дверью своеобразного сейфа,—особо высокоурожайные сорта риса. Их законсервировали на полвека.

— Пока что многие зерна, собранные тут,— говорил сопровождавший меня ученый,— не для нынешнего поля. Каким оно будет, трудно сказать... Но, может быть, эту железную дверь откроют все же не через пятьдесят лет, а раньше?

КАРАБАО

— Посмотрите, какие печальные у него глаза,— сказал мне крестьянин Лог Кико.— И никогда, сколько себя помню, не были они веселыми. Может быть, потому, что часто видят наши слезы?..

На фоне гор с кольцами рисовых террас, которые под заходящим солнцем сверкали изумрудно-багровым блеском, филиппинский буйвол, здесь его зовут карабао, выглядел неказистым: серый, вытянутая морда с влажным носом, плоские рога, образующие незамкнутый нимб, только не над головой, а над шеей. Карабао время от времени взмахивал пушистой кисточкой, венчавшей хвост, отгоняя мух. Это животное совершенно спартанского склада, и для счастья ему требуется только одно (если, конечно, случится покинуть рисовое поле)— болотце, либо просто лужа, либо канава с водой. Вре-

мя от времени он должен окунуться или зарыться в жидкую грязь. Иначе может хватить солнечный удар, а главное — жара так высушит поры его толстой кожи, слабо защищенной редкой шерстью, что она потеряет способность дышать. Но даже небольшой «душ» может вернуть карабао к жизни.

Полагают, что первый карабао пришел на Филиппины из Индии по «мостам», которые когда-то соединяли Филиппины с Цейлоном (Шри Ланкой) на юге и с индонезийским берегом на Западе. На родине «труженика рисовых полей» считали бедным родственником священного быка. На Филиппинах слово «карабао» произошло от несколько измененного испанцами малайского «кагбау». Эти буйволы темные, но попадаются альбиносы, и они хуже переносят жару, менее выносливы. Карабао всегда молчит. Даже если голоден, сохраняет выдержку. Пожалуй, только в двух случаях он нарушает тишину: когда ищет подругу и когда уходит из деревни, чтобы умереть.

Прижившись на Филиппинах, карабао довольно быстро вытеснил с диких пастбищ тамарао. Что же представляет собой бывший конкурент, сохранившийся только на острове Миндоро? Есть предположение, что тамарао произошел от коровы и оленя. Он похож на карабао, только поменьше, и рога его, подобно антеннам, вытянуты вверх буквой «V». Однако они не делают его выше, поэтому тамарао и называют «пигмеем среди быков». Он обладает обостренным обонянием и чувствует приближение человека за полтора километра. До трех лет это животное ведет себя смирно, взрослея, тамарао приобретает дикий, даже злобный нрав. Причем женские особи свирепее мужских. Они отличаются от них и внешне: отсутствует на шее черный «воротничок», и рога не прямые, а чуть изогнутые. Тамарао обычно живут около двадцати лет. В неволе же быстро, максимум через три года, погибают. Поэтому не пришелся он ко двору человеку.

Но вернемся к нашему смирному и покладистому карабао. На первый взгляд он казался слабоватым. Впалая, совсем не атлетическая грудь, сравнительно небольшой рост даже внушали жалость. Наверняка, думалось, он не выдержит готовившегося ему испытания. Около двадцати человек подложили под избушку, сделанную из бамбука, шесты, приподняли и перенесли на огромные «санки» в виде двух длинных, скрепленных

между собой бревен. На спину и плечи карабао была положена довольно хитрая упряжь. Кико легонько, даже нежно, похлопал буйвола, и «сани» тронулись. Медленно пошел карабао, и хотя от места, где строилась хижина для молодоженов (вернее, ее каркас), до деревни было километра три, поклажа будет доставлена только на другой день. Зато в полной сохранности — ни одна стенка не пошатнется, ни жердинка не упадет с нее.

Вынослив, трудолюбив, неприхотлив и скромнен карабао. Природа отпустила ему немного времени — в среднем лет тридцать. Однако за двадцать пять лет своей жизни этот буйвол столько сил отдает человеку, что хоть памятник ему ставь. И ставят. На Рохасе, самом красивом, самом оживленном бульваре Манилы, застыл карабао из металла. Скульптор придал ему не совсем свойственные черты — сделал гордым, даже величественным, совсем не таким, как в жизни, хотя никакого отступления от реальности. Если разобраться, то на гордость и на величие он имеет полное право. Карабао выполняет самые разнообразные и очень важные для крестьянина работы: обработку полей, обмолот зерна и перевозку урожая. Часто видишь, как по обочине скоростного шоссе движется карабао к городу из какой-нибудь дальней деревни. Чаше всего тянет длинную телегу с кустарными поделками — плетеными корзинами, шляпами, стульчиками, циновками, игрушками. Среди груза есть и такой, который возница укладывал, наверное, тайком от карабао: пуговицы, мундштуки, рукоятки ножей, сумочки, ремни, сделанные из рогов, копыт и кожи отживших свой век буйволов или тех, которых пустили на мясо.

Одним словом, трудится карабао изо всех сил и пользу приносит немалую, хотя священным объявили не его, а другого быка, который значится в распространенном на Востоке и пришедшем из Китая календаре двенадцатилетнего животного цикла.

Карабао привлекает внимание не только скульпторов, писателей, художников, но и философов, этнографов и даже социологов. Полагают, что некоторые черты филиппинцев — медлительность, основательность, трудолюбие, скромность — в какой-то степени складывались под влиянием карабао, любви к нему. На примере поведения этого животного социологи часто иллюстрируют процессы, которые происходят в жизни сельского общества.

В 50-х годах на Филиппинах насчитывалось до четырех миллионов карабао (всего в мире карабао и родственных им американских буффало, африканских быков, итальянских буйволов около 130 миллионов голов, из них только три процента поголовья находится вне Азии). В последующие десятилетия число карабао стало резко сокращаться. Причин немало: разорение крестьян, наступление крупных хозяйств, применяющих механизмы, сокращение территории выпасов. Наконец, химические средства защиты растений от болезней и вредителей делают для карабао несъедобными травы, листья деревьев. Этих животных не только стало меньше, но и сами они уже не так выносливы, как были раньше. Но и без такого карабао крестьянину не обойтись.

— Как были при карабао, так при нем и остались, — печально говорит Лог Кихо. — Хоть мы все очень любим нашего верного помощника, но понимаем, что трактор лучше. Да, видно, не пришло еще его время.

БАРОНГ

Дизайнеры в поисках новых и оригинальных красивых и практичных моделей одежды давно заметили филиппинский баронг. Он даже вошел в европейские справочники и представляется как «нарядная светлая мужская сорочка». В одном из них утверждается, что «баронг означает еще тяжелый, большой нож, которым пользовалось мусульманское население Филиппин». Это неверно. Баронг есть баронг. Правда, ранее нарядную сорочку называли «баро» или еще точнее — «баро нг тагалог». Впоследствии частица «нг» стала присоединяться к слову «баро» и образовалось слово «баронг».

Каким же образом баро превратился в мужскую сорочку баронг, длинная история. Начало ее относится примерно к XVII веку, когда многие филиппинцы носили одежду, похожую на ту, в какой они встретили Магеллана. Это была полотняная просторная блуза, доходящая до пояса, без воротника и рукавов. У некоторых штаны заменял кусок яркой материи, окаймленной за частую золотым шитьем. На голове можно было увидеть тюрбан. По большим праздникам на плечи еще набрасывалась пестрая шаль, скорее даже плащ (в таких ко-

стюмах сейчас выступают исполнители традиционных филиппинских танцев). Конечно же, в немалой степени одежда менялась с приходом в страну испанцев, китайцев, американцев и других чужеземцев.

Испанцы в XVIII веке носили на Филиппинах рубахи с твердыми стоячими воротничками, башмаки и шляпы. Такие наряды нравились филиппинцам, однако позволить себе подобную роскошь могли только богачи. Население победнее продолжало ходить босиком или в соломенных шлепанцах. Однако к праздникам и они принаряжались: повязывали на шею платочки, надевали широкополые шляпы.

Что же с сорочкой? Она постоянно видоизменялась — стала длиннее, приобрела рукава без манжет. Знать и богачи, дабы выделить себя среди прочего люда, поверх баронга надевали еще одну рубаху, подлиннее. Брюки тоже удлинились, так что касались земли, а кроме того, их делали более узкими.

В XIX веке баронг шили из тонкой хлопчатобумажной ткани, полотна или шелка. На сорочках появились воротнички, и они уже застегивались впереди на пуговицы. Позднее к сорочкам стали пришивать кружева. Таким образом, баронг приобретал ярко выраженный европейский вид. Состоятельные филиппинцы начали носить поверх все еще длинного баронга сюртук наподобие «наполеоновского». И тем не менее эта рубаха оставалась очень широкой. Она должна была быть такой, несмотря на жесткие правила европейской моды: этого требовали, во-первых, жаркий климат, и, во-вторых, как сказал мне портной, желание большинства филиппинцев казаться выше, больше, шире в плечах, одним словом, быть «как испанцы». Чем просторнее и шире баронг, тем внушительнее, солиднее вид его владельца.

С начала XX века, после захвата Филиппин Соединенными Штатами, начало усиливаться влияние американцев. Стали входить в моду белые костюмы из материала, напоминающего акулюю кожу, фраки как официальная вечерняя одежда, разнообразные жилеты и т. п. Баронг на время забыли. Однако патриоты, приверженцы национальных традиций постарались вернуть ему былую популярность. Усилия не пропали даром. С пятидесятых годов баронг снова входит в моду. Теперь его стали украшать разнообразными вышивками с геометрическими узорами, что сохраняется и поныне.

Мишель Карпентье из Парижского дома моделей, долгое время проживший на Филиппинах, внес свой вклад в создание различных силуэтов баронга. Он сделал его (с помощью выточек) уже, ввел более плотные манжеты, резче обозначил воротничок. Он также изобрел пиджак «а ля баронг», который шили из того же материала, что и сорочку. Однако наиболее популярный современный баронг, по мнению еженедельника «Уикенд», создан филиппинцем Эдгардо Акино и получил название «нового республиканского баронга».

Баронг носят филиппинцы; он пользуется успехом и у европейцев. Его можно видеть всегда и везде — на официальных встречах и в повседневной жизни, на пожилых и молодых — навыпуск и просто заправленным в джинсы. Правда, защитники традиций не согласны с подобным способом ношения национальной одежды, считая, что баронг следует надевать лишь в особо торжественных случаях. Однако многие другого мнения.

— Зачем же я буду целый день париться в синтетической рубашке, — удивляется парикмахер, — и держать свою любимую рубашку, в которой хорошо дышится и прохладно, для особого случая? Да и где он, этот особый случай? Не так уж их много в моей жизни: свадьба, крестины или выпускные экзамены детей — вот и все.

Баронг любят священники (они сами его носят и хотят видеть в нем своих прихожан), профессора университетов, учителя, водители, официанты, артисты — словом, все. И, возможно, даже именно потому, что это истинно филиппинская одежда. В баронге филиппинец не только чувствует себя удобно (это, как мы убедились, немаловажно), но и демонстрирует свою национальную принадлежность, а, кроме того, в белоснежной сорочке он выглядит опрятно и красиво.

Баронг любит и молодежь, правда, иной раз она носит его не так, как этого хотели бы представители старшего поколения. По моде, установленной популярным эстрадным певцом Энтони Кастело, — заправляют в брюки или джинсы. Энтони Кастело на концертах появляется только в баронге. Шьет ему эти сорочки знаменитый модельер Данило Франко, дизайн их самый разнообразный, так же как и вышивки, — на рубашках певца увидишь и знаменитый манильский закат, и птичек, и экзотические цветы.

Многие модельеры также считают, что далеко не вся-

кий филиппинец умеет правильно носить баронг. Эдгардо Акино говорит, что следует постоянно воспитывать молодых людей, прививать им вкус к красивой одежде. Он сердится, когда видит, что баронг надет не на майку или закатаны рукава. Порой он не сдерживается и говорит кому-нибудь, кто небрежно обошелся с баронгом: «Баронг-тагалог — наш национальный костюм, и к нему следует относиться с уважением»⁶.

РЕМЕСЛЕННИК: РАДОСТИ, НАДЕЖДЫ, ТРЕВОГИ

Счастливой стороной судьба обернулась не только к баронгу, сохранив его для филиппинцев, но и к некоторым традиционным ремеслам: резьбе по дереву, плетению, собиранию морских раковин. По данным статистики, на Филиппинах в зависимости от времени года пять-восемь миллионов человек занято в домашней промышленности. Ее называют даже «одним из столпов экономики республики». С этим нельзя не согласиться, если учесть, что в отдельные годы казна получает до трехсот миллионов долларов в виде налогов на экспортную выручку кустарей.

Мы посетили одну из мастерских, занимающихся производством традиционных шляп из волокна дерева бури, принадлежащих филиппинцу Педро Кабунгкалу. С производством меня познакомил его сын и правая рука — Хосе Кабунгкал.

— Вот наш главный цех,— с гордостью сказал он, когда мы приблизились к небольшому двухэтажному зданию.

Нас поразила мертвая тишина, царящая внутри помещения. За столом в полумраке сидели мастерицы. Молча, не отрывая глаз от изделия, они быстро и ловко придавали ему элегантный вид. Меж столами прохаживался усатый мастер. Он доходил до больших круглых часов, поворачивался, шел к распятию Иисуса Христа, снова поворот. Ровно в одиннадцать удар деревянным молотком. Перерыв!

Такого множества шляп я никогда не видел. Одни сложены в гигантские стопки, другие еще сохли. Был

⁶ Weekend. 24.03.1985.

понедельник, и их только что привезли из четырех деревень. В каждой над заказом компании «Лукбан хэс энд хэндикрафтс инк» трудятся в перерывах между работой в поле пятьдесят семей, то есть минимум четыреста человек. За продукцией едут в пятницу, заодно отвозят надомникам очередную порцию сырья, а также деньги — крестьяне обычно просят дать им хоть какой-нибудь аванс. В цехе шляпу доводят до нужной кондиции. Делают работу пятнадцать человек, в основном женщины. Трудятся они в этом полутемном и жарком помещении (даже во дворе при 32 градусах прохладнее) восемь часов с короткими перерывами.

— Мы процветаем,— улыбается г-н Кабунгкал.

Неплохо идут дела и у сотен других, таких же как он, бизнесменов: налоги не очень обременительны, транспортировка сырья и изделий не дорога. А труд? Дешевле, пожалуй, и не бывает: крестьянину за шляпу платят два песо (у рабочего в среднем получается немногим больше), а в столичном магазине она продается за пятьдесят-семьдесят пять песо.

Кроме дешевого труда на кустарное производство «работают» и другие, не менее важные факторы. Государство увидело в людях, подобных Кабунгкалу, некоего посредника, способного одновременно использовать и примитивный труд крестьянина, и труд городского рабочего. Таким образом, создается цепь, которая служит основой довольно устойчивого и достаточно гибкого хозяйственного механизма, дающего крестьянину дополнительные средства, способные спасти от разорения, и тем самым привязывает его к деревне. Одновременно происходит укрепление прослойки местных бизнесменов.

Не последнюю роль в поддержке домашней промышленности и ремесленничества сыграли патристически настроенные филиппинцы, которые занимают важные посты в государственном аппарате, известные деятели культуры, видные литераторы и журналисты. В популярности плетеных кресел, успехе абажуров, вышивки, носящих неповторимые черты самобытного искусства, они видят утверждение национального самосознания. В свою очередь, филиппинские мастера почувствовали себя увереннее, когда их родина обрела политическую независимость. Возникли дополнительные возможности показать всем свой товар лицом.

— Я возил образцы продукции нашей компании,— рассказывает г-н Кабунгкал,— в США, Канаду, Запад-

ную Европу. И каждая такая поездка приводила к расширению деловых связей.

Оценив возможности домашней промышленности, особенно той ее части, которая дает экспортную продукцию, правительство приняло ряд мер, обеспечивающих дополнительную помощь «своему бизнесмену» и содействующих укреплению его позиций. Одной из них было создание в 1962 году Национального управления по развитию ремесленного производства (НАСИДА).

Г-жа Балмес, занимающая руководящий пост в НАСИДА, отмечала, что администрация старается облегчать мелким предпринимателям доступ к кредитам, определять и устанавливать базовые розничные цены, чтобы как-то контролировать рыночную стихию, помогать в разработке новых изделий. Но, пожалуй, самая главная задача — защита филиппинского ремесленника от иностранных конкурентов. Еще до второй мировой войны вышивальное производство, например, попало под полный контроль американских фирм. Сегодня наряду с ними в домашнюю промышленность и ремесленничество активно и быстро проникает иностранный капитал — японский, западногерманский и китайской буржуазии (Гонконга, Сингапура, Тайваня). Последствия такой экспансии уже сказываются. Так, сейчас многие резчики по дереву, создававшие раньше великолепные национальные маски, тысячами строгают каблуки для вошедших в моду туфель, на которых стоит марка западных фирм. Или, например, газеты сообщали, что американский предприниматель и дизайнер О. Кассина решил построить на Филиппинах фабрику массового пошива баронгов, что приведет к разорению многих кустарей. Подобная угроза существует и для производителей мебели, соломенных изделий и т. п.

— Мы,— говорит г-жа Балмес,— делаем все, чтобы соблюдался закон: предприятие ремесленного производства должно принадлежать филиппинцам; если же в дело вступает иностранец, то он имеет право на вложение максимум двадцати пяти процентов капитала или на приобретение стольких же процентов акций. Такая же пропорция соблюдается в правлении смешанного предприятия — семьдесят пять процентов мест должны быть заняты филиппинцами.

Правда, закон нередко обходят. Так, иностранцы женятся на филиппинках, чтобы открыть дело от их имени, но, естественно, со своим капиталом. Тем не ме-

нее положение о 75 процентах является довольно серьезной «защитной стеной». НАСИДА следит также за тем, чтобы из страны не вывозилось сырье, например ратан, который идет на производство легкой, изящной мебели. Однако здесь, на Филиппинах, все чаще и чаще говорят о принятии более серьезных, глубоко социальных мер. Одной из самых надежных (об этом заявила газета «Буллетин тудей») представляется объединение крестьян-надомников в кооперативы. Выгоды очевидны: легче получить кредит, появляются дополнительные возможности для приобретения современных орудий труда, удобений.

А что думает о своей судьбе сам ремесленник? Мигуэль Кагаят продает бусы и изделия из ракушек на «Пистанг пилипино». Это крупный современный базар Манилы, занимающий несколько кварталов.

— По правде говоря, — улыбнулся он, — трудно ответить на ваш вопрос. Покупателю безразлична моя судьба. Рядом такой же ремесленник, как и я. Но это ведь прежде всего конкурент. А что если завтра вдруг снова поднимутся цены и я не выдержу очередной волны инфляции? Она смоеет мою мастерскую, разорит. Дай бог, чтобы этого не случилось...

УТЕНОК ПО-ФИЛИППИНСКИ, ДУРИАН ПО-ЦАРСКИ

В половине четвертого в ресторанчик на улице Орокъета, которым владел Сантьяго Кастро, пришли гости. Но за столик не сели, а направились прямо в кухню. Это были инспекторы. Проверив содержимое двух кастрюль, они сделали вывод: «Блюдо из собачатины». Хозяин не отрицал.

За нарушение закона, то есть за приготовление собачьего мяса, полагается штраф и тюрьма — до шести месяцев. Объявив о мерах наказания, инспектор зачитал соответствующий параграф («запрещается собак убивать, продавать или покупать их на мясо, хранить его или предлагать на продажу ресторанам, отелям, постоянным дворам, пансионатам и другим общественным заведениям Большой Манилы») и арестовал Кастро. Однако тут же нарушитель был отпущен под залог в сто песо (столько стоит обед из собачатины).

На Филиппинах, правда, не так уж часто встречаются

ся любители блюд из этого запрещенного мяса. Здесь предпочитают овощи, фрукты, рыбу, рис, сладости. Основу многих любимых блюд составляет банан. Его варят, жарят, парят, из него, предварительно превратив в муку, делают лепешки. Не уступает в популярности кокосовый орех. Однако самое характерное для Филиппин блюдо — это балут.

— Балут! Балут! Балут! — кричит парнишка.

В голосе не мольба, а задор и торжество. Он самый удачливый из разносчиков. Ни у кого не идет товар (сигареты, гирляндочки из белых цветов сампагиты, газеты, веники) так бойко, как у продавца балута. Балут любят здесь и стар, и млад. Что же это такое? «Это» — утиные яйца, но не просто яйца, а уже полежавшие под наседкой — уткой или курицей. И вот, когда до появления утенка остается совсем немного, яйцо опускают в воду и кипятят. В результате, когда разбиваешь его, обнаруживаешь темную, почти черного цвета жидкость, которая поначалу вызывает отвращение. Но это с непривычки. Знатоки и любители осторожно высасывают содержимое с выражением величайшего наслаждения. Жидкость, однако, — всего лишь часть блюда. За ней невылупившийся утенок, которого съедают целиком вместе с головой, косточками, пухом. И даже с остатком мешочка, который держит желток. Вид их европейцу неприятен (когда при мне американцу предложили яйцо, он отказался, сказав: «Я не утенок, я цыпленок»), но знаток и гурман филиппинец считает, что нет запаха приятнее, а главное, балут — сгусток питательных веществ. По утверждению «Буллетин тудей», он делает человека крепким, стимулирует кровообращение.

Уток для балута разводят главным образом в провинции Рисаль, недалеко от Манилы, основного потребителя. Балут — китайское блюдо и его привезли на Филиппины еще до прибытия туда испанцев. Так как спрос на деликатес постоянно растет, для доведения яиц до кондиции используют разного рода инкубаторы — им может быть горка шелухи от обмолоченного риса, которую устраивают на самом солнцепеке. «Фабрикой» для балута служат также темные и теплые помещения с низкими потолками, куда ставят ящики длиной до шести метров, шириной и высотой метр. В ящик опускают бамбуковые корзины, пространство между ними выстилается рисовой соломой, изнутри корзины обмазываются

навозом карабао. Так, во всяком случае, в городке Патерос, на берегу озера Лагуина де Бай, готовят этот деликатес. Мне удалось попробовать балут поневоле. Командование военно-морских сил Филиппин устроило на военной базе в Кавите большой прием. Ко мне подошел адмирал. Мы начали беседовать. Адмирал сказал много теплых слов в адрес Советского Союза, вспомнил, что во время пребывания на советском судне пробовал только русские блюда.

— А вы сможете попробовать наши? — спросил он.

И тут я опрометчиво сказал:

— Смогу.

— Вот и прекрасно, — заулыбался адмирал. — Ну что ж! Начнем с балута.

Если балут — король филиппинских блюд, то дуриан — царь фруктов. Дуриан, пожалуй, самый странный плод в природе. Он растет на деревьях, достигающих высоты более тридцати метров. Дерево дает от десяти до пятисот плодов за сезон. Круглые (длина до двадцати сантиметров, ширина около семнадцати, вес — три килограмма и больше) и эллипсообразные, как небольшая дыня. Есть плоды, формой напоминающие тело гиббона, — длинные, с «талией» (этот сорт так и называется «гиббон»). Есть сорт «крадум» (по-тайски — «пуговица на рубашке») — маленький, круглый, его покупают те, кто стеснен в средствах. А есть «золотая подушка». Легко, даже по внешнему виду, отличить один сорт от другого. Например, «гиббон» имеет темно-коричневую, как у гиббона, окраску своего «панциря». У сорта «лягушка» темно-желтая мякоть похожа на лягушачью шкурку. «Десепши» (обман) покрыт устрашающими шипами. Срезав кусочек кожуры, обнаруживаешь нежную кремово-желтую мякоть, похожую на редкий драгоценный камень.

Дуриан сложно выращивать и собирать нелегко, поэтому, вероятно, и ценится он дорого. Из-за своего панциря дуриан неречко использовался как оружие (в Таиланде именно им иногда пользуются для подкрепления аргументов в споре). Удар дурианом может вызвать тяжелую травму, и поэтому тайландские власти облагают драчунов штрафом, размер которого зависит от силы и числа нанесенных ударов. Однако сам дуриан — фрукт мирный. Падая с дерева, он, уверял меня один из поклонников «золотой подушки», никогда не упадет на человека и не ранит его, потому что у него есть глаза.

Но скорее всего не у каждого, так как я видел сборщиков дуриана, работавших в защитных мотоциклетных шлемах.

Дуриан произрастает в южной части Азии — от Суматры и Явы до Филиппинского архипелага. С апреля по август его запахом пропитывается воздух рынков Бангкока и Куала-Лумпура, Рангуна и Джакарты. В малайзийских деревнях, где дуриан плодоносит особенно щедро, жители даже ставят название фрукта перед названием своей деревни. Есть, например, в Пераке деревня Дуриан Сабатанг.

На Филиппинах этот фрукт выращивают на острове Минданао, в частности в провинциях Давао Восточный, Давао Северный и Давао Южный, где плоды особенно хороши. Собирают их в августе — октябре. У народов манобо и багобо они считаются священными. Многие жители на Минданао верят, что боги питаются исключительно дурианом.

Первыми в Юго-Восточной Азии оценили дуриан жители нынешней Малайзии. Как научное название — «дурио зибетинус», так и обиходное — «дуриан» происходят от малайского слова «дури» (шип). Слово же «зибетинус» от итальянского «зибетто» означает «сильный запах». Голландцы в Индонезии дали фрукту очень непривлекательное прозвище — «вонючка». И на самом деле, запах дуриана настолько резок и неприятен (представьте протухшее яйцо), что до сих пор большинство авиакомпаний запрещает перевозить дуриан в самолетах. В гостиницу ему вход строго запрещен, ибо запах въедается в стены, одежду, мебель и держится днями, даже неделями.

Однако у фрукта есть немало поклонников, любителей, защитников. Известный натуралист XIX века Алфред Рассел Уоллес писал о дуриане как о богатом витаминами фрукте, со слегка маслянистой мякотью, с миндальным привкусом, с непередаваемой гаммой всевозможных ароматов — в нем как бы перемешаны запахи пикантного сыра и лукового соуса, спелой вишни и целого ряда других совершенно несовместимых друг с другом ингредиентов. Чем дольше его ешь, тем большее удовольствие получаешь, тем труднее заставить себя остановиться. Молва гласит, что один бирманский король в древности был так восхищен вкусом дуриана, произраставшего в одной небольшой деревушке, что заключил с ее жителями новую сделку: вместо обычной по

тому времени ежегодной дани королевскому трону в виде золота и драгоценных камней обитатели деревни должны были приносить плоды дуриана.

Конечно, прилетев в Давао, я не мог не спросить ни про сам дуриан, ни про его свойства, ни про то, как его едят. Представитель совместной судоходной компании «ФилСов» повез меня к своим родственникам под Давао. По пути он сказал:

— Лучше всего наслаждаться дурианом, когда он достигает спелости. Знатоки определяют ее по желтовато-зеленому цвету кожуры, а также по своеобразному шуму внутри плода, который можно услышать, если отковырнуть несколько шипов. Шум примерно такой же, как в большой ракушке, когда подносишь ее к уху. Едят дуриан в сыром виде, аккуратно его разрезав.

Но не только вкусом славится дуриан, но и богатством витаминов (особенно витамина А) и многих питательных веществ (белок, фосфор и т. д.). Считается (хотя специалисты иного мнения), что дуриан обладает целебными свойствами. Например, для лечения лихорадки используют отвар из корней дерева, а отвар из листьев применяют в компрессах для больных желтухой. Тайцы при изжоге жуют оболочку кожуры, которая богата серой. Свежую, сохранившую свой специфический запах кожуру часто кладут около постели. Говорят, это помогает от клопов. А высушенная кожура нередко используется как топливо.

Гипертоникам дуриан противопоказан. В Бангкоке я прочитал даже объявление-совет: «Дуриан повышает давление. Поначалу ешьте его немного».

Дерево дуриана хорошо приживается лишь на почве с высоким содержанием серы и при отсутствии в ней соли. Даже небольшое количество соленой воды, попавшее на плантации дуриана, способно погубить плоды: они падают с дерева, не достигнув зрелости. Чем дольше плод продержится на дереве, тем лучше его вкусовые качества, и чем меньше плодов на одном дереве, тем они вкуснее. Их лучше не срывать, а собирать. Дуриан может испортиться за неделю. Не всегда люди «выдерживают характер» и соблюдают сроки. Нередко владельцы плантаций продают не вполне созревшие плоды. Знатоки и любители едят его спустя три дня после созревания.

На столе, за которым мы расположились, лежало несколько дурианов, разных сортов и размеров. Лежал там

и длинный острый нож. Атмосфера царила такая, будто мы присутствовали на дегустации марочного французского вина — настолько все было торжественно.

Однажды английский путешественник XIX века сэра Генри Юль сказал: «Дуриан — это принц среди фруктов для тех, кто его любит, и предел отвращения для всех новичков».

В ответ на это крестьянин засмеялся и заметил: «Слава богу, на свете много новичков и людей, не знакомых с дурианом, иначе плод стал бы редкостью». Под новичками имеются в виду иностранцы. Не все они по достоинству оценивают этот фрукт, а многие не решаются даже попробовать.

— Поэтому «царь фруктов для царей», — сказал на прощание мой сопровождающий. — Так же, кстати, и балут. Но это наша экзотика, черточка, особенность, которой мы удивляем гостей и привлекаем туристов.

ЦЕНА МАНИЛЬСКОЙ СИГАРЫ

Темно-коричневые коробки, украшенные золотым орнаментом или перетянутые атласными лентами, стоят в дорогих магазинах рядом с украшениями. Их не увидишь в городских, не говоря уж о сельских, лавках. Да и в обычных торговых центрах встретишь редко. В коробках знаменитые манильские сигары. А они, согласно неписаной буржуазной табели о рангах служат признаком богатства, политической власти, социального превосходства. Манильская сигара, которой уже более ста лет, — достопримечательность Филиппин. О ней постоянно напоминают путеводители, гиды: «Необыкновенный аромат, сравнимый лишь с лучшими французскими духами».

Однако рекламный ореол мгновенно исчезает, как только переступаешь порог фабрики «Компании Хенераль де Табакос де Филипинас», или попросту «Табакалера». Желтые, табачного цвета лица работниц — вот что видишь прежде всего.

— Когда вечером откладываю нож, — рассказывает Амалита, — я сначала минут пять-десять стою с закрытыми глазами. Иначе можно упасть — перед глазами еще плывут сигары: за смену ведь нужно свернуть сто пятьдесят штук. Вручную. И не просто свернуть. Каж-

даё должна быть точь-в-точь такой же, как предыдущая, иначе либо в коробку не поместится, либо в ней останется пустое пространство.

По фабрике меня водит Исаак Сан-Хосе, начальник производства. Вот сушатся большие, со сковороду, листья, вот некоторые из тех, что «пересидели» в сушилке, чуть-чуть увлажняют. Затем цех, где я познакомился с Амалитой, — длинные столы, разделенные барьерчиками на ровные квадраты, похожие на открытые телефонные будки. У каждого — работница. Никаких инструментов, кроме ножа.

— Сколько получает работница? — спрашиваю.

— Пятьсот песо в месяц. Это начинающая, после шести месяцев учебы. Через пять лет, когда овладеет мастерством в совершенстве, научится не только сворачивать листья, но и подбирать их точно по цвету и по запаху, — восемьсот песо. Конечно, очень мало за такой труд.

— Каковы доходы крестьянина, который выращивает табак?

Хосе пожимает плечами. Что ответить? Гроши! Но это неполный ответ. А палящее солнце? А отсутствие всяких норм, когда приходится, не разгибаясь, работать в поле день, месяц, почти весь год? Но самое печальное — не сегодня завтра можно лишиться и этой работы — пусть жалкого, но все-таки источника существования.

Когда монахи привезли на Филиппины из Латинской Америки семена табака, они говорили крестьянам: «Сейте — и благодать снизойдет на ваши дома! Сейте — и вы будете счастливыми!». Табак быстро распространился на значительные территории ряда провинций. В конце XIX века уже около двадцати тысяч рабочих было занято в табачной промышленности, ставшей государственной монополией. Многие тысячи крестьян поставляли для нее сырье. После ликвидации монополии, в 1882 году, правительственные фабрики были закрыты, а на их месте возникли частные предприятия, в том числе «Табакалера».

Компания, хозяева которой и штаб-квартира находились в Барселоне, прошла извилистый путь. С приходом на Филиппины США на острова ринулся американский капитал. Разоряя испанские предприятия, он создавал свои. Задохались и разорались испанские конкуренты. Кроме «Табакалеры». До войны Филиппины

выпускали в год свыше трехсот миллионов штук сигар и были первой страной в мире по экспорту. Большая часть их — продукция «Табакалеры». Во время второй мировой войны производство резко сократилось, а когда наступил мир, вновь начало расти, хотя и медленно (главным образом из-за того, что трудно было быстро восстанавливать посевные площади под сигарным табаком). Однако «Табакалера» выстояла, хотя сейчас она дает всего четырнадцать-пятнадцать миллионов сигар в год.

Секрет конкурентоспособности «Табакалеры» прежде всего в том, что десятилетиями тысячи и тысячи рабочих, крестьян, не покладая рук, трудились на компанию. И труд их всегда обходился «Табакалере» дешево. Компания одной из первых приступила к созданию частных армий из наемников. Поэтому на плантациях всегда царили «спокойствие и порядок». Следили за послушанием и на фабриках. Своими силами, а также силой армии и полиции владельцы компании не допускали «нарушения классового мира». Адвокаты «Табакалеры» немало постарались, чтобы правительственные органы постоянно совершенствовали законодательные положения о стачках (в сторону запретов), дабы свести требования рабочих к минимуму. Стоит ли поэтому удивляться тому, что за сто лет существования «Табакалеры» в жизни рабочих мало что изменилось, — тот же изнурительный труд, те же лачуги, тот же испуганный взгляд.

Гораздо больше проблем и беспокойства для компании создавала конкуренция с долларом. Но здесь дельцы из Барселоны проявили удивительную способность приспособливаться. Выхватив бразды колониального правления у испанцев, американцы не закрыли «Табакалеру», поскольку сама компания охотно шла на сотрудничество с новыми колониальными властями. Более того, некоторые карательные операции американской армии субсидировались из кассы «Табакалеры».

Но дружба дружбой, а табачок, то есть денежки, врозь. Сигара не выдерживала натиска миллионов дешевых «верблюдов»: так по сорту сигарет «Кемел» — «верблюды» — называли все американские сигареты. Нужно было спасаться. Первая и главная мера — сокращение производства. В результате из двенадцати тысяч рабочих остается шестьсот. Остальных — за ворота, на произвол судьбы. С крестьянами поступили еще проще: продали «лишние» земли, ничего даже им не объяснив.

«Сэкономленные» на сокращении рабочей силы и вырученные от продажи земли деньги «Табакалера» вкладывает в страховое дело, морские перевозки, торговлю прохладительными напитками, в производство копры, сахара, бумаги, соли, веревок. Поэтому-то ее и называют «всеядной компанией».

Заканчивая осмотр фабрики, Исаак Сан-Хосе привел меня в упаковочный цех. Сотни красивых коричневых коробок. На некоторых вижу надписи: «Сити бэнк», «Японские авиалинии» и т. п.

— Это заказ для подарочных фондов,— объясняет мой спутник.— Чтобы преподнести сигары своим клиентам или именитым гостям...

На подарках цену обычно не ставят. А «Компания Хенераль де Табакос де Филиппинас» особенно не любит говорить о стоимости своего товара. Никто не должен знать, чего стоила филиппинская сигара, пяти, если не больше, поколениям рабочих на «Табакалере». Здесь люди умирали раньше, чем на других предприятиях.

СТОН ПОД СЛАДКУЮ МУЗЫКУ

Когда мы покидали предприятие г-на Кабунгкала, я спросил одну из мастериц, как живется-работается.

— Вот им живется,— кивнула она на стеклянную крышу огромного здания,— а мы... как в прошлом веке...

Как же приходится тем, кому завидуют мастерицы действительно средневекового предприятия, с порядками, устанавливаемыми надсмотрщиком, и с единственным орудием труда — кривым ножом?

Скоро представился случай там побывать. Действительно, под стеклянной крышей просторный светлый цех. Играет легкая, приятная музыка, прохладный, кондиционированный воздух. Над изящными столами склонились женщины. Все, как одна, молоденькие. Не старше двадцати. И продукция под стать им — изящная: игрушки величиной с ладонь. Каждая состоит в основном из экрана, по нему бегают обезьянка, пытающаяся снять с дерева ключ, чтобы выпустить из клетки подругу. Схемой заложено до сотни вариантов спасения. В эту видеозабаву можно играть без перерыва весь день, весь год — миниатюрным солнечным батареям достаточно даже предвечернего лучика, чтобы подзарядиться. Пер-

вое впечатление от цеха — рай. Но я вижу глаза работниц воспалены и слезятся. У многих очки.

— Да-да,—подтверждают в конторе фабрики,— у девятиности пяти процентов девушек уже через год заболевают глаза. Из них восемьдесят восемь процентов приобретают хронический конъюнктивит; сорок четыре становятся близорукими. Уже через два года работы дети называют их «бабушками». Работницы носят очки либо жмурятся, как это случается с людьми в глубокой старости.

Накануне в сингапурских газстах прочитал о том, как современны, удобны, светлы и снабжены кондиционерами нынешние предприятия электронной отрасли, разбросанные по странам Юго-Восточной Азии. Только на них, утверждают и авторы статей, и авторы реклам, могут быть по достоинству оценены восточные женщины, которые славятся своей кротостью, усидчивостью, терпеливостью, точным глазом и проворными, ловкими пальцами. Ради этого стоит лондонскому или нью-йоркскому фабриканту начинать дело на Востоке. Вот и появляются новые фабрики, заводы. Но радости восточным женщинам от этого мало. Потому что за три-пять лет девушки, прибывшие в Манилу из сельской местности, которых один газетчик назвал (и совершенно справедливо) грациями, превращаются в больших старушек. Почему? Возьмем хотя бы воздух. Да, он охлаждается. Но в то время как прохладный воздух холодит плечи и спины работниц, лица их опалются расплавленным золотом или платиной, которые они превращают в тончающую проволоку. Глаза устают от ярчайшего света, без которого не уложишь едва видимый кусочек золотой проволоки или микроскопическую деталь в нужное место. Работница возвращается домой с тяжелыми ожогами, простудой, другими заболеваниями. Выросшие в тропической жаре и легко ее переносящие девушки попросили выключить кондиционеры. Но хозяева сказали: «Нет!». Ведь они не только поддерживают постоянную температуру, но и очищают воздух от пыли — эти условия необходимы, чтобы уберечь от возможных «болезней», то есть дефектов, нежные игрушки.

— Есть ли перерыв у работниц? — спросил я.

— Есть. Обеденный. Пятнадцать минут.

— А вдруг нужно выйти на несколько минут?

— Выйти можно, но эти минуты потом будут пересчитаны на песо, и их вычтут из зарплаты.

Помощник управляющего фабрики, где трудятся десять тысяч девушек, подтянутый и элегантный, напомнил мне усатого надсмотрщика.

Еще один цех. Девушки опускают в огромный чан с кислотой собранные узлы для игрушек. Тяжелая дурманящая атмосфера. Особенно неприятны трихлорэтилен и ксилен, постоянно вызывающие головокружение и тошноту. Пол мокрый и скользкий. На работницах красивые сапоги, перчатки. Однако часто специальная ткань не выдерживает — на коже образуются раны. Но самое страшное последствие — это легочные и почечные заболевания, рак!

На одной из таких фабрик решили как-то приукрасить жизнь работниц. И приняли решение — разнообразить передачи в цехах магнитофонных мелодий, пригласить косметологов и специалистов по спортивной медицине, чтобы они прочитали лекции о том, как сделать внешность привлекательней, наконец, бесплатно раздать работницам губную помаду.

— Это сделано с целью предотвратить взрыв отчаяния, — сказала сопровождавшая меня журналистка. — Да, действительно, восточные женщины терпеливейшие из терпеливых, но ведь бесправие, произвол могут заставить кричать и железо...

Предприятия электронной промышленности, которые западные монополии создали в Азии, называют «чудом Востока» — тому свидетельство электронные игрушки, часы, калькуляторы, сложнейшие приборы в руках покупателя.

В Маниле проходила так называемая «трехсторонняя конференция по улучшению условий труда женщин». Ее участники приводили, например, такие данные: на предприятиях электронной промышленности женщины в возрасте от восемнадцати до двадцати трех лет работают по восемь-десять часов шесть дней в неделю; на зарплату кроме риса, чая можно купить максимум двести граммов мяса в месяц, сбереженные крохи «съедает» лечение — за медицинскую помощь надо платить. На острове Тайвань «богини электронного чуда» живут в полуразвалившихся бараках на окраинах, где в домах нет ни вентиляторов, ни питьевой воды; в Малайзии владельцы предприятий «Фэрчайлд инструмент» поощряют уход девушек на «дополнительные заработки» за заводскими воротами, то есть в ночных заведениях. Мас Фун, с которой я беседовал в Гонконге, работает на фабрике

текстильного оборудования. Она говорит: «Мы, девушки, стоим и обходимся дешевле, чем станки. Машина, самая простая, стоит двести долларов. За эти деньги хозяину выгоднее нанять людей. Из них можно выжать больше, чем из железного станка». В заключении исследования «Женщины и транснациональные корпорации» сказано: на электронных предприятиях Филиппин женщины получают гораздо меньше мужчин — если недельный заработок мужчины составляет 296 песо, то женщины — 160.

— Что прошлый век, что настоящий, по крайней мере для нас, — без разницы. Как страдали так и страдаем, — сказала мне одна из женщин-работниц.

Разве что на предприятиях электронной промышленности звучит приятная музыка, а работницам бесплатно раздают помаду...

ТРАГЕДИЯ ПЕРВОЙ КРАСАВИЦЫ

Женщин в Республике Филиппины
на 215 460 больше, чем мужчин⁷.

Филиппины называют «нацией красивых людей». Особенно гордится страна своими женщинами. Их красоту заметил еще Иван Александрович Гончаров. В книге «Фрегат „Паллада“» он писал: «Женщины, то есть тагалки, гораздо лучше мужчин: лица у них правильнее, глаза смотрят живее, в чертах больше смышенности, лукавства, игры, как оно и должно быть. Они большие кокетки: это видно сейчас по взглядам, которыми они отвечают на взгляды любопытных, и по подавляемым улыбкам. Как хорош смуглый цвет при живых, страстных глазах и густой черной косе, которая плотным узлом громоздится на маленькой голове, напоказ всем, без всякого убора! Вас поразила бы еще стройность этих женщин: они невысоки ростом, но сложены прекрасно, тем прекраснее, что никто, кроме природы, не трудился над этим станом. Нет ни пояса, ни тесемки около поясицы, ничего, что намекало бы на шнуровку и корсет. Весь костюм состоит из бумажной, плотно обвитой около тела юбки, без рубашки; юбка прикрыта еще большим платком — это нижняя часть одежды; верхняя состоит

⁷ Таймс джорнэл. 21.05.1985 (на англ. яз.).

из одного только спенсера, большею частью кисейного, без всякой подкладки, ничем не соединяющегося с юбкою; от этого, при скорой походке, от грациозных движений тагалки часто бросается в глаза полоса смуглого тела, внезапно открывающаяся между спенсером и юбкой»⁸.

Нет, не случайно филиппинки часто побеждают на конкурсах красоты, каждую вторую филиппинку можно назвать первой красавицей, не случайно западноевропейские фирмы открывают на Филиппинах брачные конторы (желание сочетаться браком с филиппинкой выражают в наше время особенно часто и настойчиво мужчины ФРГ, Скандинавии, Австралии). Не случайно в США, если есть выбор, филиппинки первыми получают место в больницах — они считаются лучшими сиделками и медсестрами. Их главное достоинство — кроткий нрав, доброта, терпение, умение не поддаваться плохому настроению. Но, конечно же, как и везде, жизнь филиппинки непроста. Хотелось бы поделиться некоторыми, пусть чисто внешними, наблюдениями.

В городе Пасай (входит в Большую Манилу) на территории спортивного комплекса расположен огромный зал, где проводятся соревнования по баскетболу, волейболу, теннису и т. д. Раз в год, а именно в день Св. Валентина, его заполняют женихи и невесты в белых платьях, баронгах. Сотни счастливых пар. Среди молодоженов много пожилых, даже старых. Как же себя чувствует женщина в день бракосочетания, после того как она прожила с женихом много-много лет? Здесь я хотел бы передать перо своему коллеге из «Таймс джорнэл». Вот что он рассказывал: «Концепсион Вильянуэва, 68 лет, и Карлос Маркуес, 70 лет, из баррио Санто Ниньо (Пасай) взволнованы: наконец-то и для них прозвучал колокол, для них, проживших вместе 31 год, воспитавших пятерых детей. Вместе с другими 179 парами они пришли на церемонию массового венчания».

Это одновременно торжественная и грустная церемония. Подвенечное платье как-то странно выглядит на старушке или женщине, которая не сегодня-завтра должна приглашать повитуху. Но что поделаешь? Чтобы пойти под венец, нужны деньги. Многие на Филиппинах не могут позволить себе торжественный обряд до

⁸ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». — Собрание сочинений. Т. 6. М., 1952, с. 197, 198.

конца дней своих. В то же время имеющие деньги вкушают радость бракосочетания дважды, а то и трижды. Знакомый писатель Селсо Карунунган в день 25-летия своего союза повторил венчание. Торжественную церемонию вел сам архиепископ манильский, кардинал Син. По таких единицы. Обделенных же, не имеющих возможности закрепить брак на небесах,—тысячи. Женщины переживают это острее, чем мужчины. Может быть, потому, что порой она несет бóльший груз ответственности и трудов и рассчитывает на бóльшую милость всевышнего, природы и общества, что она — самый последовательный, старательный хранитель очага, семьи, которая для мужчин филиппинцев служит крепостью. Хозяйка же крепости всегда гордилась тем, что благодаря ее заботам, трудам, ее любви дом, очаг надежно защищает и ее, и мужа, и детей от напастей окружающего мира. Однако сегодня эти крепости переживают серьезные испытания, так же как и их хозяйки. Об одной из них хочется рассказать.

Пассажиров, летевших на острова Батан в город Баско, можно было разделить на три группы — крестьяне с острова, возвращавшиеся домой, после того как они продали на «большой земле» козьи шкуры, рога, чеснок и закупили соль, живых кур (в таком виде гораздо больше гарантий, что мясо не испортится), гостинцы ребятишкам, сигареты, лекарства, тетрадки; кинорежиссер с группой (они должны были посмотреть, сгодится ли полуцивилизованный остров для съемки нового фильма); ученые из Азиатского социологического института, намеревавшиеся провести очередное исследование семьи в самой северной точке Филиппин. Последняя группа меня особенно заинтересовала.

Однако сначала о самом острове. Даже когда мы снизились до трехсот метров, он не показался больше: мы могли видеть все его берега сразу и все горы, которые его сплошь покрывали. Наш самолет уверенно вошел в лощину, и через минуту его шасси уже приминая траву взлетно-посадочной поляны.

— Прибыли на Батан, в город Баско,— объявил пилот.

Самолет здесь — событие. Пилотов знают по посадке. Удачно и красиво приземлившегося встречают аплодисментами и вручают в подарок боевого петуха. В аэропорт приходят посмотреть на столичные прически, моды. Провожают же с курицей под мышкой — как-никак са-

молет — нечто вроде птицы. Мы приземлились красиво. Поэтому были и аплодисменты, и петух.

Баско — центр провинции Батанес, в которую входят острова самого северного филиппинского архипелага Батан, его населяют всего две тысячи человек. Здесь встречается щедрое на тайфуны, дожди, смерчи Южно-Китайское море со своими невероятными, часто опасными тайнами и Тихий океан. Зимой на Батане довольно холодно. Из-за тайфунов дома здесь строят низкие с узкими окнами. Среди одноэтажных строений выделяются два здания: в одном расположилась контора губернатора, в другом — католическая церковь. В городе есть пекарня, несколько мастерских, развито домашнее производство. Культурная жизнь сосредоточена вокруг площадки для петушиных боев да видеомагнитофона, владелец которого берет умеренную плату за просмотр фильмов. Он обязан писать названия имеющихся у него кинокартин на черной школьной доске объявлений в магазинчике. Меня удивила политическая осведомленность жителей.

— Мы стараемся не отставать от жизни, — сказал один из них, — постоянно слушаем радиопередачи. Транзисторы почти не выключаем.

Городок окружен горами. Поэтому мало возделанных земель. Разводят чеснок, лук и даже вывозят их.

— Конечно, жизнь здесь нелегкая, — сказал губернатор провинции Марио Лисарло. — Суда приходят к нам в лучшем случае раз в два месяца. Все необходимое, главным образом продукты питания, закупаем на острове Лусон и доставляем самолетами. Отсюда и дороговизна. Конечно, есть возможности для развития здесь сельского хозяйства, в первую очередь животноводства. Но, наверное, время для этого еще не пришло. Народ у нас добрый, отзывчивый, честный. Вы, наверное, заметили, что у нас нет замков.

Утром на церемонии подъема флага губернатор в честь гостей сказал добрые слова о Советском Союзе, а затем попросил меня рассказать о Москве, о жизни в СССР.

После церемонии состоялась беседа с чиновниками губернаторства, и они рассказали о Баско следующее: в городе шесть семей имеют генераторы, другие арендуют у них электроэнергию — плата за двадцатипятиваттную лампочку два с половиной песо. На отопление идут сучья, выброшенные морем доски, ящики... Есть

гостиница «Мама Лили», — собственность семьи Сальвадор; из транспортных средств — несколько велосипедов и мотоциклов, один трайцикл, три грузовичка... Женщин, которые славятся своей приветливостью и добрым нравом, часто приглашают служить гувернантками в богатые семьи Манилы, Себу...

В течение нескольких дней мы побывали во многих домах, хижинах, беседовали и с зажиточными гражданами, и с бедняками.

В небольшом домике, расположенном недалеко от католической церкви, живет семья из восьми человек. Хозяин — владелец пекарни, с которым мы познакомились в магазине и у которого попросили разрешения побывать у него дома, не раздумывая пригласил нас к себе, сказав:

— Интереснее всего вам поговорить с моей племянницей. Она здесь первая красавица. Приехала из самой столицы, а сейчас собирается в Саудовскую Аравию. Почему здесь? Понимаете, не всегда все ладится у человека. А я как-никак ей дядя.

И вот перед нами Симона Крус. Не знаю, как в других местах, но в Баско она наверняка заняла бы первое место на конкурсе красоты, если бы здесь такие проводились. Молодая женщина сразу же расположила к себе своей откровенностью. Но скорее всего это была заслуга ученого, человека удивительно тактичного, мягкого, вызывающего у всех симпатию. Я каждый раз поражался тому, с какой легкостью люди делились с Григорио Дисоном своими мыслями, даже порой сугубо личными. Вот и на этот раз. Ученый прежде всего рассказал о цели своего приезда в Баско (он исследует роль семьи в филиппинском обществе, и прежде всего женщины), о некоторых выводах социологов, вспомнил горькую шутку Кармен Герреро Накпил: «Самый лучший мужчина на Филиппинах — это женщина», говорящую о том, что в современной жизни в силу многих причин главой семьи часто становится женщина. Возможно, потому, что в «нынешнем обманчивом и безответственном мире» ей чаще удается сохранить чувство ответственности перед детьми и мужем, перед родственниками, соседями. Она меньше подвержена таким порокам, как азартные игры (мужчина порой проигрывает все, что заработал), алкоголизм, случайные любовные связи и интриги. Другая исследовательница. Миша Рамирес, читающая курс лекций на тему «Филиппинская

семья» в Азиатском социологическом институте, также считает, что жена в филиппинском доме оказывает огромное влияние на воспитание детей, она приобретает все больший вес как партнер в решении вопросов, связанных с собственностью, семейным бюджетом.

Роль женщины растет не только в семье, но и в обществе — как создателя материальных ценностей на предприятиях, как неутомимой (точнее, утомляемой до изнеможения, но терпеливой) труженицы в поле, как политического и государственного деятеля.

Симона слушала Григорио Дисона внимательно, время от времени кивая в знак согласия головой. Когда же он попросил ее рассказать о себе, она охотно согласилась.

— Начну с роли матери в семье, с роли семьи в моей жизни...

Симона Крус мечтала о поступлении в учебное заведение, где готовили дизайнеров женского платья. Ей хотелось заняться синтезом западного и восточного стилей, применением лучших западных моделей к восточному образу жизни «с его жарой, традициями и обычаями». Однако мать отсоветовала.

— Характер у нее был твердый и сильный. Мои братья, а их четверо, пошли по строительной части, меня же решили направить в медицинское училище..

Это было начало восьмидесятых годов, время, когда на Западе возрос спрос на нянек, сиделок, кухарок, которых вербовали в странах Юго-Восточной Азии. За филиппинками уже прочно закрепилась слава терпеливых и внимательных медицинских сестер.

— Я, конечно, могла уговорить отца, и он поддержал бы меня, я его любимица,— продолжала Симона.— Но, хотя он и был главным кормильцем в семье, с ним не особенно считались. Короче говоря, взялась я не за портновские ножницы, а за шприц. Отец заплатил за обучение двадцать тысяч песо, к ним добавил еще тридцать тысяч — нужно было покупать учебники, форму, вносить деньги на проведение разных церемоний. Много сил, нервов и денег ушло на то, чтобы получить свидетельство медсестры.

Сегодня нередко дети в семье пользуются всеми правами наравне со взрослыми, главное, чтобы они приносили пользу. Однажды глава семьи сказал Г. Дисону, что ему необходимо иметь четверых детей. Один станет работать в его мастерской, другой, выучив англ-

лийский, должен поехать на заработки за границу, третий (желательно, чтобы им была девочка) призван обеспечить старость родителей, быть при них сиделкой, нянькой. А четвертый должен закончить высшее учебное заведение, стать чиновником, военным, полицейским или врачом и таким образом приносить как можно больше денег в семью, в первую очередь отцу или матери.

Такой подход, точнее, холодный, лишенный, по существу, всяких родительских чувств расчет все больше утверждается в филиппинской семье. Симона Крус после училища также должна была приносить семье доход. Как способную студентку ее скоро перевели в клинику для душевнобольных. Здесь вместе с тремя сокурсницами она постигала науку обращения с психическими больными.

— Мне досталась шестнадцатилетняя девочка, — вспоминает Симона. — Она никогда не умывалась, не принимала душ. Жила трудно, к тому же воровала. Я должна была встречаться с ее родными, чтобы выяснить причины заболевания. Родители стеснялись говорить о дочери. Вы знаете эту филиппинскую «наман» (то есть гордость. — Л. К.). Я пыталась объяснить, что нам нужно многое знать, чтобы вылечить девочку. В конце концов кое-что прояснилось. Больная была падчерицей, все внимание мачеха уделяла своему ребенку. Когда родной дочери покупали новое платье, то другая надевала ее старое. Это вызвало и болезненную зависть, и злобу, а потом и желание мстить.

Для Симоны пребывание в психиатрической клинике, знакомство с родителями больной были не только закреплением теоретических знаний (она сдала очередной экзамен на «отлично»), но и «еще один класс в школе жизни». Потом началась работа. В разных больницах.

— Я, — продолжала Симона, — ухаживала за очень богатым старым человеком, у которого в каждой комнате стоял телевизор, но который смотрел только бокс. Работы у меня было много, однако платили хорошо. Ухаживала я и за детьми и убедилась — это к проблеме, вас интересующей, — что многие дети не любят родителей, не чувствуют себя в семье счастливыми. Запомнился мне мальчик, который встречал меня злобными выпадами, старался сделать больно, пролить лекарство и только потому, что я была похожа на его мать. Однако

самый тяжелый труд — это сидеть рядом с безнадежно больным человеком, с умирающим.

За старание, хорошую работу, добрые отзывы больных девушку сделали старшей сестрой, что вызвало зависть у таких, как она. А известно, что за завистью неотступно следует вражда. Она принимала разные формы — от издевательских шуток, хотя и невинных, до игнорирования ее распоряжений, а ведь за это — выговор. Работали практически без обеда. Дневная смена начиналась в семь утра, ночная — в одиннадцать до семи утра.

— Однако, — подчеркивает Симона, — наше положение гораздо лучше, чем положение медсестер государственных госпиталей, там одна сестра на сорок больных, да и зарплата у них ниже.

Симона замолчала, немного подумала, потом предложила сделать перерыв, попить чаю или выйти на улицу.

Вечер был тихий, нежаркий. Ударил колокол. Шесть часов. До сих пор, заметил ученый, в некоторых районах Филиппин люди «слушают время» трижды в сутки: первый раз — крик петуха — значит уже утро; второй — сильное жужжание мух — полдень; третий — шелест пролетающих летучих мышей — наступает время ужина, а скоро и сна.

Дх. Булатао, автор книги «Конфликт между ценностями семьи и школы», полагает, что именно это растяжение времени отразилось на характере филиппинцев, которому свойственна неточность, привычка опаздывать. Действительно, нередко митинг, даже официальный, часто начинается на два часа позже, чем объявлено в газетах из-за опоздания его участников. И даже бизнесмен, приходя к своему западному партнеру, не понимает, почему тот сидит красный от гнева и демонстративно смотрит на часы. Договорились в полдень, объясняет Дх. Булатао, значит, важно прийти незадолго до или чуть позже того, как загудели мухи, вот если посетитель явился после того, как только что пропел петух, то он пришел слишком рано. Если люди условились встретиться в три, а кто-то пришел спустя два, два с половиной часа (но до шести вечера), он вовсе не считает себя опоздавшим. Возникает вопрос, почему же филиппинец не опаздывает на самолет, на автобус, уходящий из Манилы, скажем, в Батангас? Утвердился или, точнее, утверждается принцип «время — деньги»: попробуй опоздать к началу переговоров — можешь лишиться выгодной сделки. Редкий случай, когда опаздывают к на-

чальству, на завод или в учреждение. Поэтому о беспечности, о неуважении к точности можно, вероятно, говорить, лишь когда дело касается отношений вне сферы производства, государственной деятельности, в отношениях между друзьями, родными. Правда, и здесь есть исключения.

Насладившись вечерней прохладой, мы вернулись в дом. Симона зажгла керосиновую лампу, которая засветилась на удивление ярким ровным светом.

— В личной жизни мне не очень повезло, — сказала Симона с грустью. — Я собираюсь расстаться с мужем. Еще до помолвки просила Антонио, так зовут моего мужа, порвать с отцом, который занимался вербовкой девушек, женщин, даже замужних, для иностранных фирм и компаний, владельцев увеселительных заведений Лонконга. Антонио был любящим и заботливым мужем. Помогал по хозяйству. Я не знала, что отец заставлял его заниматься этим делом. Однажды мы пошли в церковь. После мессы я чувствовала себя умиротворенной и успокоившейся. Вдруг подошли полицейские и арестовали Антонио. Я заняла деньги, выложила все свои сбережения, чтобы его выпустили под залог. Родители стали меня убеждать: следует уйти от такого человека. После ареста к нам начали приходить родители тех девушек, которых супруг приглашал на «работу». Большинство требовали денег. Я бы покинула Антонио. Но я научилась прощать — ведь я католичка, читаю Библию и регулярно хожу в церковь. Недавно я получила приглашение поехать в Саудовскую Аравию, где мне обещают место старшей медсестры в родильном доме или сиделки при роженицах. В мои обязанности будет входить немного: учить будущую или состоявшую мать кормить грудью. Муж не советует ехать. Он говорит: «Там тебя ооидят, кроме того, богатые саудовцы заботятся не только о том, чтобы обеспечить больницы специалистами, но и о том, чтобы пополнить свои гаремы». Представителю фирмы, которая набирает филиппинок на работу в Саудовскую Аравию, я сказала, что одинока, иначе надо было бы принести письменное разрешение мужа на поездку. Он, наверное, не поверил мне и сказал, что у меня привлекательная наружность, хорошая фигура. Так вот, я сначала уехала из дома, хотя у меня прекрасная семья, родители. Дядю я тоже скоро покину... Нет, семья не крепость и не убежище, где можно было бы укрыться от несправедливости.

Конечно, трехлетнего Жоэля Закариаса надо было бы оставить в госпитале. Но его выписали. Несмотря на слезы родителей. Я видел, как отворачивались врачи, всей душой желавшие поднять ребенка на ноги. И они сделали бы это. Но... место в клинике на вес золота. Жоэля привезли в одно из старейших медицинских учреждений при университете Св. Фомы, чтобы излечить не только от тяжелых заболеваний, вызванных недоеданием, но и для тщательного обследования. Дело в том, что Жоэль в течение года питался молоком... собаки. Кормилица вела себя заботливо и предупредительно. Она беспрекословно ложилась и подставляла сосцы всякий раз, когда мальчик хотел есть. Собака ласкала и облизывала необычного детеныша. В свою очередь, как писала манильская газета «Таймс джорнэл», последний приобретал черты, не свойственные человеку: издавал звуки, похожие на лай, кусал своих сверстников, если они обижали его, забивался в угол...

— За всю свою двадцатилетнюю практику,— подтвердила Фернандо Хофилен, педиатр,— я впервые встретила такого странного ребенка, который сосал молоко собаки.

Газета поместила пространную статью об этом случае не столько ради сенсации, сколько для того, чтобы привлечь внимание общественности к судьбе детей «бедных кварталов». Роми и Ненита, родители Жоэля (кроме него в семье еще трое детей), гонимые нуждой оставили родные места на острове Лейте и приехали в город Кэсон, входящий в Большую Манилу. Они поселились в одном из районов, где в шалашах и временках без всяких, даже элементарных удобств проживают сотни таких же горемычных. Роми временно удалось устроиться подручным в булочную, Ненита иногда подрабатывала стиркой. Так протекала жизнь — временами работа от зари до зари, временами — поиски работы. Дети, естественно, были предоставлены сами себе.

— Голодные дети,— говорит Ф. Хофилен,— едят все, что найдут. Думаю, Жоэль не был лишен материнской любви, как это могут заподозрить некоторые.

«Таймс джорнэл», в свою очередь, добавляет: «Когда самый младший лежит с высокой температурой в подвесной люльке-гамаке, когда семья два месяца не может

заплатить за жилье, необычное поведение одного ребенка могло и не волновать родителей».

В госпитале Жоэль поправился, повеселел. Однако, после того как мальчик выписался, он вновь начал чахнуть.

И вот тогда-то в том же университете Св. Фомы один из врачей, лечивших Жоэля, воскликнул:

— Неужели бог лишит своей милости эту кроху, этого несчастного! А как же крест, которому мы поклоняемся? В чем же его сила?

Несмотря на очевидные трагедии, многие еще верят в силу креста. Но появились и сомневающиеся.

Есть на Филиппинах точка, которая четыре с лишним столетия назад стала опорной точкой политики, перевернувшей судьбу целого народа. Она находится в Себу, главном городе одноименного острова. Ее обозначает большой черный крест, с которым в 1521 году высадился здесь Магеллан.

Многие островитяне, очарованные сладкими речами, сами шли под крест, других пригнали силой. Имена обращенных в христианство чиновники автоматически заносили в списки новых подданных короля Испании. После гибели Магеллана в сражении с Лапу-Лапу, вождем острова Мактан, крест врыли в землю. Позднее, чтобы защитить его от солнца, тайфунов, постоянных морских ветров, над ним возвели каменное строение типа ротонды.

...Горят внутри тонкие свечи. Букетики цветов. Двое нищих. Многие верят, что крест увеличивается в размерах. Даже подсчитали, на какие доли сантиметра в год. Конечно, игра воображения. Но факт, что маленькие, уменьшенные в сотни раз «крестики Магеллана» носят сегодня каждые восемь из десяти филиппинцев!

Черный крест в Себу стоит прочно. И не потому, что он глубоко вцементирован в каменный грунт. Своими корнями он зиждется на популярности легендарного мореплавателя, а главное,— на памяти о тех, кто в течение многих лет навязывал новую религию («один монах стоит целого кавалерийского полка» — так при дворе испанского короля определяли роль церкви в утверждении колониальных порядков), и о тех, кто оказывал ей сопротивление. А что же сказать о миллионах современных крестиков?

— То, что они сами по себе не растут, даю голову на отсечение,— говорит Серж Ремонд, ведущий коммен-

татор местной газеты «Фримэн». — Но зато как растут цены на все. Так же как и аппетиты богачей.

Были случаи, когда отчаявшиеся, обездоленные и бесправные после мессы, вместо того чтобы успокоившись и утешившись, идти домой, присоединялись к демонстрациям или к забастовщикам. Вот почему сегодня главная забота церкви, по мнению С. Ремонда, не допустить такой точки кипения в определенных слоях общества, при которой не поможет и крест. Нужно, чтобы он был постоянным громоотводом недовольства.

Еще в первые годы христианизации священники натолкнулись на резкое сопротивление филиппинцев, прибегавших к разным формам протеста против чуждой религии. Даже наиболее покладистые просили сохранить хоть что-то из их традиционных верований. А может быть, согласиться? — рассудили в верхах католической церкви, — или пойти на компромисс? Пусть верят в женщину-птицу, питающуюся кровью злых людей и тем самым помогающую добру. Пусть те, кто мечтает излечиться от бездетности, исполняют свой ритуальный танец, но не перед костром, а прямо в церкви... «Впитывая в себя местные религии, — поучал американский журнал „Рилерс дайджест“, — католицизм на Филиппинах только выигрывает, становясь еще более прекрасным, лучше приспособленным к местным условиям, сильным».

В начале сороковых годов в Себу один священник стал чрезвычайно популярным. Благодаря большому, сколоченному из досок ящику со словом «независимость». Ящик следовало открыть в день, когда над городом вместо американского появится свой, филиппинский флаг. Всем, кто в этот момент окажется рядом, было обещано избавление от налогов тяжелой работы, произвола хозяина. На месте домика, где хранился когда-то деревянный ящик, сегодня корпуса пивоваренного завода корпорации «Сан-Мигель». А как сегодня? Занимаются ли священнослужители политикой? Шофер грузовика, с которым мы разговорились по пути на островок Мактан (он сейчас соединен с Себу многокилометровым мостом), где состоялось знаменитое сражение Магеллана с войнами Лапу-Лапу, охотно делился своими мыслями по интересующему меня вопросу. Церковь давно уже не сторонится рабочих кварталов, фабричных и заводских цехов. Более того, сегодня многие священники овладевают рабочими профессиями и идут в массы. Они даже

иногда поддерживают забастовки, завоеывая тем самым авторитет, и порой он выше авторитета профсоюзных лидеров.

Явление, конечно, необычное. Но его можно объяснить. Для тысяч трудящихся, особенно в сельской местности и в городских трущобах, священник бывает единственным человеком, которому исповедуются, изливают душу и у которого даже берут займы деньги, чтобы купить немного риса.

— У бедняка нет ни мэра, ни своего представителя в парламенте,— сказал мне как-то сотрудник католической радиостанции.— Нужно быть абсолютно бездушным, черствым человеком, чтобы не реагировать на страдания людей, на ужасающие условия, в которых пребывают батраки «сахарных баронов» (так называют владельцев сахарных плантаций), обитатели трудовых кварталов, таких, как манильский Тондо, называемый «запасным карманом» рабочей силы для владельцев промышленных предприятий.

Таким образом, волей-неволей священнослужители, особенно на местах, втягиваются в политическую жизнь. Некоторые из них действительно присоединяются к стачечникам, резко критикуют правительственные органы, разоблачают поведение чиновников, офицеров. Конечно, не с целью уничтожить существующую систему, а чтобы укрепить ее путем усовершенствования, осуществления реформ и перемен, предупреждающих прежде всего социальные взрывы.

— Если правительство не примет меры,— заявил однажды руководитель папского института миссионеров Эджидио Биффи,— Филиппины окажутся под властью коммунистов.

Поэтому церковь, желая опередить развитие событий, пытается взять инициативу в свои руки. Нередко она сводится к перехвату лозунгов левых сил (конечно, не так примитивно, как это делал владелец ящика «независимость»). Но где тот барьер, перед которым священнослужитель должен остановиться, чтобы, с одной стороны, успеть помочь правящим классам «выпустить пары недовольства», а с другой — не совершить тяжкий грех, то есть не стать союзником левых сил. Вот сегодня главная забота «генералитета» филиппинской церкви. Он поэтому считает: следует «вовремя уводить священников с улицы на алтарь», у мирских властей, мол, есть достаточно много эффективных средств для разгона

демонстраций, запрещения стачек, подавления волнений... Как на практике происходит такое «разделение труда», я увидел в Себу.

Там готовились отметить большое событие — приезд высокого гостя из Ватикана. Чтобы церемония прошла гладко, в город ввели четырнадцать тысяч солдат регулярной армии, две роты частей «контроля за гражданскими волнениями», пять команд специалистов по обезвреживанию бомб и мин, подняли по тревоге десять тысяч служащих корпуса военной подготовки граждан для армии (в основном студенты), подразделения «внутренней обороны», резервистов... В это время священники, ставшие популярными благодаря участию в забастовках, критике властей, готовились к проповедям о мире между богатыми и бедными, о необходимости всеобщей любви и т. п.

Надо сказать, что в наставники к проповедникам «классового мира» активно навязываются американские коллеги. Причем они поставили перед собой цель научить, как надо «спускаться на землю», чтобы застывшие догмы религии оживились и сделались привлекательными, а главное, понятными даже для малограмотного. Как это делается, я видел не раз. В одном из самых больших залов Себу несколько вечеров подряд выступал проповедник. Объявления-рекламы утверждали, что Роджер Вэнн из Миннесоты был наркоманом и алкоголиком, одним словом, пропащим человеком. Он и закончил бы жизнь где-нибудь под забором, если бы не «просветление свыше». С помощью бога Вэнн «исцелился» от всех пороков. Желая рассказать о своем «пути к счастью», а заодно поделиться опытом с филиппинцами, одарить их духовным здоровьем, он и приехал на Филиппины. Свою проповедь он начал с призыва: «Все, кто есть в зале, пожмите друг другу руки, так вы сделаете первый шаг к дружбе, братству, первый шаг от ненависти к терпимости...».

С такими же призывами с подобной же трибуны к филиппинцам обращался и Чарльз Дьюк, американский космонавт, побывавший на Луне. В гостях он представлял не исследователей космоса, а организацию бизнесменов, которые «во всем и всегда руководствуются евангелием» и поэтому не помышляют ни о чем другом, как «о благе ближнего», в том числе и о благе филиппинского рабочего. Во время обоих представлений (они действительно напоминали таковые, потому что молит-

вы были переложены на джазовую музыку, а псалмы исполняли профессиональные актеры, прибывшие из США) присутствующим предлагались всякого рода религиозные книги и брошюры, предававшие анафеме безбожников, коммунистов, «сеющих вражду».

Вообще американские церковники отличаются повышенной активностью в распространении (даже разбрасывании) своей печатной продукции.

Часто, однако, филиппинские деятели церкви выражают недовольство подобной «помощью» своих американских собратьев. В условиях, когда на территории Филиппин находятся американские военные базы, выступления проповедников из США вызывают, мягко говоря, раздражение. Ведь антикоммунизм — это средство для нагнетания милитаристского психоза, а пропаганда войны совсем не популярна среди филиппинцев.

...За стенами ротонды, в которой хранится крест Магеллана, кипит жизнь большого города, второго по величине после Манилы. Спокойные улицы со старомодными, невысокими зданиями муниципалитета, банков, контор компаний, отходящими от креста лучами неожиданно вливаются в кварталы, где нет места тишине, где стоит грохот от падающих из железного кузова булыжников, где сварочный аппарат ослепляет все вокруг синим светом, кричат торговцы, отовсюду (из лавок, ресторанов, такси) режут транзисторы, обрушивается гром от реактивных двигателей самолета, идущего на посадку. А вот вдали показались плотные ряды людей. На улицы вышли забастовщики...

— Мы находимся в каком-то странном положении, — делился со мной один из приближенных кардинала Сина, архиепископа Манильского. — Сейчас того набора духовных ценностей, с которыми пришла сюда католическая церковь, уже недостаточно. Его надо чем-то пополнить. Но чем? Сразу не сообразишь. Антикоммунизмом? Успеха нет. Левым лозунгом? В этом случае — успех. Вот и возникает вопрос: чему же люди верят сегодня?

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО, НА ТАВИТАВИ

— Синдбад-мореход и его семеро друзей высадились на Тавитави (что означает «далеко-далеко». — Л. К.) именно здесь, — сказал, тщательно подбирая английские

слова, старый накора, по-местному «капитан». — Нет, не для того, чтобы разбойничать. Скорее всего его привлекло сюда любопытство. Кому не интересно поглядеть на край, где находят самые большие в мире черные жемчужины, где морское дно — сад из кораллов, где что ни дерево, то лодка, будущая, конечно...

Самый отдаленный от Манилы остров Тавитави дал название небольшому архипелагу, расположенному на юге страны. На карте, даже крупномасштабной, это едва заметные точки. Однако на поверхности океана каждый из крохотных островков архипелага выглядит очень оригинально. Один похож на спасательный круг другой — на гигантский плавник, третий — на держащийся на воде пушистый зеленый клубок. Все вместе острова напоминают город, улицы которого — морская гладь шириной до одного и более километров.

Снуют лодки, парусники, катера. Порт и пристань для них — дома на сваях. Под одним качается на волне лодка, под другим — катер, далеко разносится из транзистора голос диктора, сообщающего последние известия («Мы слушаем и московское радио», — замечает накора). Верандочки домов оплетены из толстых прутьев. На них кипит жизнь: женщины готовят еду, играют дети. Вот мать убаюкивает ребенка, наигрывая ему на большой ракушке, как на дудочке.

В таких бамбуковых хижинах живет большинство народности сулу-самаль, насчитывающей более двухсот тысяч человек. С давних времен вся их жизнь связана с веслами, парусом, рыболовными снастями. Они прекрасные мореходы. Каждый проходит курс многостороннего обучения. В результате выпускник домашнего мореходного училища, где единственный учебник — память дела и живой опыт отца, прекрасно ориентируется в течениях, без запинки определяет путь по звездам, предсказывает погоду, к тому же он прекрасный плотник, повар, умелый торговец, говорит не менее чем на пяти языках или диалектах.

— Ну, а как насчет разбоя? — спрашиваю старого капитана. — Ведь ваш народ иногда называют пиратами?

— Сейчас мы заняты исключительно мирными делами, — улыбается накора, — ловим рыбу, добываем жемчуг, морскую траву, кораллы, заготавливаем древесину, плетем сети, делаем из ракушек украшения, перевозим грузы. Вообще разбойный промысел не в характере

сула-самаль. Нам самим часто приходилось защищаться от разбойников. Кто только не покушался на наши острова — португальцы, испанцы, голландцы, японцы, американцы. Всем давали отпор. Крохотный Тавитави воевал с японцами во время второй мировой войны. Мы, партизаны, не только наносили удары по гарнизонам оккупантов, но и собирали ценные сведения о японской военной эскадре, которая сосредоточивалась здесь, и передавали их союзникам. Эскадру разгромили. Потом, после войны, рыбаки проявили себя как искусные специалисты по разминированию. На своих суденышках они протралили все воды и сделали их безопасными.

Катер, на котором прибыли в городок Бангао, мы оставили на пристани, а сами пошли знакомиться с ним, с его населением, которого здесь немногим более 20 тысяч. Люди, не расставаясь с морем, все-таки хотят жить на суше. Оно и понятно. Трудно строить на сваях кино-театр, школу, почту, тюрьму. Все это цепочкой вытянулось поодаль от берега и как бы свысока смотрит на лачуги островитян. Но нет среди них ни завода, ни фабрики, здесь не знают фабричного шума.

Мы приехали на Тавитави по случаю подготовки первого номера газеты «Тавитави геральд». Встретились с журналистами, которые писали для газеты. Собрались в отеле «Южный». Небольшое здание, на первом этаже склад с примыкающим к нему загон для коз, на втором — три или четыре комнаты, в них, кроме кровати и тумбочки, ничего нет. Мне, правда, как гостю из далекой страны, поставили вентилятор, однако работал он всего два часа в сутки, да и то вечером, пока в кино-театре шел фильм, ради чего включали движок. Рядом столовая, служащая местом встречи представителей интеллигенции, деловых людей.

— Как мы будем делать газету? — спросил Жамал Карим, ветеринар, выпускник Государственного университета Филиппин, прослушавший еще курс лекций в Маниле, в Азиатском институте журналистики.

Прикрутив керосиновую лампу, поскольку на яркий свет слеталось множество ночных бабочек, он продолжал:

— Конечно, мы используем опыт знающих журналистов, однако необходимо, чтобы они в своей работе учитывали местные обычаи и традиции. Уже утверждены рубрики. Первая называется «соли-соли» (буквально

«новости по секрету»— Л. К.). Сюда войдут материалы критического направления. Авторы будут разоблачать всякого рода рассказы, небылицы, выдумки о нашем народе, вообще о Филиппинах, да и о других развивающихся странах. Ведь чего только не пишут на Западе! Люди на Тавитави довольно хорошо осведомлены о происходящих в мире событиях: у многих есть радиоприемники. Однако им необходимы комментарии, разъяснения. «Тавитави геральд» собирается заняться и этим.

В газете должен быть также раздел «хака» («срочные новости»), отклики на события, требующие быстрой реакции.

К таким событиям относятся тайфуны, землетрясения, пожары, нападения бандитов. Газета должна мобилизовать народ во время бедствия, организовать помощь пострадавшим.

Наконец, необходим раздел «магкирил» («планирование, взвешивание возможностей, предвидение»). Своего рода экономическое прогнозирование.

На Тавитави есть поговорка: «Лодка должна быть легкой, но груз она обязана выдерживать тяжелый». Создатели газеты собираются следовать именно этому принципу. Они намерены бережно относиться к местным традициям, что очень важно в газетном деле. Вот всего лишь один пример. В «Тавитави геральд» поступила просьба напечатать объявление о том, как вкусно собирается кормить своих посетителей владелец нового кафе, прибывший из Тайваня. В числе предлагаемых блюд суп из плавников акулы. Хорошо, что человек, оформлявший рекламы, проявил бдительность. Ведь коренной житель Тавитави не берет в рот не только свинину, но и акулье мясо, ибо в древние времена, согласно легенде, акула спасла и вынесла на берег одного из любимых вождей народа островов.

— Нам есть о чем писать,— вступает в беседу Мухаммед Лахад, типичный островитянин с очень темной кожей, коренастый, мускулистый.— Как профсоюзный активист, я хорошо знаком с проблемами, которые волнуют людей. Когда-то Тавитави входил в провинцию Сулу. И получалось так, что правительство отпускало средства лишь для столицы Сулу, города Холо. Нам же не оставалось даже крох. Превращение архипелага в провинцию несколько улучшило экономическое положение. Но пенального. Главными отраслями здесь по-прежнему остаются рыболовство, добыча жемчуга, кустар-

ная деревообработка. Все они сложились в пятнадцатом-шестнадцатом веке. Но и их можно было бы сейчас развивать, используя современную технику. Однако все эти промыслы находятся под угрозой. Рыбы стало меньше. Дело в том, что наши коралловые рифы разрушаются. А они не только укрепляют берега, но и служат домом для рыбы. Иностранные суда, применяя мощные тралы, буквально обдирают морское дно. Кораллы срезают и на сувениры, для продажи в «чистом» виде. Глушение рыбы динамитом также приводит к невосполнимым потерям. Как и учения военно-морских сил США: ведь Тавитави одна из стоянок американского седьмого флота. Взрывы глубинных бомб опустошают воды, убивают в них все живое, ускоряет эту работу и загрязнение их отработанными маслами.

Большое беспокойство вызывают у жителей Тавитави сообщения о том, что США и Япония рассматривают возможность сделать из архипелага склад для отходов ядерного топлива. Одно время островитяне надеялись поправить дела за счет морской травы, которую здесь называют «гусо». Ее добавляют в качестве важного компонента в зубную пасту. Иностранные компании так рьяно взялись за дело (только в семьдесят восьмом году в США, Японию, Австралию, Западную Европу было вывезено около девяти тысяч тонн высушенного гусо), что буквально опустошили огромные участки дна, в результате оно катастрофически быстро «лысеет». По этим же причинам вымирают представители морской фауны.

В тот вечер собравшиеся говорили об участии представителя сулу-самаль в движении, которое ставит перед собой цель защищать интересы национальных меньшинств страны. На Тавитави одно время были сильны сепаратистские настроения. Островитяне надеялись, что с отделением от Филиппин они заживут лучше.

— Конечно, это иллюзия, заблуждение,— вступил в разговор учитель начальной школы.— Только вместе со всеми трудящимися при поддержке рабочего класса, прогрессивной интеллигенции Филиппин народ Тавитави сможет отстаивать свои права.

Сейчас, когда страна находится на перепутье, правые силы, стремясь не допустить глубоких социальных перемен, пытаются распылить силы трудящихся, используя и национальный фактор. В такой ситуации отделение двухсоттысячного населения Тавитави, а оно

в основной своей массе трудящееся, ослабит все филиппинские прогрессивные силы. Сам же народ сулу-самаль станет жертвой чужеземных монополий и Пентагона.

Из Бангао мы отправились с восходом солнца. Весело пели петухи. С моря доносились глухие шлепки весел — рыбаки уходили на промысел. Мы выехали на горбатый мост.

— Это первый на Тавитави мост, — с гордостью сказал водитель такси — трехколесного мотоцикла, — правда, небольшой, всего четыреста метров. Но ведь первый! Придет время, построим другие, глядишь, и соединим все островки наземными дорогами. Хорошее будет подспорье нашим морским путям.

Вот и расчищенное от густых зарослей поле с одиноким строением — аэропорт Санга-Санга. Станным, чужим, как бы из другого мира показался здесь серебристый самолет. С любопытством смотрели на него ребяташки, забыв про коз, которых гнали на пастбище.

ПОЧЕМУ ОНИ ПОКИДАЮТ РОДИНУ

Тайфун для филиппинца — синоним бедствия. Он обрушивается на Филиппины чаще, чем на любую другую страну Юго-Восточной Азии. Поэтому информация о зарождении и приближении «воздушного разбойника», его силе, направлении здесь жизненно важна. Эту информацию предоставляет Национальное бюро прогнозов погоды. Но, оказывается, оно само подвергается неожиданным налетам. Не тайфунов — агентов по вербовке рабочей силы, или, как их еще называют в прессе, «специалистов по экспорту мозгов». В результате многие высококвалифицированные сотрудники, соблазненные деньгами, покинули метеорологические площадки и лаборатории на Филиппинах. Некоторые уезжали в момент, когда были особенно нужны своей стране.

Метеорологи — это лишь одна категория эмигрирующих филиппинцев. Молодой специалист по разным мотивам может решить расстаться с родиной.

Главная причина — внутренние трудности. Национальная экономика не в состоянии предоставить рабочие места всем выпускникам высших учебных заведений. Западные компании, строящие на Филиппинах заводы

и фабрики, обеспечивают их своими специалистами, которые не хотят делиться с филиппинцами профессиональными секретами, опытом, умением наладить и обеспечить работу оборудования. Более того, они стремятся сохранить монополию на эти знания, чтобы подольше задержаться в стране. Так что местному инженеру на заводе места нет. А вербовщики тут как тут. Они караулят. Они выслеживают бывших выпускников вузов, либо не нашедших работу, либо трудящихся не по специальности за мизерную плату. Им предлагают отправиться за границу, в основном на предприятия транснациональных корпораций, действующих в Африке, в арабских странах, на военных базах США. Филиппинцы соглашаются. Предприниматель получает инженера, который обходится ему намного дешевле своего.

«Утечка мозгов» — это лишь одно из направлений эксплуатации монополиями «дешевого» азиатского труда. В данном случае умственного. Однако существует и «утечка мускулов». С начала XX века и до 1940 года, то есть за время американского колониального режима, с Филиппин эмигрировали около ста пятидесяти тысяч человек. После завоевания независимости такая эмиграция уменьшилась, но не прекратилась.

Уже в четыре утра у порога американского посольства в Маниле выстраиваются длинные очереди — старики и подростки, мужчины и женщины. По натруженным рукам узнаешь землекопа. А вот человек со словом «эйд» на желтой майке. Крестьянин в конусообразной соломенной шляпе. Все они надеются заключить контракт с зарубежными нанимателями. Но надежды землекопа, мусорщика, крестьянина не сбудутся. Организаторы «утечки мускулов» вербуют не каждого безработного, а обученного специалиста, например строителя. Таким образом, из страны вывозится квалифицированная рабочая сила, в которой экономика самих Филиппин остро нуждается.

В последние годы выгоду использования дешевой рабочей силы с Востока поняли дельцы развлекательного бизнеса и компании, обслуживающие нужды так называемого «среднего класса» в США, Италии, Англии и других европейских странах.

Сотни филиппинских девушек уезжают в «порядочные европейские и американские дома» работать кухарками, няньками, сиделками при больных. Филиппинок вербуют и в разного рода ночные клубы, игорные дома.

На чужбине они совершенно беззащитны. У этой категории эмигрантов, пожалуй, самая горькая доля.

— Мы не имеем права организовывать профсоюзы или становиться членами профсоюзов страны, в которой работаем,— рассказывает строитель, вернувшийся на родину из Калифорнии.— Мы совершенно бесправны. Нас могут заставить работать по девять-двенадцать часов в сутки. Живем в трущобах, часто болеем. Никто из нас не знал, что там холодные зимы, и мы не взяли теплой одежды. Да ее у нас и дома-то не было. Даже в полицию не можем обратиться, если какой-нибудь бандит вымогает деньги. Арестуют. На всякий случай. Эмигрантам, да еще цветным, не доверяют.

Правительство пытается помочь своим гражданам спасти их от произвола, оградить от физической расправы, морального унижения. Но остается целой и невредимой система, которая обеспечивает «утечку мозгов и мускулов», одна из хищнических форм ограбления развивающихся стран, часто прикрываемая фальшивыми лозунгами помощи бывшим колониям, а ныне якобы «партнерам» «свободного мира».

ВРАГИ И ДРУЗЬЯ «КРЕПЫША»

В один и тот же день с базы США Кларк-филд на острове Лусон вылетели эскадрильи боевых самолетов и «волтронов». Первые взяли курс на Средиземное море. Другие — на Филиппины. Мир знает, сколько ни в чем не повинных ливийцев стали жертвами государственного террора. А что же «волтроны», которые стартовали из телестудии базы ВВС, расположенной на Филиппинах,— ведь это лишь герои многосерийного мультипликационного фильма. «Произошла очередная атака на „Крепыша“» — так сказал филиппинский кинокритик Бен Сервантес.

Он и другие его соотечественники, например Ренато Константино, ученый и писатель, исходя из истории отношений Филиппин с Западом, давно уже пришли к выводу, что культура неотделима от политики и не бывает нейтральной. Оттого-то и стала одним из орудий империализма. Песне, голубому экрану, кино отводится роль насильственных шор, которые заставляют смотреть только на Запад и не видеть того, что происходит в других

развивающихся странах, в социалистическом мире. При этом деятели правобуржуазной культуры пользуются самыми грубыми методами идеологической агрессии. Один из них — культурный терроризм. Филиппинские ученые и публицисты, прибегнув к этой терминологии, опирались на толковый словарь Вебстера, в котором говорится: «Терроризм — это использование силы или угроз для запугивания людей в целях их полного подчинения».

Итак, сила. Еще губернатор колониальных Филиппин генерал Артур Макартур (отец Дугласа Макартура, воспитавший сына таким же мракобесом, как и он сам) заявлял в начале века, что насаждаемая в колонии система образования и воспитания должна быть вспомогательной операцией в действиях вооруженных сил США, перед которыми ставилась задача подавить на архипелаге все свобододлюбивые силы. Голливуд и другие «культурные» организации в течение почти полувека укрепляли свои позиции на «новых рубежах», активно пользуясь покровительством американских штыков. В ответ и благодарность они помогали штыкам, морально разоружая и «обезвреживая» филиппинцев. После достижения независимости Голливуд не прекратил натиск на Филиппины. Более того, используя эту страну как трамплин, он ринулся в другие страны Юго-Восточной Азии. Вскоре к нему активно подключились американские телевидение, шоу-бизнес, магнитофон с записями музыки и песен, а в последнее время и «видеогангстер». Внешне вторжение происходит под знаменем свободного предпринимательства, вольной конкуренции. На самом деле применяется элементарная грубая сила. Филиппинская газета «Бизнес дей» привела однажды такой пример: на съемку одного эпизода американского многолетнего телесериала «Фэлкон крест», прочно утвердившегося на филиппинском экране, тратится порой до семисот тысяч долларов, то есть примерно пятнадцать миллионов филиппинских песо. В то же время годовой бюджет манильского драматического театра, еле-еле позволяющий сводить концы с концами, составляет три миллиона песо. А если взять рекламу, которую на Филиппинах взрастил иностранный капитал? Она, подобно бульдозеру, расчищает путь американским фильмам, шоу, песенкам, загоняя в угол филиппинских «конкурентов».

Дело усугубляется еще и тем, что у американского

кинобизнеса, монополий, прибегающих к силе, есть в развивающихся странах пособники. Прежде всего владельцы кинотеатров. В погоне за барышами они охотно берут дешевую и броскую продукцию Голливуда. Опасность заключается и в том, что американские кинокомпании либо подмяли под себя национальную кинопромышленность, либо нашли союзников, которые, подобно владельцам кинотеатров, в угоду уже испорченному вкусу, а главное, собственному карману буквально кадр в кадр копируют худшие, отвратительнейшие образцы западных лент.

Газета «Эйшн Уолл-стрит джорнэл» отмечала, что на всех филиппинских экранах демонстрируется либо порнография, либо полупорнография.

— Куда же смотрят девятнадцать филиппинских архиепископов, восемьдесят шесть епископов, под началом которых более пяти тысяч священников и около пяти с половиной тысяч монахинь, самим богом призванных оберегать мораль верующих,—воскликнул один из журналистов во время пресс-конференции перед кинофестивалем, на которой много говорилось о разгуле порнографии не только на экране, но и в жизни.

Как грибы растут на Филиппинах инкубаторы духовного яда и (это уже как следствие) физического разложения. Главными предприятиями здесь выступают «музыкальные», «танцевальные» и прочие заведения вокруг баз США, а также в Маниле, набравшие силу на обслуживании американской солдатни и ставшие магнитом для многих филиппинцев, особенно молодых. Вся культурная продукция — от дисков до видеокассет (даже если она пропущена через Японию или Гонконг) — иссет клеймо «Сделано в США». Эти заведения занимают отнюдь не нейтральную позицию. Они внимательно следят за тем, чтобы никто не мешал им, чтобы постоянно расширялась территория их действий. Специально нанятые бандиты угрожают расправой тем клубам, кафе, которые приглашают филиппинских певцов, устраивают вечера народной музыки. В таком случае не жалуют денег на то, чтобы расправиться с прогрессивным певцом, сжечь клуб, не подчиняющийся мафии в развлекательном бизнесе.

Однако за мафией стоит еще более грозная сила — капиталистическая система. Пресса стран АСЕАН в настоящее время много пишет о том, что Международный валютный фонд, где, как известно, заправляет доллар,

пользуясь тяжелым экономическим положением бывших колоний, требует отмены регулирующих мер государственных органов, полной свободы для конкуренции — ничто не должно стеснять законы рыночной экономики! На одной из конференций министров иностранных дел стран АСЕАН государственный секретарь США Шульц поставил вопрос ребром: или снять барьеры перед американскими товарами, или... угроза в чистом виде, о чем толкует Вебстер. Деятели культуры говорили о требовании Шульца и МВФ с ужасом: «С еще большей силой ворвется в развивающиеся страны и культурная продукция Запада, тогда существующая уже беда может превратиться в катастрофу». Правла, филиппинцев, индонезийцев успокаивали: «Ну и что здесь страшного? Волны „черной“ культуры давно гуляют по Западу. Есть, конечно, жертвы. Но ничего». И все-таки...

Фильм, сделанный в США, смотрится на Филиппинах по-другому и наносит двойной, если не тройной ущерб, к тому же порой в совсем ином направлении. И если на Западе он выступает в качестве растлителя сознания, то здесь, в дополнение к этому, в роли «культурного террориста». Вернемся поэтому к «волтраонам» (с них взяты мерки и для других подобных мультфильмов, таких, как «Теневой мир», «Звездные птицы», «Трэнзор»). Это космические корабли-роботы, вооруженные пакетами лучевыми пушками и лазерами. Для ведения «звездных войн». Дж. Гибсон, профессор психологии Питсбургского университета, который консультирует фирмы по производству игрушек, писал, что «дети чувствуют свою беспомощность и поэтому любят этих героев» (в том числе «волтраонов» и «звездных птиц»). Но если юный гражданин США, полюбив своего героя и преодолев беспомощность, надеется, что в будущем, став взрослым, сам создаст такого «звездного бойца» и сам начнет покорять Вселенную, то совсем по-другому входит «волтраон» в жизнь филиппинского мальчика. Он тоже беспомощен и тоже может полюбить могучего робота. Но это чувство беспомощности при нем и останется. Ибо «волтраон» — американский робот, и, чтобы создать его, нужно стать американцем. Вот еще откуда начинается проповедь американского превосходства, подталкивание к измене родине, пока духовной.

Террористы пользуются не только ежовыми рукавицами, они часто надевают и лайковые перчатки. Кроме «волтраона» существует еще и такая телесерия, распро-

страненная по всей Юго-Восточной Азии, как «Сезам-стрит». Талантливая, по форме даже добрая, работа. Но она создает образ таких Соединенных Штатов, которые своим богатством, своим ничем не нарушаемым «классовым и расовым миром», отсутствием зла, торжеством добра должны вызывать зависть. Она заставляет полюбить сказку, название которой «Соединенные Штаты», и отвращает от своей страны, от своего языка, она снова порождает чувство неполноценности.

Да, ни жестокие «волтроны», ни добрые «сезам-стриты» не проходят даром и часто оставляют одинаковые мрачные шрамы на душах филиппинцев.

Унижая морально и духовно одних, культурный террорист создает других, себе подобных, а точнее,— пособников, главным образом из господствующих классов развивающихся стран. В данном случае проповедь насилия, вседозволенности, права на всякого рода извращения падают на благодатную почву. Не случайно шайку бандитов, которую наняли хозяева для подавления стачки на одной из фабрик Манилы, возглавляли сынки из богатых семей, и каждый из них был в черной майке с портретом главных героев американских боевиков — Рэмбо (44 убийства за один сеанс!) и Роки, прошедших на Филиппинах первым массовым экраном. Так, насаждаемые этими фильмами ненависть, садизм, антисоветизм вылились, материализовались в ненависть к филиппинским рабочим, в антинационализм и антипатриотизм. На этот раз Рэмбо и Роки пролили кровь не только у себя на экране, но и в жизни, в конкретной обстановке, у ворот фабрики. Снова американский фильм оказал американскому капиталу реальную, конкретную помощь. Причем руками филиппинцев.

Как-то газета «Манила буллетин» сообщила, что на Филиппинах около двух миллионов страдают серьезными психическими расстройствами (данные Национального госпиталя психических заболеваний). Причина? Их немало. Одна на совести Запада. «Культурный шок», вызываемый посещением кинотеатров, депрессивное состояние (в свою очередь, толкает к употреблению наркотиков), появляющееся вследствие слушания фаталистической музыки, по убеждению сотрудников госпиталя, исключают человека из активной жизни общества. Р. Константино обращает внимание на то, что произведения так называемой американской «массовой культуры», а сегодня и филиппинские слепки с этих «произ-

ведений» служат своего рода «транквилизаторами духа», умиряют человека, сосредоточивая его внимание на чисто личных заботах, на проблеме секса с его грязными «уроками», убийствах, насилии, мистике, иррационализме, в качестве духовного учителя все чаще выступают гадалка, астролог, специалист по оккультным «наукам». И все это в форме «развлечений».

Продолжая мысль ученого, Национальный секретарь Филиппинского совета мира и солидарности Антонио Парис отмечает, что культурный терроризм парализует социальную энергию и социальное сознание людей, отвлекает их от решения политических и социальных проблем страны и таким образом ослабляет сопротивляемость натиску иностранного капитала и американской военщины.

Где же выход из создавшегося положения? Надо отдать должное филиппинским деятелям культуры и искусства, объявившим бой терроризму. Так вот и родилась многосерийная телепередача «Батибот», что в переводе с тагальского означает «Крепыш». Произведение обращено к филиппинскому ребенку, оно помогает ему узнать свою страну, родные песни, сказки, обычаи, своих героев, храбрых, сильных, благородных, которые с давних времен боролись за свободу. «Крепышу» приходится трудно. Но он борется. У него появляются друзья, союзники. С большим успехом прошел фильм «Байянку» («Моя страна») известного филиппинского режиссера Лио Брока.

— «Байянку», — рассказывает он, — повествует о сегодняшнем дне Филиппин. В центре фильма судьба молодого рабочего, который борется не только за улучшение экономического положения, но и за расширение демократических прав трудящихся.

Таких работ на экране становится все больше и больше.

ТОНДО ПРОТИВ «АНТИТОНДО»

Число фильмов, выпускаемых филиппинскими компаниями за год, давно уже перевалило за полторы сотни. Это примерно треть того, что идет на филиппинских экранах. Остальное — иностранный, главным образом американский, товар. Среди привозных фильмов попа-

даются интересные, талантливые, но в основном — дешевый ширпотреб. Местные критики, публицисты, политические деятели, педагоги неоднократно указывали на ту огромную роль, которую играет кино в духовной жизни филиппинцев. С января по декабрь быльсы в кинотеатры приобретают 1,3 миллиарда человек, взрослых и детей. Результаты воздействия кино на людей (рост преступности, наркомании, равнодушие, пессимизм) порождают тревогу. Время от времени со страниц газет, с авторитетных трибун раздаются призывы ограничить приток иностранных фильмов. Предлагаемая мера — дело серьезное. Но, даже если ее и применят, она вряд ли в корне изменит ситуацию в «киноморе и уменьшит разрушительную силу», по словам газеты «Бизнес дей», ибо почти каждая иностранная лента с ковбоями, актерами, чей талант ограничивается пошлой откровенностью, драками и т. п., порождает свою, филиппинскую, копию. Повторяются не только сюжеты, содержание, набор трюков, но и жесты, отдельные реплики. Разница лишь в том, что в филиппинских фильмах артисты говорят по-тагальски.

Однако «картина с кинокартинами» не совсем безнадежна. Есть работы, созданные талантливыми художниками, которые руководствуются любовью к родине, идеями социальной справедливости, стремлением отразить правду жизни. Порадовала зрителя целая серия лент о манильском районе Тондо: «Парень из Бангкусая», «Город после наступления темноты», «Властелин Тондо», «Я наркоман», «Девушка из Тондо», «Малыш — главарь Тондо», «Бангкусай-1950», «Изгнание из Тондо». Каждый в отдельности фильм из этой серии, пожалуй, потерялся бы в указанном киноморе, пропал бы. Однако все вместе они создают картину многоплановую и впечатляющую. Но что такое Тондо?

— Считается, что тропические джунгли — самое опасное место для человека. Неправда! Можно защититься от нападения пантеры, спрятаться при виде дикого слона, наконец, принять таблетку, чтобы укус комара не превратился в малярию. Гораздо страшнее... — Антонио Гонсалес, известный парапсихолог, прервал свою нетропливую речь и, как бы найдя нужные слова, продолжил, — гораздо страшнее джунгли цивилизации. Возьмите наш Тондо...

Этот район, называемый «манильским дном», представляет собой скопище жалких домиков. Кажется, ка-

кая-то неведомая сила скомкала их в одинаковые (несмотря на самый разнообразный «строительный» материал — от парусины до старых автопокрышек) гигантские серые кристаллы (и их еще называют кварталами!). С особой силой режут в кафе и лавчонках транзисторы, будто пытаются отвлечь внимание прохожего от всего, что он видит. Человек, случайно забредший в Тондо, при виде первых же домов, поворачивает обратно. Он вспомнит советы обматывать шею толстым шарфом (при почти сорокаградусной жаре!): охотники за деньгами поражают здесь намеченную жертву из рогатки, посылая свинчатку в шею; вспомнит газетные сообщения о том, как в «тондовых джунглях» пропадают люди и найти их невозможно. В Тондо чаще, чем в других районах Манилы, случаются пожары и раздаются взрывы бомб. И все-таки, собственных впечатлений, рассказов коренных манильцев, репортерских сообщений недостаточно, чтобы иметь точную картину о Тондо. К такому выводу приводит экран.

Говорят, что филиппинские операторы отличаются храбростью и дерзостью. Ведь в Тондо хорошо владеют не только рогатками, здесь держат дверь в свою жизнь, в свой быт, а главное, — в свои души плотно закрытыми перед чужаками. А человеку с кинокамерой удалось увидеть и зафиксировать на пленке великое множество деталей и подробностей, никогда не попадавших в поле зрения социологов, полицейских, политиков, градостроителей, журналистов. Миллионы зрителей узнали, что в Тондо и сегодня можно приобрести автомат, что выходцы из разных провинций Филиппин строго сохраняют здесь обычаи родной деревни. В то же время в Тондо сложился какой-то особый моральный климат со своими понятиями о красоте, своим подходом к таким категориям, как взаимовыручка, долг. Об этом говорит фильм «Девушка из Тондо». Отец героини с раннего утра до позднего вечера не выпускает вожжи, и его калеса — двухколесный экипаж, запряженный тощей лошадкой, кружит по улочкам Тондо, перевозя пассажиров и разные грузы. Так бы и катилась жизнь дальше, если бы не авария: лошадь не успела увернуться от автомобиля, возница тяжело ранен. Единственного в семье кормильца заменяет дочь. Она садится на калеса. Девушка лицом к лицу сталкивается с обидой, унижениями, несправедливостью. От них не спасает ни ее добрый нрав, ни красота. Наоборот, они удваивают стра-

дания. В конце концов девушка понимает, что жизнь семьи, ее жизнь зависит не от судьбы и даже не от всевышнего, а всего-навсегда от одного человека — владельца калеса. Он хозяин, поэтому сильнее даже всевышнего.

Фильм «Бангкусай-1950». В Тондо в поисках счастья приходит (как и тысячи других) молодой крестьянин. Скромный, честный, работающий. После долгих мытарств ему, казалось, улыбнулось счастье: он устраивается на фанерную фабрику. Но произвол хозяина, обстановка несправедливости, жестокость сильных сталкивают парня в моральную пропасть. Он становится преступником.

Авторам фильмов о Тондо (особенно в «Ягуаре») удалось показать, что в неимущей части общества есть свои собственные слои. На самом дне — деклассированные элементы, уголовники, люмпены. Их души опустошены, они мечтают только об одном: как раздобыть горсть риса.

Однако сила фильмов не только в разоблачении пороков общества, не только в том, что они показывают темные стороны жизни. Их огромное эмоциональное воздействие объясняется также стремлением деятелей кино, истинных патриотов своей страны найти и показать позитивные стороны, выявить силы, помогающие избавить общество от колониального наследия, и поддержать прогрессивные начала. Ведь в Тондо на самом деле живут не только те, кто грабят и торгуют наркотиками. Таких меньшинство. Для большинства норма жизни — честный труд. Здесь живут те, кто разгружает суда, печет хлеб, ремонтирует автомашины, плетет корзины. Правда, далеко не у всех есть работа. Процент обездоленных в Тондо особенно велик. Тут, как и в других районах страны, складывается пролетариат с передовыми идеями. «Наряду с потерявшим всякую надежду люмпеном, — пишет кинокритик М. Эрнандо, — в Тондо есть и настоящие пролетарии. Это трудяги, создающие материальные ценности».

Вот тот главный герой, которого в конце концов находит честный филиппинский кинематограф. Почти во всех фильмах, даже самых мрачных, авторам удалось показать, как жители Тондо стремятся сохранить гордость, чувство собственного достоинства, верность идеалам добра и справедливости. Этим людям обязаны кинематографисты тем, что их не тронули ни нож, ни пули. Зато их часто ранят в уважаемых кварталах,

Тех, кому не нравится правда, кто узнает себя в героях, навязывающих законы джунглей, нанимает пресса. А уж она, стараясь обеспечить провал очередной честной ленты, находит столько слов критики, сколько хватило бы на сценарий для другого фильма. Но это уже будет «антитондо», то есть злобный выпад против трудящихся. И выпадов немало. Их делают те, кто, защищая законы джунглей, в страданиях одних, в моральном падении других обвиняет их самих. Применяется и такой метод, как обработка (от запугивания и подкупа до обращения к «патриотическим» чувствам, отрицающим классовую борьбу) владельцев кинотеатров, в результате чего правдивый фильм не может пробиться на экран или, мелькнув на нем, ложится на вечное хранение на полку киноархива.

Однако жажда знать правду у филиппинцев глубока и постоянна. Это вдохновляет певцов Тондо, и свои силы они черпают у тех, кто отрицает «антитондо», все то, что мешает торжеству законов справедливости.

ФРЕДДИ АГИЛЯР — «АНАК»

Наступила полная тишина. Она была удивительной, потому что казалась невозможной при виде снующих официантов, входящих и выходящих посетителей, звоне бокалов, громких, порой горячих споров, которые плыли по залу, сбиваясь в густой гул. И вот будто бы замер даже дым от сигарет. Взял первые ноты и начал петь Фредди Агиляр — «Анак». В Маниле его называют «рыцарем, который встал на защиту музыкальной души филиппинцев». Он быстро занял видное место на театральной сцене, но его появление на ней было не случайным. Более того, оно было predetermined самой жизнью — филиппинский народ испытывает острую нужду в рыцарях. Он и порождает их.

Мы слушали Фредди Агиляра в ночном клубе «Хоббит хаус». Клуб расположен в районе Эрмита, «туристского пояса Манилы». Действительно, здесь все живет туристом, все настроено на туриста, на его вкусы, наклонности, мораль. Любитель сувениров найдет на улицах «пояса» лавки, где торгуют изделиями из перламутра, поделками из филиппинской акации, легкими, как пушинка, чеканкой по меди работы умельцев острова

Минданао, коллекциями бабочек, монет. Гурман может попробовать не только блюда своей национальной кухни, но кушанья многих других стран — азиатских, европейских, латиноамериканских. Не забыты и любители острых ощущений, которым предлагаются фильмы ужасов в подпольных кинотеатрах, наркоманы, охотники за «экзотической восточной любовью». И вот тут ночной клуб выступает главным носителем всех этих сомнительных прелестей. В Эрмите множество таких «заведений после захода солнца». Но почему Фредди Агиляр выбрал «Хоббит хаус»? Обыкновенный клуб с одним рестораном, двумя барами, биллиардной и крохотной сценой? Для этого есть причины. И одна из главных заключается в том, что «Хоббит хаус» создавался как некий символ борьбы за достоинство, за уважение личности. Идея открыть такое кафе в районе, где как раз сотни филиппинцев подвергаются унижениям и оскорблениям, где ими торгуют, словно говаром, принадлежит Джиму Тернеру, члену американского «Корпуса мира» на Филиппинах.

Организация «Корпус мира», как известно, была создана правящими кругами Соединенных Штатов в 1961 году формально с целью оказания технической помощи странам Азии, Африки и Латинской Америки, а на самом деле для расширения политической, идеологической и экономической экспансии в развивающиеся страны. Она действует под лозунгом дружбы, помощи молодежи бывших колоний в ее усилиях избавиться от отсталости, устранить взаимное недоверие и одновременно наладить взаимное культурное обогащение. Однако эти лозунги фальшивы, они служат прикрытием империалистической политики, проводники которой надеются увести молодежь развивающихся стран с арены активной политической борьбы, оторвать от трудящихся и их союзников. Но вначале «Корпусу мира» удавалось ввести в заблуждение значительную часть молодежи этих стран: ведь на «добровольную службу» набирали в основном учащуюся молодежь, юношей и девушек, не разделявших взгляды расистов, либерально настроенных идеалистов, похожих, как сказал один из основателей «Корпуса мира», на «людей эпохи Возрождения». Некоторые, разочарованные своим «американским образом жизни» и в то же время боявшиеся скрестить копыя с режимом насилия и эксплуатации, надеялись найти применение своим благородным помыслам и намерениям в Азии, Аф-

рике, Латинской Америке. Были среди них и такие, кто искренне хотел помочь своим зарубежным сверстникам. Эти настроения поощрялись и госдепартаментом, и Центральным разведывательным управлением США. Они рассчитывали на то, что искренний, честный идеалист будет самым лучшим прикрытием для осуществления политики империализма, поможет создать образ «доброй, отзывчивой и справедливой» Америки, что до сих пор не удавалось сделать американской пропаганде и подрывной, диверсионной службе. Таким образом, многие «корпсмены», оказавшись в плену иллюзий, стали орудиями самых реакционных и грязных политических сил. Одним из них был и Джим Тернер.

Он, по словам заместителя директора отделения «Корпуса мира» на Филиппинах, искренне верил в добро, в справедливость, гордился своей миссией. Однако вскоре понял, что его деятельность как «корпсмена» ни в коей мере не способствует прогрессу Филиппин. В лучшем случае она бесполезна. Вслед за разочарованием последовали лихорадочные поиски выхода из душевного кризиса. Может быть, Джим Тернер, подобно некоторым другим близким ему по духу «корпсменам», «сломался» бы и пополнил ряды алкоголиков, наркоманов, а то подался бы на службу ЦРУ или в наемники. Но, видимо, у него оставался еще запас положительной энергии, когда он, по его же словам, «встретил гнома». Они подружились. «Гном», как сам себя называл карлик Мар Гутьерес, рассказал добродушному американцу немало историй из жизни манильских карликов. Всеми обижаемые, абсолютно бесправные, они влачили существование, которое не назовешь даже жалким. Кое-кому удавалось, правда, подработать в цирке, на телевидении, где их использовали для рекламы товаров, витаминов или лекарств. Так, карлики со счастливой улыбкой убеждали, что если принимать такие-то и такие-то таблетки, то станешь большим и сильным — Гулливером. Счастье кормиться не милостыней выпадало редко и далеко не всем. Кормились милостыней, спали на улице. Выручали лишь взаимосострадание и взаимопомощь. Тогда-то и родилась идея открыть кафе, в котором обслуживали бы только карлики.

Принялись за дело. Джимми Тернер стал разыскивать состоятельных филиппинцев, готовых вложить деньги в необычайное предприятие, а Мар Гутьерес — набирать штат. Наконец, в 1975 году появился бар с малень-

кими людьми. Выйдя на арену развлекательной жизни Манилы, «Хоббит хаус» сразу завоевал популярность. Карлики оказались прекрасными работниками, в прессе появились статьи о гуманизме, о необходимости помогать людям с физическими недостатками. Вслед за репортерами и социологами, искавшими примеры, иллюстрирующие «благородную деятельность» «Корпуса мира», потянулись в клуб посетители, в основном иностранцы: занято получить кружку пива из рук гнома.

Прошло ровно три года. В 1978 году в театре фольклорного искусства в Маниле шел первый фестиваль народной музыки. Объявили: выступает Фредди Агиляр! Публика с сомнением и недоверием смотрела на молодого, хрупкого, неказистого на вид человека. Ботинки на толстой платформе, казалось, лишь подчеркивали его небольшой рост, круглая шляпа, из-под которой на плечи падали волосы, вызвала смех. Кто-то даже громко крикнул: «Еще один хиппи из Олонгапо!»

Фредди услышал, и перед глазами промелькнул Олонгапо. Но он не был его родиной. Ф. Агиляр родился на острове Лусон, в небольшом городке Санта-Томас провинции Исабела. Провинция известна тем, что здесь (как и в соседних) испанские колониальные власти в конце XVIII века в принудительном порядке отвели огромные площади под табак. Крестьян, превращенных в арендаторов, заставляли высаживать по четыре тысячи саженцев табака и весь урожай сдавать колониальной администрации. Сдавать нужно было все, до последнего листика. Крестьянину курение даже собственного табака вне своей хижины запрещалось. Доля трудящегося на табачных плантациях не стала лучше после получения независимости, так как испанская «Табакалера» долго еще оставалась хозяйкой на земле, с которой не желала расставаться. Фредди Агиляр рано увидел страдания простого человека, и он видел их чаще, чем его сверстники, так как его отец Салуд Агиляр служил начальником полиции городка. Поэтому он и отказался подчиниться требованию отца учиться на юриста: «Стать судьей и защищать, оправдывать несправедливость? Нет!».

Уже тогда его увлекали народные песни и музыка. Но, чтобы окончательно не рассердить родственников, Фредди поступил на инженерный факультет, однако все свое свободное время он отдавал музыке. Судьба забрасывает его в город Олонгапо. Начался самый труд-

ный период в жизни юноши — жестокое испытание его стойкости, перестройка характера. Олонгапо — это город при базе американских военно-морских сил в заливе Субик. Тут и развлекаются матросы (около пяти тысяч) седьмого флота вместе с «транзитниками» (в год не менее пятнадцати тысяч). Юноша становится очевидцем маневров «зеленых беретов», во время которых горят земля и вода, падают деревья, разрушаются дома, часто гибнут мирные жители. Он узнает, что на базе хранится ядерное оружие, что оттуда к далеким берегам уходят корабли с карательной антигуманной миссией. Но больше всего тронула сердце Фредди Агиляра судьба детей Олонгапо. Однажды он увидел мальчика, который стоял у ворот базы с фотографией улыбающегося американского матроса и, подходя к каждому, говорил: «Это мой отец. Вы не знаете, где он? Мама болеет. Она умрет. Я останусь один...». От него отворачивались, как отворачиваются от тысячи таких несчастных. Фредди Агиляр читает в газетах о том, что американский патруль убил филиппинского мальчика, который рылся в мусоре, вывезенном с базы, в поисках пищи, чтобы утолить голод, и тряпья, стреляных гильз для продажи... Убийцу не выдали филиппинским властям, его лишь отправили на другую базу... Вот тогда-то Фредди написал песню «Анак», что в переводе с тагальского означает «Сынок».

Слова песни поражают глубиной содержания. Даже не верится, что такое можно написать, не увидев войну, не крикнув вместе со всеми: «Бастуем!», не прочитав труды философов, «не побывав ни в раю, ни в аду», как сказал один из критиков. Но, может быть, Фредди Агиляр нашел свой путь к философским мудростям, может быть, в молодом человеке каким-то образом пробилась жажда целого народа к справедливости.

Итак содержание песни. Появился на свет ребенок. Радость родителей беспредельна. Но уже тогда, когда сынок лежал в колыбели, их волновала мысль: что он видит во сне? Отчего он так сладко улыбается? Ведь окружающий мир недобр, жизнь тяжела. Прошли годы. Все реже и реже озаряет улыбка лицо анака. Даже во сне. Неужели кончились сладкие дремы? И это пугает родителей. Лучше улыбаться или делать вид, что счастлив. Однако сын уже выбрал другую дорогу. Он говорил: «Хочу быть свободным!». Да это ведь революция, это бунт против пусть старых, но привычных порядков.

Но Фредди-«Анак» гордо поднимает голову и заявляет всему свету, что убежден в своей правоте, что никакой ошибки не совершает, что у него появились новые, настоящие заботы. И главная из них — борьба за счастье, которого лишают человека.

— «Анак»! — объявил ведущий первого фестиваля народной музыки. — Исполняет Фредди Агиляр!

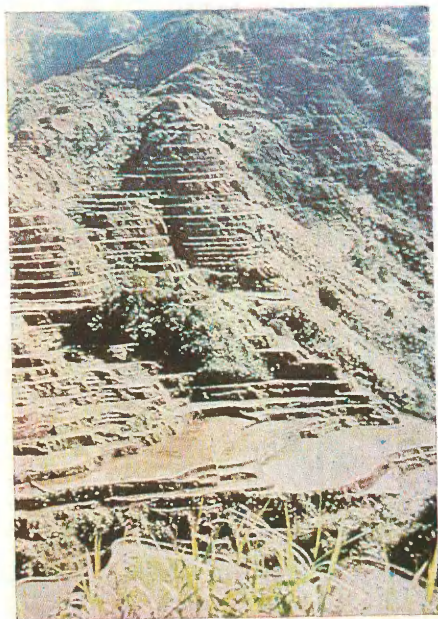
Прошло несколько минут... и зал обрушивается на исполнителя гром аплодисментов.

Фредди удалось глубоко понять филиппинскую народную песню, музыку. Он возродил их для себя, пропустил через свое сердце, а главное, нашел путь к душе филиппинца, которая, казалось, была безнадежно замурована западными «мастерами культуры», завалена толстым слоем продукции, годами поставлявшейся Голливудом, компаниями по производству пластинок и магнитофонных записей. И все-таки музыковеды не смогли четко ответить на вопрос, почему песни Фредди Агиляра заставляют трепетать сердца, почему набегают слезы, когда слушаешь его. Ведь и до Фредди Агиляра, и в его время на Филиппинах были и есть композиторы, которые возрождали, защищали и популяризировали народное творчество. Свидетельство тому сам фестиваль. Здесь следует послушать политиков. Их вывод: песни Ф. Агиляра, прежде всего «Анак», глубоко социальные. Они помогают понять, что социальная несправедливость — главный источник несчастий, в число которых входит и американское военное присутствие. Возрожденная народная мелодия может не только усладить слух, но и заставить оглянуться вокруг и увидеть, как прескрасна родная природа, что надо дорожить ею, любить живущих вокруг людей. Песня же, прозвучавшая под горячие аплодисменты в Театре фольклорного искусства, заострила внимание на пороках общества, вызвала у слушателей жалость к мальчику с его трудной судьбой, но главное, горячее желание изменить порядки, которые несут смертельную опасность миллионам.

После первого же концерта началось феерическое восхождение Фредди Агиляра к славе. За две недели магнитофонная запись «Анака» разошлась в ста тысячах экземпляров — такого на Филиппинах не было никогда. Сейчас тираж приближается к миллиону. Посыпались награды, призы, титулы, приглашения выступить на телевидении, в театрах, в концертных залах. И вот тогда кто-то сказал, что «Анак» и другие песни Фред-

На побережье

Рисовая терраса

Представительницы
национальных меньшинств

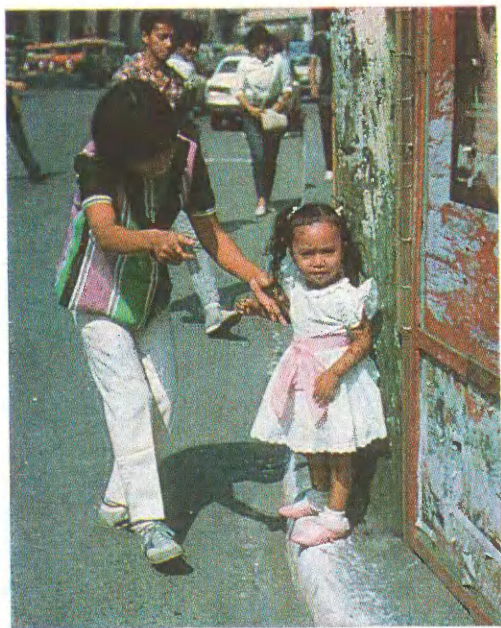
В горах

Актеры кино

На Тавитави

Со старшей сестрой в гости

Машина должна быть красивой

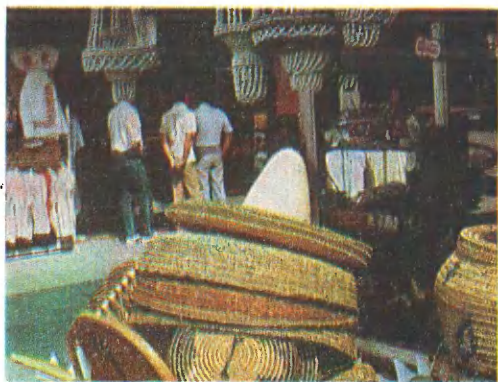
Новогодняя елка в Маниле

Бизнес-центр Большой Манилы

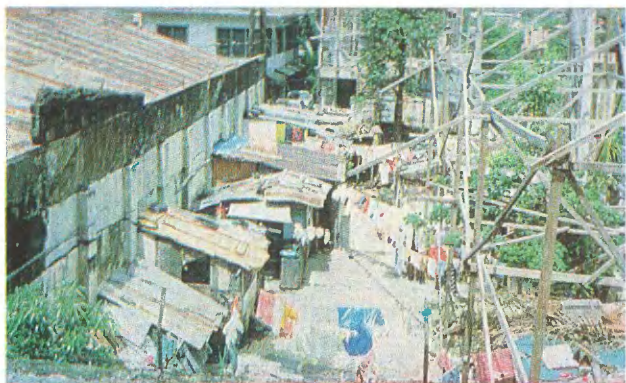
**Изделия
ремесленников**

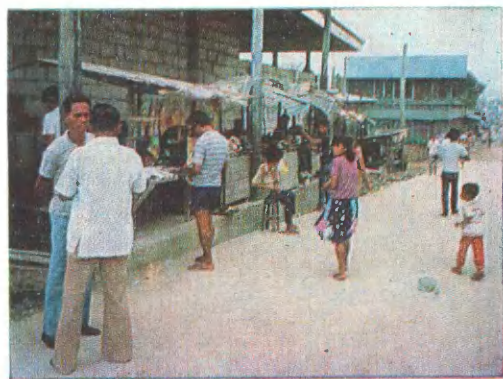
**Пистанг
Пилипино —
музей под
открытым небом**

Театр для всех

В трущобах
Манилы

Гондо
район бедняков

Уголок
старого города

Калеса

Память
о колониальном прошлом

На празднике

ди Агиляра похожи на произведения великого филиппинского просветителя, писателя и ученого Хосе Рисаля, выступавшего за реформы против колониального господства. Книги Хосе Рисаля «Флибустьеры» (1891 г.), «Не прикасайся ко мне» (1887 г.) и другие будили мятежный дух. Они в конце концов стали в ряд тех произведений, на которых воспитывались филиппинские революционеры, поднявшие восстание за свободу и независимость. Филиппинская писательница Норма Хапитана считает, что Фредди Агиляра роднит с Хосе Рисалем патриотизм, чувство справедливости, неприятие зла. Возможно, эти две величины несравнимы, да и время другое, но «Анак» Фредди Агиляра стал гимном обездоленных, источником вдохновения для организаторов забастовки или антивоенной демонстрации. Сам Фредди активно участвует в политической жизни. Он организовал сбор средств, чтобы помочь детям «сахарного острова» Негрос, которые умирают от голода. Он одним из первых вышел на баррикады, когда в феврале 1986 года был брошен вызов беззаконию, коррупции, военному присутствию США.

Важно и то, что с Фредди Агиляром в полный голос зазвучала филиппинская песня на родном языке. «Анак» нанес сокрушительный удар по рок-н-роллу.

Против певца справедливости, «рыцаря, вставшего на защиту музыкальной души филиппинцев», началась подрывная работа. Исполдволь, по разным направлениям. Прежде всего было решено развенчать его как артиста по принципу «так, мол, каждый может петь». Однако ни у кого «так» не получалось. Ему грозили расправой, пытались срывать концерты, платили большие деньги владельцам театров за согласие не впускать в свои стены «Анака». Потерпев неудачу, они зашли с другой стороны и попытались перетянуть Фредди Агиляра в свой лагерь высокими гонорарами, приглашениями в престижные дома «чистого искусства», лестью, разговорами об «исключительности Фредди», его «сверхчеловеческом таланте», ниспосланном свыше. Среди обожателей певца распространяют слухи о том, что он предал трудовые кварталы Манилы, потому что теперь живет на вилле, у него три личных автомобиля и т. п.

— Кто знает,— раздумчиво говорит журналист, хорошо знакомый с автором «Анака»,— может быть, Фредди и поддастся, изменится под влиянием славы, а главное, денег, может быть, сломит его «сладкая жизнь»? Но

если это случится, то Фредди Агиляр на собственном примере докажет, какое это огромное зло — власть денег, та власть, против которой сегодня ведет честную и последовательную борьбу наш нынешний Фредди.

Народу в «Хоббит хаус» становилось все больше и больше. Фредди Агиляр выглядел печальнее обычного. Поэтому особенно брали за душу его песни. Первыми захлопали карлики, которые работают в клубе. Один из них вспоминал:

— Мы благодарны Джиму Тернеру за то, что он спас нас, пигмеев Манилы, от голодной жизни. Но еще больше мы признательны Фредди. Он не только за нас, он — за всех обездоленных на Филиппинах, за всех ребятшек, за их счастье.

Выступление закончилось. К стойке бара подошел певец, усталый и измученный. Перри Берри, главный среди официантов гном, наполнил его стакан.

— Правда ли, Фредди, — спросил я, что вы решили оставить подмости в «Хоббит хаус»?

— Да нет, — ответил певец. — Хотя кто знает...

— Он уйдет, — тихо сказал один из карликов, слышавший наш разговор. — Дело в том, что сначала хозяева клуба делали деньги на нас, на «карликовой экзотике», сегодня — на славе Агиляра. Они уже открыли отделения клуба на острове Миндоро, в других местах. Фредди это не нравится. Он служит другому богу...

Фредди Агиляр не одинок. Ряды рыцарей, защищающих душу народа, постоянно растут. Они славят трудового человека, показывают его благородную душу, оружием песни борются за правду, справедливость и мир.

ТАМ, ГДЕ ЛЕЧАТ СЕРДЦА

Первое, что видишь, переступая порог Филиппинского кардиологического центра для Азии в Маниле, — огромное панно. На переднем его плане лица людей, в которых боль, страх, ожидание, мольба о помощи... На втором — фигуры в белых халатах. Это к ним обращены мольбы. И как бы в ответ сосредоточенный решительный взгляд, на мгновение показавшаяся улыбка доброты и сострадания. А через минуту уже встречаешь живых людей, проходящих мимо панно, ожидающих в

длинных очередях приема у врача или лежащих в палатах. И в этих же коридорах выздоравливающие, готовые дарить улыбку каждому встречному. Видишь и тех, кто лечит, кто спасает жизнь.

Слава о Центре разнеслась по всей стране и далеко за ее пределами. Раньше на Филиппинах не было такой крупной кардиологической лечебницы, а между тем среди заболеваний сердечно-сосудистые занимают в этой стране одно из первых мест. Больные искали помощи либо за рубежом (кто, конечно, мог заплатить большие деньги), либо у знахарей, порой неграмотных, но зато более доступных, либо должны были покориться судьбе. Сегодня более двухсот квалифицированных врачей ведут в Центре борьбу за здоровье.

— Причем,— с гордостью говорит сопровождающая нас сотрудница отдела по связям с общественностью Соня Арельянга,— более половины больных лечились бесплатно или за минимальную плату. Уже в первые пять лет свыше ста тысяч обратились в Центр за помощью и получили ее. Среди них и бабушка королевы Непала, и крестьянин с Гавитави. За семь лет сделано почти семь тысяч операций на сердце!

Соня Арельянга показывает нам лечебные отделения, помещения для приема больных, операционные. Она подчеркивает, что все врачи — филиппинцы, все получили образование и овладели профессией у себя на родине. Мы входим в палату. На кровати — пожилой человек. Его осматривает врач Ное Бабилония. Сегодня доктор доволен: дело пошло на поправку.

— Давно бы поставил его на ноги,— улыбается он.— Но...

Что такое за «но», доктор не сказал. Секрет открыла одна из его помощниц. Дело в том, что филиппинские кардиологи нашли заменитель больному человеческому сердечному клапану. Наиболее подходящим оказался клапан свиньи. Стоимость его в сто раз меньше импортного, а надежность такая же. Однако пациент поначалу никак не соглашался на такой клапан: он — мусульманин. Поэтому не только не употребляет в пищу свинину, но и отвергает все, что берется у животного, даже в медицинских целях.

— Мы не позволяем себе что-либо скрывать от больного,— говорит сестра.— Он должен верить нам...

Здесь обозначилась еще одна важная задача кардиологического центра — борьба с предрассудками, вред-

ными традициями и пропаганда медицинских знаний, цель которых научить людей беречь сердце, и свое, и других.

На первом этаже Центра создан своеобразный музей «человеческого мотора», его частей, методов и средств лечения. С нами молодой человек, представившийся студентом из города Давао (остров Мииданао), фотографировал каждый экспонат.

— Я и мои товарищи студенты-медики,— объяснил он,— во время каникул поедем по деревням и покажем фотографии выставки как можно большему числу крестьян.

Центр вносит большой вклад в общенациональные кампании, например — против курения и алкоголизма. Его сотрудники постоянно обращают внимание государственных органов и общественности на необходимость строгого соблюдения Трудового кодекса, который требует, в частности, чтобы на предприятии с числом рабочих от двухсот и более человек создавалась клиника с врачом и медсестрой. Центр проводит значительную работу по подготовке кадров врачей-кардиологов, повышению их квалификации. Предусмотрено знакомство с современными методами лечения. Немало внимания уделяется также моральной стороне одной из самых деликатных профессий, воспитанию высоких нравственных принципов, умению поступиться собственными амбициями (на эту тему проведен специальный семинар: «Эффективно вместе с другими, неэффективно — в одиночку»), готовности прийти коллеге на помощь или попросить его о помощи.

Не секрет, что многие филиппинские врачи по разным причинам покидают родину и уезжают в США, Западную Европу, Австралию, а это наносит ущерб стране, и Центр старается бороться с этим.

— Конечно,— отмечал один из руководителей учебной программы,— порой объективные обстоятельства, например невозможность найти работу на Филиппинах, вынуждают специалиста принять то или иное решение. Но нередко его гонит на чужбину жажда разбогатеть, сколотить состояние, открыть собственное дело. Вот это уже преступление. А готовность совершить его мы сравниваем с инфарктом совести, патриотизма. И мы стараемся предотвратить это.

После знакомства с работой Кардиологического центра я встретился с его директором Авенило Р. Авен-

тура. Небольшой, уютный кабинет. На видном месте стенд.

Глядя на расчерченный большой лист бумаги, можно представить объем исследовательских работ Центра— от создания новых приборов, рассчитанных на сельского врача, до разработки или усовершенствования методов по пересадке различных органов.

— Правда,— улыбается А. Авентура,— мы еще не готовы и не решаемся приступить к трансплантации сердца. Но с почками уже получается.

Во время командировки на остров Панай в городе Илоило мне показали удивительный сад с редкостными по красоте цветами, потом мастерскую, где обрабатывают раковины, и, наконец, продукцию местных ткачей. Более трех веков из-под их рук выходит удивительная ткань (тоньше и прозрачнее не найдешь)— пинья, украшенная вышивкой, по изяществу не имеющая себе равных.

— Но теперь мы известны не только пиñей и цветами,— подчеркнула при встрече сотрудница местного отделения министерства информации Неонита Габунган,— наш земляк — директор Кардиологического центра Филиппин, одновременно президент Федерации кардиологов стран АСЕАН.

— Да-да,— соглашается А. Авентура,— я уроженец Илоило. Моя мечта открыть филиалы Центра на близких и дальних островах, в больших и малых городах, в том числе и в моем родном Илоило. Естественно, мы должны хорошо подготовиться к будущему, то есть продумать планы расширения наших учебных аудиторий, нацелить ученых на разработку новых приборов, простых и дешевых. Надеюсь мои коллеги уже говорили вам о задачах, которые мы решаем и которые пока ждут нашего решения. Дополнительную ответственность налагает на нас известность. Число больных, прибывающих из соседних стран, с каждым годом увеличивается. В Центре повышают квалификацию врачи из Таиланда, Индонезии, Малайзии, Сингапура. Таким образом, Центр вносит заметный вклад в укрепление сотрудничества внутри Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, усиливает позиции тех, кто стремится сохранить организацию на мирных позициях и не допустить ее перевода на военные рельсы. Мир — вот что нужно нам, врачам. Только в условиях мира мы можем эффективно трудиться на благо людей, избавлять их от страданий.

Ученые, в первую очередь врачи, должны быть в рядах активных защитников мира.

Руководитель Филиппинского кардиологического центра для Азии отметил, что с большим интересом следит за достижениями советских коллег, развитием советской науки.

С ВЕРОЙ В ДОБРО

В «черном списке» болезней, которые наносят особенно большой урон развивающимся странам, туберкулез стоит на втором месте после сердечно-сосудистых заболеваний. По официальным данным, в Азии от бактерии, около ста лет назад обнаруженной Робертом Кохом, каждую минуту погибает один человек. Два миллиона детей, женщин, мужчин в Юго-Восточной Азии больны туберкулезом. Если раньше чахотка косила главным образом крестьян, то сегодня она свирепствует во многих больших городах, особенно в районах трущоб, где есть для нее все условия — нищета, скученность, антисанитария.

— Наши врачи, — рассказывает д-р Игнасио Небрида, заместитель директора Филиппинского противотуберкулезного общества, — давно борются с туберкулезом. Еще в тысяча девятьсот десятом году была создана благотворительная организация, начавшая первое наступление на эту болезнь. Тогда больным прописывали простые, но далеко не всем доступные средства — свежий воздух, калорийную пищу, сухое, светлое жилье. Поэтому и называли туберкулез «болезнью бедняков». После достижения независимости положение начало понемногу меняться. Прежде всего постарались объединить усилия всех, кто может внести вклад в защиту здоровья людей. В результате филиппинское противотуберкулезное общество, министерство здравоохранения, Национальный институт туберкулеза, созданный в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году, работают сегодня рука об руку по единой национальной программе, предложенной правительством. Но об этом лучше расскажет директор института.

— Конечно, забот и дел у нас много, — включился в разговор д-р Андрес Крус. — Проводить профилактические мероприятия, выявлять болезнь на ранней стадии,

потом, естественно, лечить и, наконец, распространять медицинские знания. На все нужны большие средства, а их у нас мало. Каждый микроскоп на вес золота. Конечно, правительство выделяет нам немного средств.

Вы улыбнетесь, но значительную сумму нам дают скачки. Так что лошадь — наш главный финансист. Устраиваем также разные благотворительные мероприятия: концерты, танцы, выступления медсестер, которые демонстрируют, как пользоваться шприцем и оказывать первую помощь утопающим.

По мнению заместителя директора д-ра Хосе Лопеса, следует чаще посылать врачей в провинцию. Каждая поездка становится своего рода миссией. Врач и его ассистенты не только лечат, но и привозят с собой в Манилу полную информацию о состоянии медицинского обслуживания на периферии. Она не может оставить равнодушными ни государственных, ни политических деятелей, подталкивает к принятию конкретных, порой срочных мер. На первый взгляд чего проще? Ведь правда есть правда. Но в том-то и дело, что не все хотят знать ее. Эти слова были сказаны в период, когда еще не утихла боль, вызванная гибелью врача на острове Самар. Ремберто де ла Пас был выпускником столичного университета, одним врачом для ста тысяч самарцев. Он не только лечил, не только боролся с туберкулезом, но и вел настоящую войну с пережитками, отсталыми традициями, реакционерами, которые считают, что распространение всяких знаний, даже медицинских, — крамола. Одинадцать пуль оборвали жизнь де ла Паса. Кем они были выпущены? Следователи не смогли ответить на вопрос. Кто знал доктора, уверен: преступника нужно искать среди тех, по чьей вине до сих пор из каждой тысячи появляющихся на свет самарцев восемьдесят умирают, не дожив до семи месяцев.

— Вот почему борьба с туберкулезом, как, впрочем, и с другими болезнями в развивающихся странах, приобретает гражданское, общественное звучание, — развивает мысль заведующая отделом медицинского образования института Ремедиос Пабильоре. — Она сплывает людей, отрицает индивидуализм, утверждает коллективизм, доказывает, что только общими усилиями можно победить беду. Наша деятельность не терпит эгоизма, социального равнодушия. Заметьте, мало кто из врачей,

занимающихся лечением туберкулеза, покинул Филиппины в поисках больших денег за рубежом.

Сейчас институт и общество при содействии регионального бюро Всемирной организации здравоохранения и с помощью советских специалистов проводят огромную работу по сбору данных о туберкулезе. Причем впервые к острейшей проблеме подошли не только с чисто медицинской стороны, но и с социальной. В данном случае филиппинские врачи идут впереди своих коллег во многих развивающихся странах. Собранная информация, пропущенная через компьютеры, дает подробную и четкую картину положения и в городе, и в деревне, и по стране в целом. А это не может не привести к повышению эффективности мер, применяемых против болезни.

Близ городка Сан-Антонио (Центральный Лусон) расположена деревушка. Дома построены из бамбука, когона (тростник с жесткими листьями), листьев пальмы. Вокруг рисовые поля, водоемы, в которых разводят рыбу. В этом красивом месте с яркой зеленью и синими горами на горизонте можно было бы снимать фильмы о том, как прекрасно живется на земле. Но деревне еще далеко до счастья. Редко кто из селян не страдает от многих болезней, в том числе от туберкулеза. Местные власти для начала решили научить людей, как хранить продукты, какие правила санитарии следует соблюдать.

— Каждый месяц,— сказала сотрудница провинциального отдела здравоохранения Аурора Вильяроса,— двадцать семей приглашаются на курсы, которые ведет врач. В результате обстановка меняется к лучшему. В прошлом году умер один семимесячный ребенок... от истощения. По сравнению с другими районами положение не такое страшное. Но и утешаться еще рано: в деревне зарегистрировано сорок пять детей, страдающих от недоедания.

— Да,— вздыхает д-р А. Крус,— все, что мы делаем, конечно, очень важно, необходимо. Однако самая главная и наиболее трудноустраняемая причина всех заболеваний — это недоедание, плохие жилищные условия, безработица, неграмотность.

Вот и выходит, что в том самом «черном списке» туберкулез должен значиться по меньшей мере под номером три, а первой, наносящей самый сильный удар, следует считать социальную несправедливость. Именно

ее жертвой становятся тысячи людей, она же губит таких подвижников, утверждающих добро, как Ремберто де ла Пас. Но врачи не сдаются. И на место павшего встали другие самоотверженные люди. Они продолжают борьбу за человека, его здоровье, мечтают одолеть туберкулез.

Мы вышли из здания института. Внешне оно производит удручающее впечатление — подтеки от дождей, облезшая краска, расхлябанные рамы едва держат стекла. Давно нужен ремонт. Но я понимаю и его сотрудников:

— Сегодня более целесообразно потратить лишние песо на подготовку еще одного врача, на микроскопы и рентгеновские аппараты, вакцины, лекарства. А здание подождет...

— Победа еще не за углом, — сказал, прощаясь, д-р А. Крус. — Но она придет. — И я впервые увидел на его лице улыбку.

В ГОСТЯХ У ДОБЫТЧИКА ЯДА

Это сейчас Алисио Эрика «доит кобру» спокойно и уверенно. Первая же попытка кончилась для него печально: «ползучая корова» оказалась проворнее, чем он ожидал. В большой палец правой руки как будто ударила молния. И результат был почти такой же — палец напоминает расщепленный небесной стрелой сук.

Зато сегодня именно им и указательным (тоже раненым) Эрика зажимает кобре голову, затем левой рукой подносит к зубам стаканчик или мензурку. Пленница кусает стекло, не жалея при этом ни злобы, ни яда. Так и происходит «доение».

— Хорошо, что после укуса сразу же принял противоядие, — говорит Эрика, упрятав в железную бочку последнего за этот день «донора». — Потом, конечно, кусали много раз. И всегда болел. Но это уже не так страшно, как в первый раз. Сейчас в нашем серпентарии шестьдесят шесть кобр. Я беру у них яд не каждый день. Почему? Иначе нельзя, кобра может обессилеть, заболеть и в конце концов погибнуть. Ей хватает недели, чтобы восстановить силы и накопить яд. Самая большая трудность для нас — накормить змей. Лакомые блюда кобр крысы, лягушки, рыба. Тяжелее всего до-

бывать крыс. Вместо них потчуем змей белыми мышами, которых разводят в лабораториях по вакцинации — к ним, кстати, прикреплен серпентарий. Каждой змее подай на обед шесть-восемь живых мышей. Немало. Правда, обедают они дважды в месяц. Одно время вырочали лягушки. Но от них приходится отказываться, так как они являются переносчиками паразитов, и кобры могут заболеть. Это одна из причин того, что в серпентарии змеи живут меньше, чем в своем родном доме, то есть на рисовом поле. В неволе и яда, естественно, отдают все меньше и меньше.

Эрике приходится путешествовать почти по всем Филиппинским островам, чтобы пополнить ряды своих «доноров». За двадцать с лишним лет он поймал тысячи змей. Среди них семь королевских кобр (длиной до трех с половиной метров) и одна суперкоролева (семь с половиной метров)! Обычная же рядовая кобра не больше полутора метров. Самое благоприятное время для охоты — сухой сезон, то есть январь, февраль и март. Изловить и привезти змею в питомник — дело для Эрики обычное. Охоте на ползучих учился у отца, который пользовался большим уважением и почетом в своей деревне на юго-востоке острова Лусон. Никто не мог лучше и быстрее него выгнать из хижины непрошенных ядовитых гостей или дать лучший совет, как спасти укушенного коброй. Крестьянин привил и сыну любовь к кобрам. «Они же дают лекарства,— говорил он.— И яд, и мясо змеи можно превращать в чудодейственные средства». Многих поставил на ноги старый Эрика.

Сын пошел по стопам отца. О редком умении бикольского крестьянина обращаться со змеями узнали в министерстве здравоохранения Филиппин и пригласили на работу в лабораторию по вакцинации, что находится в пригороде Манилы — Алабанге. Полтора километра в сторону от Южного скоростного шоссе — и ты попадаешь в настоящий лес с покоем и тишиной, ароматами тропической растительности, щебетом птиц. Здесь, рядом с лабораторией, и живет Эрика. Это крохотный домишко, на двери которого изображена кобра,— это, по существу, одна комната. Кровать за занавеской. Кроме швейной машинки, стола и стульев, никакой мебели. Зато обращают на себя внимание стены — их украшают вырезки из газет и журналов на «змеиные темы» и портреты киноактеров, среди которых немало известных. Нет, не потому, что хозяин и члены его семьи большие

любители кино, да и при зарплате в пятьсот двадцать песо особенно не находишься в кинотеатр: входной билет стоит пять-восемь песо (стоимость килограмма риса, причем не лучшего качества), а дело в том, что каждый актер, портрет или фотография которого висит на стене у Эрики, снимался в фильмах с его змеями. Особенно успешно выступили питомцы Эрики в лентах «Ширли, моя дорогая», «Разыскивается Торонг Ахас», «Ночь кобры», «Тигр Джо» и другие. Чтобы обезопасить артистов, Эрика удалял у змей зубы, а чтобы они играли «живее и интереснее», паек из белых мышей сокращал до минимума, иначе они занимаются только пищеварением и становятся вялыми. Сейчас видный кинорежиссер собирается поставить фильм об антивоинных настроениях, борьбе против баз США на Филиппинах. Зрителям покажут сцену с кобрами, олицетворяющими зло. Решено обратиться за помощью к Эрике, тем более что его точка зрения на войну и мир известна.

Как-то репортер одной из газет спросил Эрику: «Я слышал, что вы не имеете права быть донором — слишком много у вас в крови яда. А если вы кого-нибудь укусите, что будет с пострадавшим?» И хотя это была шутка, она задела жену Эрики, и до того не вступавшая в разговор Нина Эрика сказала: «Это невозможно, мой муж человек добрейший, он никогда никого не обижал и не обидит».

Кроме доброты у Эрики есть еще одно качество: он гордится своей работой, считает ее наиважнейшей. Вель что такое яд, желчь, мясо кобры? — рассуждает он. Это лекарства. Загибая изуродованные пальцы, он перечисляет: ими лечат бессонницу, кожные болезни, кровоточащие раны, гипертонию, мигрень. Ядом кобры заинтересовались онкологи, и уже есть немало примеров того, когда страшный недуг помогали излечить те капли яда, которые «надаивает» Эрика. Кроме того, в условиях отсутствия развитой фармацевтической промышленности, господства иностранных компаний, крепко держащих в своих руках аптеки и диктующих цены на лекарства, абсолютно недоступные для большинства, развитие народной медицины, изготовление снадобий из «местного материала» — трав, яда змей, коры деревьев, морских водорослей и т. п. — приобретают общенациональное значение, а деятельность в этой области каждого — гражданское звучание. Такие энтузиасты, как Эрика, вносят неоценимый вклад в избавление страны как от

болезней, так и от болезненной иностранной зависимости.

Эрику, которого называют «выдающимся добытчиком яда», не раз приглашали на работу в зоопарки многих стран, там, возможно, он получал бы значительно больше денег. Но он отказывался.

— Я люблю свой народ,— говорит сын крестьянина.— И должен помогать ему. Я собираю яд, который спасет жизнь людей. Так я борюсь против смерти...

НА КОМПЬЮТЕРЕ И КОФЕЙНОЙ ГУЩЕ

Было совсем не страшно. Полумесяцы и звезды, свисавшие с потолка, напоминали скорее о новогоднем карнавале, чем о мистике и черной магии. Разве что атомный гриб, а за ним река из крови и пепла могли вселить ужас. Но это была реклама фильма и не имела никакого отношения к гадалкам. А именно к ним мы и шли — в фойе крупнейшего манильского кинотеатра Грин-белт был устроен сеанс под девизом: «Пусть каждый узнает свою судьбу!»

Провидицы и провидцы, видно, не собирались пугать людей. Царила совсем не демоническая атмосфера. Деловая. При входе длинный стол, за ним — красивые девушки в модных туалетах. Это была своего рода регистратура при гадалках. Здесь (за плату, разумеется) давали направления в кабинеты к соответствующим специалистам, узнающим судьбу по руке, картам, кофейной гуще, зернам, звездам, чайнкам, цифрам; к мастерам, сделавшим своим перископом в будущее из моря людских тревог и забот гладь чистой воды в чашке или зеркало, кости петуха или костяшки домино; к специалистам, улавливающим перипетии на много лет вперед по вибрации тела, почерку; наконец, к компьютеру. Узнать можно было не только судьбу или «любит — не любит», но и, например, где находится в данный момент утерянный чемодан, каковы будут результаты предстоящих парламентских выборов, куда в ближайшее время направятся корабли седьмого флота США — одним словом, кого что интересует. Как-то в Манилу прибыл танзанийский врачеватель и астролог Яхья Хусейн, который ранее предсказал трагическую гибель Индиры Ганди, копец политической карьеры

Исабелы Перон, взлет и падение Али-хана Бхутто и Иди Амина. На этот раз он был приглашен в Национальный пресс-клуб, где рассказал филиппинским журналистам о том, что ждет страну в ближайшем будущем. Оказалось вот что: президент Рейган останется на своем посту долго. «Но,— оговорился астролог,— если президент обеспечит свое избрание еще на один срок, то он изменит свое отношение к нынешней новой администрации Филиппин и откажется от поддержки Ф. Маркоса. Указав на то, что Филиппины входят в восьмую звезду, или в Скорпион, Хусейн предупредил: «Ждите интриг и подвохов». Почему? Да потому, что указанная звезда — женский знак, поэтому каверзы и интриги будут исходить от женщины, которые занимаются политикой. Однако, успокоил астролог разволновавшихся прессменов, как только эти женщины поймут свою неспособность что-то изменить, они утихомятся и будут вести себя спокойно.

Вместе со мной оформляла визит к гадалке пожилая женщина с довольно большой целлофановой сумкой: «Здесь прах. Чей? Хочу узнать, моего мужа или нет?» Женщина похоронила мужа в 1977 году. Спустя некоторое время она уже ходила по судам: чиновники контрольного общественного кладбища в Калоокан-сити приказали вырыть останки супруга и на этом месте похоронили другого человека. Спор, конфликт между чиновниками и семьей Фабиана Капили возник из-за того, что она не смогла предъявить квитанцию об уплате кладбищу налога в сумме 35 песо (примерно 2,5 рубля). Вдова Присцила Паулино заявила полиции, что позднее она видела останки мужа в цементной урне. В 1977 году она подписала с кладбищем контракт, по которому обязалась уплачивать по 35 песо каждые пять лет. В 1982 году она должна была уплатить очередные 35 песо. Но, как утверждают власти, не сделала этого. Поэтому Ниевес Рок, заведующая кладбищем, не имея квитанции об уплате, приняла решение об эксгумации тела и захоронении другого. Квитанцию об уплате за могилу вдове должны были переслать из отдела здравоохранения мэрии, куда и вносятся деньги. Вдове выдали останки. Но она до сих пор в сомнениях: ведь на выданном ей черепе два ряда зубов, а у «мужа, когда его хоронили, их было очень мало».

Гадалка, к которой направили вдову, внимательно осмотрев содержимое сумки, достала оттуда щепотку

земли, опустила в стакан и поставила его перед свечой. После этого объявила: «Может быть, и не все останки ваши!».

Я же взял направление к компьютеру. Обойдя все одиннадцать кабинетов, напоминавшие примерочные в магазинах одежды, правда попросторнее, я увидел огромное сооружение, которое мигало лампочками. Оператор сунула в щель компьютера желтую карточку с моим именем и датой рождения и попросила положить ладони на электронное «око» — квадрат матового стекла, к которому, как я полагаю, подходили «нервные окончания» механического мудреца. Он заурчал еще пуще, и через секунду моя судьба была в моих руках в виде куска бумаги размером с газетную страницу, испещренную буквами, цифрами, точками, диаграммами. Однако после дешифровки я понял, что это все-таки не моя судьба. От желания востребовать обратно пять песо за явную ошибку удержали два обстоятельства: в полученном описании судьбы указывалось, что я «человек на редкость щедрый» и что «машина может допускать неточности».

Анабелла Гарсия, журналистка из крупнейшей филиппинской газеты «Буллетин тудей», машинам не доверяла и обратилась к живым предсказателям. Судя по всему, об этом не пожалела. Еще бы! Так, Рина де Луна (гадает по вибрации тела) сообщила ей, что скоро в стране поднимутся цены на нефть, назвав при этом точную цифру: (на 60 процентов), Абтар Дасс (узнает судьбу по руке), напротив, уверял, что Филиппины «ждет экономическое выздоровление»; анализирующая сны Лучи Эспина считает, что «республику ожидают политические затруднения».

Потом мы беседовали с работниками «регистратуры». Ворожба, рассуждала одна из них, выпускница университета Св. Фомы, сегодня переживает перемены. В ней явно обозначались два направления — консервативное и современное. Представители первого считают, что нужно, как и прежде, решать четыре проблемы — любви, семьи, здоровья, денег, причем только старыми методами гадания с использованием примитивной терминологии. Современник же считает, что настало время расширять клиентуру. Тем более что недостатка в нетрадиционных клиентах нет. Сегодня не прочь обратиться к гадалке чиновник, политик, запутавшийся в формулах развития по некоему «особому, чисто азиатскому или

африканскому» пути, идеолог, не сумевший примирить национализм с неокOLONиализмом, и другие. Тут уж примитивными формулировками не обойдешься. Значит, надо читать газеты, журналы, учиться в высшей школе, осваивать компьютеры и переходить на них с кофейной гущи.

Гадалок все активнее используют в политических целях сторонники «классового мира». Для этого привлекаются «традиционалисты». Но старая ворожба наполняется новым содержанием. Проявляя широту кругозора, сторонники старых форм соглашаются идти в ногу с веком. Они охотно берутся за решение социальных конфликтов. Обидел, скажем, хозяин рабочего, ему советуют идти к гадалке. Вместо того, чтобы протестовать, объявлять забастовку. Тут можно быть смелым, решительным, даже попросить ее навести на обидчика порчу. Наказать можно и самому.

На стенде, развернутом рядом с кабинками, мы увидели множество талисманов, которые филиппинцы называют «антинг-антинг». Среди них привлек внимание треугольник (как раз он и помогает решить конфликт «капиталист — рабочий» в пользу последнего), он отлит из бронзы, в каждом углу по букве «А». Действует очень просто. Нужно опустить его в глиняный кувшин и ждать. С момента погружения «антинг-антинг» начинает набирать мстительную силу, а в это же время у хозяина-обидчика незаметно для него часть волос собирается в пучок, превращаясь в своеобразную антенну. И вот наступает момент, когда наказующая энергия из кувшина устремляется к «антенне», через нее в голову плохого человека, а потом, проникая в тело, вызывает таким образом у него страшные душевные и физические муки.

— Эти «антинг-антинг» всегда пользовались большим успехом, — говорит владелец киоска, продававший талисманы по образцам, — за ними хорошо идут амулеты для государственных служащих, журналистов, бизнесменов. Охраняют не только от дурного глаза, врагов. Возьмем «антинг-антинг» для журналиста — он должен уберечь от соблазна приврать, от неверного изложения событий, что в конечном счете может привести к беде. А вот здоровенная медная пластина. Размер (раза в три больше журналистского амулета) вполне оправдан: рассчитана на чиновника, занимающего высокий пост. Талисман должен отгонять желание брать взятки, за-

лезать в казенный сейф, оберегать от искушения доверять дамам сердца государственные секреты.

Обращаются к гадалкам нового направления не только с чисто «гадальными вопросами», но и со шпионскими целями. Многие гадалки ведут досье на высокопоставленных клиентов, картотеки, куда помимо личных впечатлений заносят газетные вырезки, выписки из рубрики «Кто есть кто?». И политик, желающий узнать слабости своего противника, нередко обращается к ясновидице.

Как же все-таки оценить парад гадалок, состоявшийся в современном городе, да еще с участием современной электронной техники? На этот вопрос хорошо, как мне кажется, ответил популярный журнал «Уикенд». «Филиппинцы,— пишет он,— становятся особенно суеверными, начинают искать помощи у сверхъестественных сил в тяжелые времена, в период неопределенности. Они ищут светлый луч надежды, успокоение в смутной обстановке, ответы на вопросы, выход из тяжелого положения...»

Именно такие времена переживают Филиппины — экономические трудности, усиливающийся нажим иностранного капитала, активизация баз США. Отсюда рост недобровольства, брожение умов. И вот тут-то снова появляется «социальная припарка» в виде кофейной гуши да костей петуха, которого вырастила специалистка по черной магии.

В МУЗЕЯХ БЕЗ СТЕН

В редком парке Манилы, на ярмарке или выставке под открытым небом не встретишь хотя бы одного художника. Расположившись группой, окруженные почитателями или просто любопытными, они сосредоточенно, даже торжественно водят по холсту своими кистями. Перед одним — снимок из журнала: разгон демонстрации, и он с помощью фотографии делает художественное произведение, рассказывающее о битве, которая произошла на другом конце планеты (правда, все его участники похожи на филиппинцев). Другой восстанавливает по памяти пейзаж горного Лусона — свет, тени, порыв ветра, наклонявшего деревья к земле, утес, о который ударялся ветер... Третий, увидев в толпе понравившееся

ему лицо старика, запечатлевает его горькую улыбку.

— Почти у каждого из нас,— сказал мне художник Аполинарио Луна,— есть мастерская, а точнее, уголок, который называется мастерской. Но мы часто выходим на улицу. Я выбрал себе место на постоянной торговой выставке (он показал на кусок тротуара перед двумя магазинчиками). Прихожу сюда по субботам, воскресеньям и праздникам. Здесь мы всегда находим поддержку. Прежде всего моральную, да и материальную. Наш труд на улице ценят. Мы знаем душу народа: она всегда тянется к прекрасному, доброму, всему тому, что возвышает человека, помогает переносить тяготы жизни. Редкий филиппинец не украсит свое жилье какой-нибудь картиной, пусть крошечной, пусть дешевой репродукцией, даже вырезкой из иллюстрированного журнала. А уж если у него появляется хоть маленькая возможность, он обязательно закажет портрет сына или дочери, чаще всего самого меньшего ребенка в семье. Мы же испытываем творческое удовлетворение, работая для простого человека. Картина должна выйти к нему из мастерской, из музеев.

Познакомить народ с художественными произведениями хотят сейчас не только художники, но и государственные деятели Филиппин. Центральный банк, например, выпустил под названием «Кайяманан» («Сокровище») альбом репродукций шестидесяти трех картин самых известных художников страны разных эпох, хранящихся в галерее банка. С них сделаны фотокопии в натуральную величину, которые собраны в своеобразные передвижные выставки и отправлены в путешествие по стране.

Свой музей без стен открыла и президент «Нешнл бук стор» (полиграфические предприятия, книжные магазины и т. д.). Она выпустила почтовые открытки с портретами выдающихся деятелей Филиппин, прежде всего героев антиколониальной борьбы. Открытки — плод совместного труда художников, полиграфистов, фотомастеров и историков. Вот на вас смотрит юношеское задумчивое лицо Андреаса Бонифасио. На обратной стороне его краткая биография: родился в манильском рабочем районе Тондо; зарабатывал тем, что продавал «конфеты» — кусочки сахарного тростника, бумажные веера, кокосовое масло. Сам выучился грамоте, одолел программу средней школы. Любимой книжкой с детства была «Отверженные» Виктора Гюго. А Бони-

фасно отдал много сил созданию революционного общества Катипунан, которое стало политическим руководителем и организатором борьбы против колонизаторов. Захватчики, чтобы подавить стремление народа к свободе, использовали весь свой карательный арсенал — от разжигания расовой ненависти до применения огнестрельного оружия. Участники национально-освободительной революции, пачавшейся в 1896 году, держались стойко. Они успешно отражали атаки колониальных войск, сами переходили в наступление. Патриоты были сильны прежде всего поддержкой масс. Крестьяне снабжали бойцов рисом и оружием, отдавали им своих карабао и повозки, с почестями хоронили погибших в боях, выхаживали раненых. Многих солдат вернула в строй Мельчора Акино, простая, неграмотная филиппинка. Благодарные революционеры называли ее «матерью Катипунана». Образ женщины-патриотки запечатлел неизвестный художник. Почтовая открытка донесла его до тысяч и тысяч филиппинцев, напомнив еще раз о том, как народ сражался за свободу.

Глава «Нешнл бук стор» А. Рамос, давая мне интервью для газеты, сказала:

— Мы должны бережно относиться к духовному богатству народа, свято хранить традиции патриотизма.

Этим желанием и рождено решение выпустить почтовые открытки. Движение «музеи без стен» становится характерной чертой современных Филиппин.

ФИЛИППИНСКАЯ БАБОЧКА

Рядом с перекрестком двух многокилометровых улиц Большой Манилы — Эпифанио де лос-Сантос и Буендиа, где из-за бесконечного потока машин, как говорится, муха не пролетит, можно увидеть бабочек. Редчайших по красоте. Надо только войти в светло-серое здание с вывеской «Центр технологических ресурсов» и подняться на третий этаж. Здесь в просторном зале на стендах, столах, специальных полках коробки с бабочками. В одних — по одной, в других — по две, три и более. Это одновременно музей, магазин, агентство, играющее роль посредника между коллекционерами, музеями, научными учреждениями и продавцами бабочек.

Одна из его сотрудниц, Лелетте Кабрера, разговаривала по телефону с Лондоном:

— Да-да, поняла, высылаю только те, что водятся на Филиппинах...

При этих словах вспомнились строчки из путевых заметок писателя Б. Горбатова о поездке на Филиппины тридцать с лишним лет назад: «Здесь все огромно... фантастично... Здесь... если пальма, так — гигант. Здесь бабочки с ладонь величиной»⁹.

Повесив трубку, девушка сказала:

— Действительно, у нас на архипелаге царство бабочек. Каких только нет! От скромных бело-желтых до гигантских махаонов, расцветке которых может позавидовать даже павлин. Объясняется такое богатство многими причинами. Главные — тропический климат с вечным летом и разнообразие растительности. На Филиппинах десять тысяч видов растений. Из них до трех тысяч — деревьев, около тысячи папоротников и папоротникообразных. До девяти сот видов орхидей. Ну как тут не водиться бабочкам, которых почти также не менее тысячи видов. Это все пра-, пра-, еще сто раз правнучки тех, кто прилетел к нам со всего света.

Известный исследователь, профессор Хулиан Хумалон доказал, что благодаря существовавшим когда-то естественным мостам, соединявшим нынешние Филиппины с континентальной Азией, сюда добрались бабочки даже с предгорий Гималаев.

— Так, что, — закончила короткое интервью Л. Кабрера, — для всего мира мы будем еще долго одним из главных поставщиков этого летающего чуда.

Однако шеф отдела, который занимается пропагандой мер защиты окружающей среды, Б. Милано настроен не так оптимистически. Строительство заводов, фабрик, а главное, недостаток очистных сооружений, применение гербицидов нарушают экологическую среду. Вырубаются леса, на поля продолжают наступать трактор, бульдозер, химические удобрения.

— Хорошо, что мы начали бить тревогу, — выражает удовлетворение собеседник. — Чтобы сохранить нашу бабочку, следует постоянно восстанавливать среду ее обитания. Отрадно, что к нашим словам прислушиваются государственные и общественные организации. На Филиппинах уже высаживаются растения, которые по-

⁹ Цит. по: Левинсон Г. И. Филиппины. М., 1953, с. 19.

могают размножению и выживанию даже редких экзотических бабочек.

Приходится принимать и другие спасательные меры. Ловля бабочек стала одной из статей дохода как государства в целом, так и отдельных семей. В Тондо есть квартал, где дети, подростки, женщины в перерывах между учебной работой, домашними делами собирают коробочки для будущих спящих вечным сном четырехкрылых красавиц. В сельской местности быстро растет число охотников за ними. И часто эти охотники становятся безжалостными истребителями. Не сознательными, конечно, а потому, что просто неправильно ловят, не умеют сохранить пленницу в целостности. Чтобы послать на продажу коллекционеру одну бабочку, ловят пять, а то и больше.

— Выход есть, — говорит директор, — дать людям, берущим в руки сачок, советы, элементарные, но необходимые знания.

При этом он протянул мне брошюру, где я прочитал: «Выберите солнечный денек. Пройдите по тропинкам и вдоль ручьев. Если не увидите бабочек, встряхните кусты, пошевелите высокую траву... Если вам удалось пленить бабочку, осторожно просуньте под сачок коробку, накройте ее, а потом снизу задвиньте крышку коробочки. Затем добычу „угостите“ хлороформом. После этого она станет готовой для обработки». Далее следуют советы (со схемами), как накалывать бабочку, как сделать для нее специальный конверт, чтобы, упаковав соответствующим образом, отправить в Манилу.

— Знания, — заключает свою мысль Б. Милано, — помогут сохранить популяцию бабочек. Значит, мы не только удовлетворим коллекционеров, но и, может быть, это звучит слишком громко, косвенно, окажем содействие развитию национальной культуры, искусства, ремесел.

На самом деле, к примеру, из крылышек бабочек создаются картины. Труд этот тяжелый, утомительный, длительный. Но зато какие замечательные произведения получаются из естественного материала! В мире искусства такие картины ценятся чрезвычайно высоко, в мире бизнеса — тоже. Бабочка, как и все прекрасное в природе, будит воображение. Не случайно мастера, изготавливающие изделия из раковин, часто украшают их, в первую очередь (особенно абажуры) изображениями бабочек из ракушек. Они так тонко и умело подбирают

цвета, что их бабочки порой мало уступают тем, что порхают над лугами и горными полями.

Сотрудники Центра используют возрастающий интерес к бабочкам, стремление правительства изыскать новые источники пополнения казны, страсть коллекционеров для проведения мероприятий, которые далеко выходят за рамки чистой эстетики. Уже говорилось о том, что Центр вносит заметный вклад в защиту окружающей среды. Немало делается его сотрудниками и для распространения нужных знаний (для дома, семьи, хозяйства и т. д.), особенно в сельской местности. Крестьянин, желающий узнать, как лучше ловить и обрабатывать бабочек, вместе с упоминавшейся брошюрой получает дополнительно несколько других (причем, как правило, на своем языке). О чем они? Трудно даже перечислить! Например: как соблюдать гигиену жилища, хранить овощи, фрукты, мясо, как выращивать свиней, разводить кур и уток, делать муку из бананов, охранять поля от вредителей, плести коврики из старой, отслужившей свой век одежды. Как применять удобрения.

— Не так уж все это и важно на первый взгляд,— говорит Б. Милано.— Но крестьянину эти знания приносят большую пользу. Наша главная цель — научить его видеть новое, понимать пользу прогрессивных методов ведения хозяйства, достичь того, чтобы он отказался от устаревших обычаев и привычек.

В ОЖИДАНИИ «БАБУШКИ-ЖАРЫ»

Перед рождественскими новогодними праздниками управление почт Филиппин выпустило специальную марку — в санях с подарками веселый добродушный голубоглазый Дед-Мороз, или Санта-Клаус, погоняет карабао. Как и повсюду в мире, филиппинцы в эти дни поздравляют близких, друзей. А если на письмо с добрыми пожеланиями наклеить только что вышедшую марку, то для адресата — двойной подарок. Поэтому перед окошком № 231 главного почтамта Манилы, где начали продавать новинку, длинная очередь. Времени много, можно обменяться мнениями.

— Хочу купить несколько штук,— говорит мужчина в форме военного моряка.— Прекрасный экземпляр.

С ним все охотно соглашаются. Но удивительное дело, спустя минуту соглашаются и с другим.

— Все-таки эта марка хуже многих предыдущих, выпускавшихся к Новому году,— сказал «старый коллекционер».— У меня в альбоме, например, есть марка, вышедшая в канун шестьдесят восьмого года. На ней изображено святое семейство. Но все члены его одеты в филиппинские национальные одежды, окружены нашими пальмами, животными. А нынешний Санта-Клаус — европеец. Я бы предложил вместо Деда-Мороза сделать нашим главным новогодним героем Лолу Таг инит¹⁰.— Мы ведь живем не на Севере, а в тропиках...

По сравнению со многими другими странами у филиппинской марки история не столь богата и продолжительна. Солдаты Магеллана принесли с собой, как и сам легендарный мореплаватель, прежде всего крест и оружие. Почтовых ящиков не было. Тогда и не нуждались в них. Чиновники колониальной администрации, представители феодальной знати, сотрудничавшие с иноземцами, пользовались гонцами — «бадагерос». Ежедневно двое бадагерос брали почту и довозили ее на лошадях до ближайшего города. Если послание адресовалось дальше, то за дело бралась другая пара бадагерос и т. д. Таким образом, почта часто переходила из рук по пятнадцать-двадцать раз, особенно если она шла в Манилу с юга архипелага и обратно. 1 мая 1899 года на Филиппинах начала свою деятельность регулярная почтовая служба под началом американских колониальных властей. Сегодня она находится в ведении министерства транспорта и связей. Ее труженики стойко несут свою миссию, хотя каждый день к филиппинской почте предъявляется много претензий: корреспонденция запаздывает, теряется, часто приходит не по назначению. Но в большинстве случаев работники не виноваты.

— Что я могу сделать? — жалуется водитель Антонио Крус, он же развозчик газет города Пасай (входит в Большую Манилу), и показывает на свой фургон.

Действительно, от дождей, жары, постоянной влаги в фургоне образовались такие дыры и щели, на которые, чтобы их закрыть, по словам моего знакомого, каждый день уходит «десяток охапок соломы и десятка полтора старых газет».

— Давно пора отремонтировать,— заключает Антонио

¹⁰ Лола Таг инит — бабушка-жара (тагальск.).

Крус.— Но денег у почты нет. Вот и теряется корреспонденция. Выручает, правда, честность людей. Большинство потерянных газет, журналов, писем возвращается на почту. Конечно, корреспонденция обрабатывается медленно. А почему? Потому, что оборудование устарело. Нет квалифицированных рабочих. И тоже из-за отсутствия средств. Кстати, работники почты — одна из самых низкооплачиваемых категорий. В среднем четыреста девяносто песо в месяц. В то время как, скажем, уборщик, подметающий улицы (он также относится к категории низкооплачиваемых), — имеет пятьсот сорок песо да еще мешок риса. В улучшении условий труда и жизни работника видится главный ключ к решению «проблемы почты».

В почтовом управлении меня встретил г-н Роджер М. Миламблинг, работающий с письмами уже тринадцать лет. Р. М. Миламблинг представил меня своим сотрудникам.

— Действительно, повышение заработной платы почтовиков, увеличение средств на обработку и перевозку почты необходимы, — соглашаются они. — Однако мероприятия экономического плана должны проводиться параллельно с мероприятиями морального, политического, идеологического порядка. Прежде всего почтовая марка нуждается в дальнейшей филиппинизации. И не только она. Кстати, именно газета управления почт «Постал джорнэл» выступила с предложением популяризировать с помощью марок наши национальные символы, знакомить с выдающимися филиппинскими художниками, писателями, учеными. При этом мы не должны допускать огрехов, пусть мелких, которые могут задеть патриотические чувства (речь шла о марке, на которой были неточно переданы цвета государственного флага). Если говорить о марках, то здесь мы уже много сделали для превращения ее в одно из средств воспитания любви к родной земле, национальной гордости. Красочный четырехугольник оказался способным вместить рассказы из истории страны, о борцах против колониального господства, культуре, связях Филиппин с другими странами. Вот посмотрите последние.

При этих словах рассыпался яркий веер: слева на желтом фоне — книжная полка с девизом филиппинских просветителей: «Читай сегодня, активно участвуй в жизни завтра», потом, как на миниатюрном цветном экране, мы увидели исполнителей народного танца, ря-

дом — спелый колос, обрамленный флагами Малайзии, Индонезии, Сингапура, Таиланда, Филиппин — марка посвящена 15-й годовщине создания АСЕАН. Вне всякого сомнения, конверт с любой из лежащих перед нами марок помимо самого письма несет адресату, особенно зарубежному, интересную и полезную информацию о Филиппинах. Такие марки, замечает собеседник, наверное, вызвали бы интерес и в Советском Союзе.

— Бесспорно, — соглашаюсь я. — Кстати, что можно сказать о переписке граждан СССР и Филиппин?

— Конечно, поток писем между нашими странами на сегодняшний предновогодний день еще невелик, тем более что он идет не напрямую, а через посредников, то есть через третьи страны, главным образом западноевропейские. Но отрадно отметить — он постоянно растет, ибо с каждым годом расширяются контакты — и не только официальные, но и личные.

Этому способствует участие большого числа людей в важных международных форумах, особенно посвященных защите мира, борьбе против ядерной угрозы, неоколониализма, в научных конференциях, туристских поездках, в конкурсах, спортивных состязаниях. Кстати, в фойе главной манильской почты развернута большая выставка марок. На четырех стендах ее множество марок, посвященных Олимпийским играм в СССР, — советских и других стран. Конечно, не все здесь гладко и хорошо, как бы этого хотелось. Те же самые силы, которые пытаются помешать движению в защиту мира, против баз США, мешают и установлению связей между гражданами СССР и филиппинцами. Нередко письма, газеты, журналы «задерживаются» на почте, «теряются» высылаются по неверному адресу. Такая, по существу, подрывная деятельность вызывает осуждение прогрессивных организаций и деятелей.

Обсудив и эту тему, перешли к другим. Работники центрального почтового ведомства придают большое значение пропаганде коллекционирования марок.

— Если раньше стать филателистом могли позволить только короли, президенты, богачи, — полушутя-полусерьезно продолжает собеседник, — то сегодня филателия стала увлечением, доступным и простому человеку. У нас на Филиппинах уже более пятидесяти тысяч филателюстов (при населении в пятьдесят пять миллионов). И должен сказать, что у некоторых великолепные коллекции. Конечно, трудно судить, чья кол-

лекция лучше. Но любая — это шаг вперед в духовном развитии человека.

Так считал филиппинский искусствовед Мэнди Лабаен. Он убежден, что марка расширяет кругозор и эрудицию, побуждает открыть книгу или учебник, чтобы узнать: что же такое Того или Тонго, Лихтенштейн и Исландия, Советский Союз? Кроме интернационализма, стремления узнать о жизни других стран и народов, что уже само по себе способствует взаимопониманию, марка воспитывает любовь к родине, желание избавить Филиппины от наследия колониального прошлого. Марки, подчеркивал М. Лабаен, обязаны рассказывать об истории Филиппин, о жизни страны, о культурном наследии народа, природных богатствах, она раскрывает душу народа. Вот откуда необходимость дальнейшего приближения ее к реальной жизни.

СКОЛЬКО СТОРОН У МОНЕТЫ?

«Вергулде Драек» не доплыл до Батавии (ныне Джакарта), затонув у западных берегов Австралии. Спустя 307 лет, в 1963 году, аквалангистам удалось добраться до трюмов «несчастливого голландца». В одном из них наткнулись на сундук, который удалось поднять. Открыли и ахнули — серебряные монеты! Семь тысяч монет! В основном мексиканской чеканки середины XVII века. Несколько этих редких экземпляров хранятся в Манильском музее при Центральном банке Филиппин. Нумизмату здесь есть что посмотреть, есть с чем сравнить свою коллекцию.

Филиппины — оживленный морской перекресток, на котором в течение многих столетий останавливались суда со всего света. В портовых тавернах у продавцов шелков и пряностей оседали монеты разных земель и стран. Но не только нумизмата тянет в музей. Интересный материал ожидает здесь историка.

Католическая церковь создала на Филиппинах специальный фонд, из которого финансировала деятельность испанских купцов и предпринимателей за рубежом, гальонную торговлю и перевозки товаров, а также давала ссуды под проценты. Колониальной администрации отпускались средства для посылки карательных отрядов в «беспокойные районы страны». Только в

1851 году на архипелаге (но не для коренных жителей архипелага) появился современный банк «Банко Эспаниол-Филипино», от которого ведет родословную нынешний «Бэнк оф Филиппин айлэндс». Затем сюда проник английский капитал, и, наконец, на штыках американских колониальных войск торжественно въехал банкир из-за океана в лице нью-йоркского «Фёрст нэшнл сити бэнк». У последних пришельцев была стальная хватка. С провозглашением политической независимости оставалась финансовая зависимость от США. Даже после того как Манила добилась права выпускать собственные деньги, американские банки еще долго не позволяли филиппинскому песо снять «рубашку», скопированную с доллара. Если стенд с этими деньгами экскурсовод показывает, не скрывая чувства досады, то у другого он буквально сияет от гордости.

— Говорят, что деньги не пахнут,—улыбается он.— Но это не всегда так. Любой филиппинский патриот чувствует запах партизанских костров, порох ружей и самодельных пушек, когда смотрит на эти деньги. Выпущенные партизанами, они имели хождение в освобожденных ими неоккупированных зонах. Перед вами самодельные самописные банкноты; некоторые отпечатаны на пишущей машинке. Японские оккупационные власти выпускали «деньги для завоеванных территорий». Но когда это было возможно, филиппинцы предпочитали свои. Пусть невзрачные, пусть хрупкие, но свои. Это была одна из форм борьбы с захватчиками.

Молодой ученый, сотрудник музея Доминго Аркос, показывая нам сокровища — бумажные, из благородных и неблагородных металлов,— указывает еще на одну весьма важную роль экспозиции. Подведя нас к стенду, где собраны станки, кисточки, бумага, штампы и тому подобное — все, что конфисковано у фальшивомонетчиков, он сказал:

— В условиях, когда журналисты, писатели, вообще популяризаторы денег (а точнее, те, кто прославляет их обладателей), авторы захватывающих биографий миллионеров наделяют золото, чековые книжки какими-то могущественными, сверхъестественными силами, часто неподвластными человеку, очень важно показать истинное лицо монеты, не одну или обе ее стороны, а еще и другие, невидимые. Отпечатанные на этом станке, деньги на какое-то время могли дать человеку доступ к могуществу, власти, удовольствиям. Но ненадолго: ведь

деньги фальшивые. А разве работорговец честным путем сколачивал состояние? Разве чисты деньги главы мафии или иностранного предпринимателя, скупающего по дешевке филиппинские бананы или эксплуатировавшего в увеселительных заведениях американского острова Гуам девушек, завербованных на Филиппинах? Нет, здесь всемогущи не деньги — система, которая, как и фальшивомонетчику, помогает делать их... Но удивительное дело, — продолжал собеседник, — порой сами богачи как огня боятся денег. Видите, монета? Испанская. Огромную их партию отчеканили для Филиппин в тысяча восемьсот двадцать пятом году, одновременно запретив ввозить, принимать и менять деньги из Латинской Америки. Дело в том, напоминает в своем труде филиппинский ученый Бен Алкантара, что во многих латиноамериканских странах вспыхнули восстания против испанского господства. Кое-где были отчеканены монеты с революционными лозунгами. Разве мог Мадрид позволить их хождение на Филиппинах!

Что погубило голландское судно «Вергулде Драек», неизвестно. То ли внезапно налетевший шторм, то ли рифы. Но, может быть, и алчность хозяев, высказывает предположение гид, ссылаясь на исследования ученых. Наверное, это так. Ведь хозяева запрещали задерживаться в портах, даже если судно нуждалось в ремонте, а люди — в отдыхе.

ЕСЛИ БОЙ ЧЕСТНЫЙ...

«Взвешивание с 7 до 11 утра» — ярким пятном это объявление выделялось среди многих других, висящих у входа в довольно неказистое одноэтажное здание. Знаток манийской жизни посоветовал: «Если хотите все увидеть, все прочувствовать, приезжайте пораньше. Петушиные бои стоят этого».

Не было и шести. Нас встретил густой запах жареной свинины: туши разного размера, насаженные на двухметровые жерди, медленно вращались над тлеющими углями. Тут же вокруг «петушиной ямы» (так по-старому называют помещение для состязаний) хлопотали кулинары, продавцы напитков, разносчики газет, гадалки, фотографы, шныряли «маклеры», советовавшие, на кого лучше поставить. Однако самыми замет-

ными и важными были люди с петухами под мышкой. Им первым торговцы предлагали яства и товары, им уступали дорогу, награждали взглядами, полными почтения и зависти. Они заслужили этого, потому что путь к заветной арене долгий, сложный и не дешевый. Попробуйте угадать в обыкновенном пернатом с обыкновенными шпорами кандидата в гладиаторы, способного вынести все тяжести предстоящего испытания. Хорошо, если кандидат имеет зафиксированную письменно, на худой конец устно, родословную, из которой следует, что его предки были голубых кровей, то есть смелыми, выносливыми, изобретательными, красивыми и умными. Жизнь бойца «петушиной ямы» можно сравнить с жизнью будущего участника Олимпийских игр. Физическое закаливание, тренировки для укрепления ног, крыльев, шеи, учебные бои с дворовыми петухами и с начинающими профессионалами, наконец, овладение мастерством пользоваться острыми как бритва стальными кинжалами длиной от пяти до восьми сантиметров, которые прикрепляются к ногам и которые должны принести смерть будущему сопернику, а ему — победу.

У Бенжамина Сетеаса, бывшего мэра городка Брукс-поинт (остров Палаван), одиннадцать петухов. Все они ладные, поджарые, самоуверенные.

— Два года минимум требуется для того, чтобы воспитать настоящего бойца, — рассказывал г-н Сетеас, — разработана целая система питания, отработки и овладения приемами боя, развития бойцовых качеств. У любителей этого вида состязаний огромный опыт. Он копился столетиями. Распространено мнение, что петушиные бои появились на Филиппинах вместе с испанцами. Однако я, как и другие мои соотечественники, в том числе наш писатель Ник Хоакин, считаем, основываясь, конечно, на результатах исследований историков, что и до испанцев жители архипелага развлекали себя петушиными боями.

...Но вот близится час состязаний. Их участники взвешены. Нормы определяются в пределах 1800—2400 граммов. Отклонение от каждой весовой категории — плюс-минус сорок граммов. В самый последний момент проверяется стальное оружие. Зал затихает. На арену, отгороженную железной сеткой, выходят в сопровождении судей хозяева петухов. Не сразу они выпускают из рук своих питомцев. Сначала поднимают их воинственный дух, дразня видом соперника. Наконец,

можно начинать. Бойцов опускают на землю. Секунд двадцать петухи ходят, держа в поле зрения противника, потом, уставившись друг на друга, одновременно опускают голову к земле, поднимают, опускают... И раз! Взметнулись! Именно в этот момент понимаешь, что петух — птица. В борьбе он почти не касается земли. Наверное, ему подсказывает инстинкт, что самый верный, смертельный удар прикрепленным кинжалом наносится именно в воздухе. Раунд в зависимости от договоренности длится четыре-пять минут. Иногда, если результат неясен, то есть оба бойца живы, дается дополнительное время, до десяти минут, но уже в другом помещении. В считанные минуты страсти среди зрителей разгораются до предела. Равнодушных нет. Люди неистово размахивают руками, вскакивают с мест, кричат громче, чем на футболе. Вот сверкнуло лезвие, и один из красавцев рухнул на землю. Другой, дрожа от возбуждения, не теряя бдительности, ждет подтверждения своей победы. Оно приходит в виде хозяина, на лице которого сияет счастливая улыбка.

Б. Сетеас рассказывал, что на Палаване, особенно в глубинных районах острова, петушиные бои особенно популярны, вероятно, потому, что у крестьян нет других развлечений: кинопередвижки приезжают редко, инвентарь для занятий спортом отсутствует, радиоприемники мало кто может купить — дорого. Поэтому петушиный бой — всегда праздник, на котором царит бескорыстие. Здесь и деньги, и выигрыши чисто символические. Это мероприятие и своего рода школа воспитания коллективизма, а также выдержки, стойкости. Арены петушиных боев в свое время нередко становились местом, где собирались организаторы борьбы против колонизаторов, чтобы разработать планы очередных действий, приближавших день освобождения. Порой петух-победитель приносил патриотам средства, необходимые для приобретения оружия. Хосе Рисаль положил подобный сюжет в основу известного рассказа «Петушинная яма».

В последние годы петушиные бои собирают много людей, которые не являются болельщиками. Они внимательнейшим образом наблюдают за ареной и после очередного раунда предлагают немалые деньги за победителя. Оказывается, в чемпионах заинтересованы владельцы птицеферм. Во-первых, из-за возможности рекламы. На рынке объявляется, что несушки, продукция которых красуется на прилавке, принадлежат бывшему

чемпиону. А во-вторых, действительно, ради улучшения породы. В результате отбора, пусть проведенного ценой немалой петушиной крови, на Филиппинах увеличилась производительность как крупных, так и мелких птицеферм. Те, кто разводит гусей, уток, индеек, даже завидуют: «А не устраивать ли нам свои бои?»

Однако вместе с бесспорными положительными сторонами состязаний есть и нежелательные. И прежде всего то, что вокруг состязаний постоянно растет деловой ажиотаж. Увлечение зрителей петушиными боями все больше используется для наживы. Петуха на арене бизнес заставляет нести золотые яйца. Кому не соблазнительно, поставив на одного из бойцов, выиграть «Гоёту» или ценный подарок, предлагаемый американской компанией «Кока-кола»? Но чаще мечты оборачиваются крахом. Больно читать сообщения в газетах, подобные такому: «Крестьянин проиграл все деньги, вырученные за урожай риса, годовой труд. Семья пошла по миру». Петушиные бои, став коммерческим мероприятием, особенно в городах, уже не воспитывают у молодежи добрые качества, наоборот, многих юношей толкают на преступления. Чтобы выиграть, нужны быстрые, «живые» деньги, и немалые. А что порой творится вокруг бойцов! Одному владельцу петуха предлагают за хороший куш проиграть—и тогда хозяин не по правилам прилаживает к ноге своему воспитаннику стальное лезвие. Другому хозяину, напротив, приказывают, чтобы его петух во что бы то ни стало выиграл, и при этом дают зернышки, в которые впрыснут наркотик; их и надо подсыпать в пищу любимцу. Он почти наверняка победит, но после победы или заболит, или сразу же околет. Не прекращается контрабанда петухов. Выходцы из Мексики или Техаса, которые значительно сильнее филиппинских и которые выдаются за местных богатырей, нередко становятся победителями. А в результате всего этого — бессовестное ограбление ничего не подозревающих филиппинцев, простодушных зрителей и обогащение преступных шаяк, за которыми нередко стоят крупные зарубежные мафии. Вот почему правительственные органы вынуждены были принять строгие меры: в некоторых местах петушиные бои приравнены к азартным играм, таким, как карты, рулетка, кости, наносящие огромный моральный ущерб обществу; в других, более благополучных, они проводятся по праздничным и выходным дням под контролем полиции.

Закончились все 24 раунда, свидетелями которых мы были. Не остывшая от возбуждения толпа выплескивается на улицу. Продавцы воды не успевают открывать бутылки. Многие останавливаются у целиком зажаренных свиных туш: хочется подкрепиться после стольких волнений. Бережно уносят домой победителей. Как и утром, их провожают восхищенные взгляды. Хороший отдых, хороший праздник. Если бои равные и честные.

ПО «ТЕОРИИ ГОРОХА»

Когда-то игороты (коренные жители горных районов острова Лусон) хоронили своих покойников в гробах, которые подвешивали на скалах. Чем почетнее был усопший, тем выше в горы поднималось его захоронение. Для этого небольшого народа они и сейчас — святыня. В последние годы над святыней нависла угроза: любители «восточной экзотики» с вертолетов снимают гробы и потом раскалывают их на сувениры. Но что интересно: иностранные туристские компании действуют, опираясь на союзников в лице филиппинцев, занимающих официальные посты. Они-то и дают разрешение на старт вертолету с грабителями. За взятку.

Социолог Хусейн Алатас, профессор Национального университета Сингапура, на основании серьезных исследований пришел к выводу, что в течение последних тридцати пяти лет коррупция приобрела в развивающихся странах Азии угрожающие размеры. Филиппинские газеты, в свою очередь, постоянно публикуют статьи о взяточничестве и лихоимстве. Носителей этих пороков не сдерживают ни стыд, ни совесть, ни современные законы, ни старые обычаи.

Мало кто знает, что крупнейшие иностранные компании, транснациональные корпорации создали в развивающихся странах, в том числе на Филиппинах, свою собственную широко разветвленную агентуру, которая занимается не только экономическим шпионажем. Одна из главных обязанностей сотрудников частной секретной службы — составлять картотеку на государственных, политических, общественных деятелей, журналистов. В числе первых пунктов ее вопрос: склонен ли объект внимания к принятию подношений?

В условиях, когда рабочий класс не набрал еще силу,

когда крестьянство представляет собой разрозненную, в основном полуграмотную массу, когда национальная буржуазия еще слаба, огромное значение приобретает государственный аппарат, средства массовой информации, политические партии и организации. Они могут стать либо ускорителем развития, либо его тормозом. Поэтому неокolonизаторы, преследуя свои интересы, стремясь подчинить себе развивающиеся страны, прибегают к новым методам экономического воздействия. Некоторые из них направлены на то, чтобы снизить, свести до минимума регулируемую роль правительственных органов, обескровить и ослабить государственный сектор в экономике, дискредитировать национальные программы развития и в конечном счете вызвать у народов бывших колоний неверие в свои силы, тем самым способствовать созданию оппозиции кругам, выступающим за новый международный экономический порядок. При этом стратеги империализма пользуются тем, что государственный механизм многих развивающихся стран далеко не совершенен. Порой кадры подбираются здесь не по деловым качествам, а по родственному принципу. Многие из оставленных колонизаторами постов заняли в свое время люди без опыта и знаний, но зато с большими амбициями. Эти представители старшего поколения бюрократии передали свои отрицательные качества нынешнему. Именно бюрократия становится объектом внимания иностранного капитала. Ее представителей систематически подвергают интенсивной, тонкой, разнообразной обработке. По многим, порой самым неожиданным направлениям.

Прежде всего сама коррупция, к примеру взятка, представляется зачастую как явление положительное. На Филиппинах, кстати, и во многих других бывших колониях США и Великобритании активно предлагалась книга «Все зависит от тебя», в которой американские теоретики, носители консервативных реакционных идей, изложили так называемую «теорию гороха», согласно которой общество в развивающейся стране похоже на кувшин, с насыпанным в него мелким и крупным горохом. Если (согласно эксперименту) уложить на дне крупный горох, а сверху мелкий и потом потрясти кувшин, то наверху окажутся крупные горошины... Таким образом, чтобы оказаться наверху, надо стать большим. Любыми путями. Один из таких путей — взятка, щедрая компенсация за услуги.

Профессор манильского университета Де ла Салль, который показал мне книгу о «гороховой теории», привел пример того, как оправдывают коррупцию. Так бы спал и спал за своим столом чиновник. Но вот он получает пачку денег. При них просьба обеспечить получение концессии на добычу нефти на острове Палаван. Чиновник начинает действовать, проявлять изобретательность, его ум активно работает. Он даже начинает читать книги, совершенствовать иностранный язык. Чтобы отработать «подарок». В результате оживляется деятельность одного из звеньев государственного аппарата, в страну притекает иностранный капитал, а лежавшие тысячелетиями без движения природные богатства дополнительной свежей кровью вливаются в организм мирового хозяйства. Разве не благо? Таким образом, взятка — стимул, толчок к развитию. Хотя это в высшей степени примитивно, такой прием используется довольно часто. Архипримитивной является и агитация в пользу присоединения Филиппин к США, которая основывается на следующем убеждении: поскольку филиппинцев 55 миллионов и они станут самой крупной этнической группой, то вполне возможно избрание на пост президента Соединенных Штатов филиппинца, который сделает всех своих земляков богатыми. Но ведь кое на кого эти сказки действуют так же, как и рассказ о «положительной стороне» взятки.

Утверждая положительные стороны коррупции, ее защитники ссылаются на убедительные примеры из жизни самого «свободного мира».

Чтобы склонить чиновника к взятке, используется и так называемая восточная этика — она, мол, не только позволяла, но и поощряла делать подношения старшим. Даже скандалы при разоблачении случаев коррупции имеют, оказывается, огромный положительный заряд. Они, видите ли, способствуют самоочищению общества, избавляют его от скверны.

Передовая общественность не приемлет всю эту демагогию, рассматривая взяточничество как зло. И порождает его не амбиции отдельного чиновника, не его желания быстро обогатиться. Оно — сама суть общества эксплуатации. Судья Мануэль Р. Памаран, возглавлявший на Филиппинах государственное учреждение по расследованию преступлений, связанных со взяточничеством, пришел к выводу, что коррупция начинается бизнесом, рождается в чреве частного капитала. Бизнес,

развивает эту мысль филиппинская «Дейли экспресс», передает деньги чиновникам прямо в их собственные руки либо через посредников, в роли которых могут выступать как отдельные лица, так и специально созданные общества, ассоциации. Это превратилось в норму, стало частью политической культуры. Профессор С. Х. Алатаг полагает, что результатом коррупции является создание атмосферы преступности.

Действительно, разве пособничество грабителям захоронений — не преступление? Попробуйте незаметно для властей, особенно полицейских, завербовать на Филиппинах тысячи девушек, а потом переправить их в Японию, США, Западную Европу! А ведь именно этим занимается японская мафия «якудза», в полной мере эксплуатируя атмосферу преступности, которая создавалась в некоторых официальных учреждениях развивающихся стран.

Одно из последствий коррупции — беззастенчивое ограбление народов развивающихся стран своими и главным образом иностранными компаниями. Полученные за взятки концессии называют «пиявками», которые отсасывают почти даром природные богатства бывших колоний.

— Коррупция — страшнейший враг национально-освободительного движения, — говорил в лекции перед слушателями Азиатского института журналистики обозреватель газеты «Бизнес дей». — Она преследует цель исподволь и незаметно трансформировать духовные ценности, объединенные общим понятием «национализм», приспособить его к «новым» условиям.

На Филиппинах я был свидетелем шумных кампаний против казнокрадства, взяточничества — коррупции в целом. Буржуазные газеты публиковали сенсационные разоблачения, требовали очистить общество от скверны. Но, как правило, «на съедение» отдается все тот же чиновник, а главный виновник — банкир, бизнесмен — выводится из-под удара.

ОСИНЫЕ ГНЕЗДА

Было время (сразу после второй мировой войны), когда на улицах Манилы часто встречались солдаты и офицеры в форме американской армии. Сейчас в пест-

рой, красочной толпе не увидишь заокеанский мундир. Но это не значит, что Пентагон убрал свои базы с Филиппин, а его «бравые ребята» покинули острова. Просто перед выходом из казарм янки переодеваются в штатское.

Однако меры с переодеванием не могут обеспечить прикрытия военного присутствия США на Филиппинах. Часто в период учений или «кризисных ситуаций» число военнослужащих из США превышает здесь сто тысяч. И тогда даже самые терпеливые и осторожные филиппинцы подобное присутствие называют «оккупацией».

Американцы предпринимают немало усилий, чтобы нейтрализовать негативную реакцию и «перетянуть канат симпатий филиппинцев, как выразился один газетчик, на свою сторону». За «канат» берутся прежде всего политические и военные деятели. Используя разные предлоги — от президентских выборов в США до народных волнений, скажем, в Южной Корее, они доказывают, что американские базы на Филиппинах служат обороне «свободного» мира, обеспечивают «защиту» азиатских союзников от «красной опасности», содействуют экономическому и даже культурному развитию многих стран, в частности Филиппин. Вот поэтому Белый дом должен, мол, придерживаться во внешней политике «жесткого курса» и стремиться к «расширению главных оборонительных сооружений США на Филиппинах, чтобы еще больше усилить американские позиции в регионе».

Что же прячется за многокилометровыми заборами, которые окружают «вооруженные гнезда» Пентагона на филиппинской земле?

В 1902 году отряд солдат американской колониальной армии разбил палатки в небольшой деревушке Анхелес (провинция Пампанга, Центральный Лусон), потом выстроили там казармы, конюшни, оборудовали плац, ипподром, места для стрельбищ, учений — благо земли вокруг было вдоволь. С ее хозяевами — филиппинцами — не считались. После второй мировой войны базу «отделили» от города Анхелес, переименовав ее в Кларк-филд. На ней размещается тринадцатая воздушная армия США. На бывшие выпасы легли взлетные полосы для боевых машин всех «калибров». Сейчас база занимает территорию в пятьдесят три тысячи гектаров! Судя по всему, американцы устраивались прочно и если не на века, то уж точно до конца нынешнего столетия

(по соглашению между США и Филиппинами от 1947 года). Потому-то американцы называют базу «своим домом на Филиппинах» и даже «частичкой Америки». Многие военнослужащие, а их здесь постоянно находится до одиннадцати тысяч, живут с семьями. Хозяева «своего дома на Филиппинах» построили в нем пекарню и молочный завод, семнадцать теннисных кортов, пять бассейнов, гимнастические залы, установили оборудование благодаря которому жены офицеров могут избавиться от лишнего веса, помещения с игральными аппаратами и казино, где риск оказаться в проигрыше не превышает двадцати долларов. Позаботились и о военнослужащих, не имеющих семей: на базе открыли ночной клуб, куда приглашают «девушек для развлечения». В Кларк-филд есть отделения анонимных «обществ алкоголиков» и гурманов. Выходящая на базе газета «Флаер» ежедневно печатает список фамилий тех, кто совершил проступки: что-то украл в магазине, сел за руль в пьяном состоянии, продал казенное имущество, затеял драку и т. п.

«Герои» газеты не ограничивают свои действия территорией базы. По официальным данным (представлены командованием базы), в магазинах Кларк-филд американцы покупают товаров (они ввозятся сюда без пошлины) на сумму девять миллионов песо. Из них шестьдесят процентов оказывается вне баз, на «черном рынке», что наносит (не говоря уже о спекуляции долларами) серьезный ущерб филиппинской казне. А наркоманы, которые приобщают к зелью подростков-филиппинцев? А шестилетние мальчики, которые с утра и до ночи, увертываясь от автомашин, продают прямо на мостовой газеты? И таких сотни, и не только на дорогах, прилегающих к базам. Базы на Филиппинах представляют «американское общество в миниатюре», его пороки рожают новые пороки, калечащие души людей. На базах американцам и работающим там филиппинцам усиленно прививаются специально созданными службами, прессой, радио, телевидением антисоветизм, ненависть к социалистическим странам, их друзьям, партнерам по культурным и экономическим связям. Наконец, еще одна деталь: как сообщила местная печать, базу Кларк-филд активно использует ЦРУ для проведения операций как глобальных — против социалистических стран, национально-освободительного движения, так и региональных (в Юго-Восточной Азии), а также местных, филипп-

пинских — в поле зрения разведки прогрессивные организации, отдельные государственные и политические деятели.

Такова Кларк-филд. То же самое (только с иными иллюстрациями) можно сказать о Субик-бей (Военно-морские силы США) и о других базах поменьше.

Вооруженные силы США — своего рода «телохранитель» и помощник иностранного капитала, главным образом американского. Выдающийся филиппинский политический деятель, оратор и публицист Кларо Ректо в одной из своих работ отмечал, что американцы, подписывая соглашение о базах, заявляли, что их главным намерением является «обеспечение защиты территориальной целостности Филиппин, сохранение мира в районе Тихого океана. Но, на самом деле, военное присутствие обеспечивает расширение и защиту экономических интересов Америки в этом регионе.

Как только дается согласие на военную защиту, иностранное военное присутствие, фактически возникает угроза национальной безопасности, происходит ущемление политической и экономической независимости... Даже в мирное время базы охраняют иностранные инвестиции»¹¹. Кроме того, благодаря базам Филиппины могут быть вопреки своей воле втянуты в авантюры Пентагона.

В 1979 г. после долгих и мучительных для филиппинцев переговоров (американская сторона вела себя как диктатор) над каждой из баз вместе с американским был поднят и филиппинский флаг. Более того, учрежден пост командующего, который занимает филиппинец. Могло показаться, что произошел некий положительный сдвиг, если бы не специальная поправка к соглашению, — она обеспечивает Пентагону гарантию беспрепятственного проведения с баз любых военных операций. По стране, и особенно по городам, расположенным недалеко от баз, прокатилась волна забастовок. Их участники выдвинули политические требования, главное из которых — убрать базы с филиппинской земли.

На базах сосредоточена огромная военная мощь США. Например, на складах Субик-бей, занимающих 4858 гектаров, хранятся вооружений, боеприпасов, торпед и т. д. 180 тысяч единиц. Об объеме работ, далеко не мирных, говорит одна цифра (данные газеты «Бул-

¹¹ Кузнецов Л. М. Осиные гнезда. Правда. 15.01.1981.

летин тудей»): каждый месяц базе Субик-бей для обслуживания кораблей седьмого флота требуется миллион бочек со смазочными материалами. На Кларк-филд ежедневно обрабатывается 3500 тонн грузов. И «единицы», спрятанные в подземных казематах,— возможно ядерное оружие, о чем с тревогой говорил покойный министр иностранных дел Филиппин К. Ромуло.

Такое сверхщедрое снабжение боеприпасами и военной техникой баз США в этой стране объясняется тем, что они приобрели многоцелевое назначение и постоянно расширяют радиус своих действий. Заявил же как-то командующий тринадцатой воздушной армией: «Если бы мне позвонили и сказали: „Послушайте, доставьте наши самолеты в Иран“, я был бы в состоянии сделать это. Авиабаза Кларк-филд может легко служить в качестве обходного пути на Ближний Восток». А офицер с Субика рангом ниже как-то похвастался перед журналистами: «Мои солдаты, прошедшие подготовку здесь, на Филиппинах, готовы воевать на любой территории, в любых условиях — будь то пески, горы или долины». Подводя в некотором смысле теоретическую базу под амбиции Пентагона и его офицеров, высокопоставленный деятель государственного департамента утверждал: «Без баз в Юго-Восточной Азии наши способности продвигать свои интересы в Индийском океане были бы ограничены. Речь, однако, должна идти не только об Индийском океане. Такой вывод можно сделать, если вспомнить высказывания министра обороны США: «Соединенные Штаты не могут быть сильными в Европе, не будучи сильными в Азии. Этим и объясняется, почему пентагоновские стратеги уже рисуют на своих картах стрелы, которые начинаются с баз на Филиппинах либо проходят через них. Они густой сетью покрыли бассейны Тихого и Индийского океанов. Как однажды заметил командующий тринадцатой воздушной армией, американская военщина активно пользуется базами для подготовки и проведения операций на Ближнем Востоке, прежде всего в Персидском заливе и Аравийском море, а также в Африке.

ХРАМЫ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Город Лапу-Лапу на филиппинском острове Мактан поначалу гордился тем, что ему отвели роль одного из

пионеров, воплощавших в жизнь новую экономическую идею,— создание на Филиппинах зон свободного предпринимательства (ЗСП). Помню речь высокого американского гостя. Цитируя К. Кулиджа, одного из президентов США начала XX века, он сказал: «Человек, который строит фабрику, строит на самом деле храм, человек, который работает на этой фабрике, на самом деле совершает священный обряд, за что удостоивается всяческой благодати». «Храм» в городе Лапу-Лапу представляет собой территорию площадью 119 гектаров, она окружена бетонным забором высотой в четыре с лишним метра, увенчанным колючей проволокой. По всей Юго-Восточной Азии таких «храмов» уже более сотни, на одних Филиппинах их десять, они являются аванпостами 58 крупнейших капиталистических компаний.

Что же такое «зона свободного предпринимательства»? Крупные монополии в конце 50-х годов приходят к выводу: становится невыгодным заниматься только эксплуатацией природных ресурсов развивающихся стран, следует энергичнее, эффективнее использовать дешевый рабочий труд, который может придать наибольшую конкурентоспособность товарам и изделиям. Это еще раз подтвердили гонконгские, тайваньские, сингапурские дельцы, потеснившие с международных прилавков западные товары. Кроме того, рост рабочего движения в развитых капиталистических странах вновь заставил обратить внимание на менее «строптивных людей Востока», особенно на женщин, которые не имеют еще своих сильных организаций и не «испорчены красной пропагандой».

Было и еще одно соображение: создание в развивающихся странах предприятий с передовой технологией (но полностью подчиненных доллару, иене или франку). С одной стороны, они станут хорошим дополнением к главному экономическому конвейеру капитализма, с другой — помогут расширить рынки сбыта, сферы приложения капитала.

Во многом ЗСП моделировались по примеру американских баз за рубежом с их экстерриториальностью, собственными законами, политикой. К тому же зоны мыслились как своего рода центры по сбору информации об экономическом положении, тенденциях, революционных процессах в бывших колониях. Пассивное накопление знаний предполагало, естественно, активное

влияние на политику правящих кругов «страны присутствия» в выгодном для хозяев зон направлении.

Но все эти финансовые и политические схемы авторы идеи держали в уме, на пропагандистском же языке она представлялась в другом, надо сказать, наименее привлекательнейшем для развивающихся стран виде; в условиях экономического застоя, казалось, непреодолимых трудностей, финансового голода, нехватки кредитов ЗСП представлялись чудом. Они наделялись способностью обеспечить приток иностранной валюты, быть школой по подготовке квалифицированных кадров, приобщать развивающиеся страны к передовой технологии, сократить безработицу, наконец, обеспечить классовый мир. Более того, они станут анклавными, оазисами техники XXI века в море отсталых национальных предприятий, окруженных, в свою очередь, океаном мелких крестьянских хозяйств, живущих по феодальным и даже дофеодальным законам. ЗСП уменьшат «океан и море», ибо «перельются в анклавные» и «чудо-островки».

Правящие круги чувствовали, что нужны перемены, реформы, которые бы успокоили народ, породили бы надежды на избавление от беспросветной нужды. В условиях краха прежних моделей выхода из экономической отсталости, неспособности выработать свою национальную стратегию развития и, как сказал один экономист, «ленности ума идеологически опустошенной и бессильной национальной буржуазии» ЗСП были восприняты без оглядки на прошлое и без заглядывания в будущее. Тем более что Запад в качестве условий требовал самую «малость»: никаких налогов на ввозимое сырье и вывозимые товары, полная свобода рук при ведении финансовых операций, экстерриториальность, никаких профсоюзов в зоне, вся власть там должна принадлежать людям компании, которая построила и открыла «храм». Правительство развивающейся страны должно выделить территорию для зоны поблизости от портов, построить первоклассные дороги, наладить современную телефонную и телексную связь.

На Филиппинах все эти условия принимались довольно спокойно, даже теми, кто уже обжигался на коварстве империализма. Боялись лишь одного: как поведет себя хозяин «храма»? Настораживало постоянное обещание сделать зоны образцами, примерами «свободного мира», «самоумножающимися клеточками», пересаженными на азиатскую землю. Но ведь многие на

Филиппинах, особенно из числа тех, кто «обжигался» на «пропагандистском киселе», знают, что такое «свободный мир». Однако, убеждали популяризаторы зоны, на фабрике, возведенной заморским зодчим, все иначе. И когда после очередного обсуждения внутреннего распорядка в «храме» кто-то заикнулся об эксплуатации, слово взял г-н Л. Барридж, президент американской торговой палаты на Филиппинах. Сохранивший выправку со времен Корейской войны, седовласый, импозантный предприниматель новой формации, не допускающий в беседах грубого антикоммунизма, прежде всего дал определение эксплуатации, что, согласно толковому словарю Вебстера, означает: несправедливое и корыстное использование кого-либо или чего-либо в интересах собственной прибыли и выгоды. Такое отношение к человеку, заключил Л. Барридж, в зонах исключено.

Поначалу зоны росли в Азии так же быстро, как бамбук. Надо отдать им должное — они и проявляли качество бамбука: гибкость, скромность, вернее, умение маскироваться под скромность, способность выдерживать политические бури и передряги, которые часто, подобно тайфунам, сотрясают неровный и капризный климат развивающихся стран.

Но вот настало время, когда можно задать вопрос: каков же итог деятельности ЗСП? Они целиком и полностью оправдали надежды западного капиталиста. Приведу всего лишь одну цифру: рабочему в такой зоне на острове Мактан (данные ежегодного доклада ЗСП, приведенные в работе филиппинского автора Л. Константино) платят в год 1265 долларов, а продукции за это же время он дает стоимостью 10 614 долларов. В такой же зоне в Багио рабочий получает 222 доллара в год, а своего труда отдает хозяину на 71 834 доллара. Фантастическая прибыль! А как же облагодетельствованные идей? Тут другая картина. Зоны стали насосом, который отсасывал валюту из «страны пребывания». Например, американская компания Форд на строительство на Филиппинах завода по штамповке кузовов не перевела из-за границы ни цента. Необходимую сумму в 22 миллиона долларов компания «наскребла» из местных, чисто филиппинских, источников, путем займов, кредитов, других финансовых операций. Кроме того, в зонах накапливается свой собственный фонд, который также идет на займы и кредиты. В том же ежегодном докладе ЗСП говорится, что четыре фирмы воспользо-

вались услугами этих «кубышек» ЗСП. Щедрость их владельцев улетучивается, когда дело касается «страны пребывания». Так, в период острейшего политического и экономического кризиса правительство Филиппин обратилось к предпринимателям зон с просьбой оказать финансовую помощь — и тут же получило отказ.

Вопрос о передаче новейшей технологии филиппинцам вызывает у них горькую усмешку. Взять, к примеру, американскую фирму Маттель, которая выпускает куклы «Барби». Прелестное создание с великолепными туалетами. Фигурки кукол отливаются и вытачиваются сложными механизмами. Аналогично с одеждой: тут главный закройщик и портной — электроника. Однако к этой технике филиппинки не допускают, они только собирают и одевают кукол. Как это ни парадоксально, но на современных предприятиях ЗСП широко применяют ручной неквалифицированный труд, который годится лишь на то, чтобы одеть куклу, облачить в чехол радиоприемник, опустить в кислоту деталь и т. п. Но, может быть, техника и технология производства красивой игрушки, счетно-решающего устройства будут переданы Филиппинам?

— Ничего подобного, — сказали мне в компании «Ричуэлл трейдинг корп», занимающейся сбытом игрушек на Филиппинах, — нам отказали! Вот мы и продаем красавиц по триста-четыреста песо. А ведь могли бы делать свои куклы. Более того, даже вышедшие из строя станки компания уничтожает, а металлолом увозит в США.

Пойдем «по сказке» дальше. Поедем в Багио, город в провинции Северный Илокос. Помнится, 27 сентября 1980 года там, так же как и в Лапу-Лапу, управляющий ЗСП г-н П. Янсон пообещал: зона даст работу пятнадцати тысячам человек! Однако в зоне сейчас лишь 2700 рабочих мест. А безработица в Багио и во всей провинции не только не уменьшилась, но и благодаря зоне даже увеличилась. Почему? На вопрос отвечает хозяйин лачуги, собранной из фанеры, картона, веток и листьев. Ее украшает полотно: «Верните наши дом и землю!» С этим плакатом старый Апуган встречал президента К. Акино, посетившую горный край.

— Видите, — говорит он, — вот наш погубитель, — и показывает на уже знакомые мрачные корпуса американской фабрики компании «Тексас инструментс корп».

Когда компания отбирала землю, она обещала взять

на работу в первую очередь жителей бывшей деревни и обеспечить их новым жильем. Жилья нет до сих пор. Работы тоже нет. Разоренная деревня пополнила ряды безработных намного больше, чем уменьшили их число нанятые на фабрику. По официальным данным, сейчас на Филиппинах 7 миллионов безработных (включая частично занятых). Так что ЗСП и здесь обманули ожидания. Впрочем, если разобраться, то «Тексас инструментс» могла бы взять на фабрику всех жителей деревни, и представляется, что названная П. Янсоном цифра была, в общем, реальной. Работница пошивочной фабрики «Коммонуелт гарментс манюфэкчуринг» объяснила, почему же в зоне работает в пять раз меньше рабочих, чем обещано. Она рассказала журналисту газеты «Малайя», что управляющий заставляет их делать работу, на которую требуется минимум неделя, за три дня, то есть каждый день работница трудится за троих, так как изначальные «базовые» нормы завышены сверх меры. Вот откуда экономия. Вот почему «Коммонуелт гарментс» наняла не девятьсот работниц, а всего триста. Таким образом, мы и подошли к тому понятию, о котором говорил г-н Барридж, ссылаясь на толковый словарь.

Хозяева ЗСП окружают свои владения заборами, у ворот со шлагбаумами держат овчарок и вооруженную охрану — муха не пролетит. Я сначала не понимал, почему г-н Вирджилио Пэйонгэйонг отказал мне в просьбе посетить невинную игрушечную фабрику компании Маттель. Понял, когда поговорил с работницами этой и других фабрик. Во всех зонах отмечена повышенная смертность, молодые женщины в тридцать лет становятся инвалидами, теряют способность к деторождению, слепнут. Многие кончают жизнь самоубийством.

Зоны свободного предпринимательства превращены в своего рода идеологические чистилища. С одной стороны, у некоторых рабочих воспитывается беспомощность, покорность. Увольняют рабочего за малейший протест. Оказавшись за воротами фабрики, он не может устроиться на работу, потому что у него нет квалификации, а, главное, нигде нет рабочих мест. И рабочий снова просится в зону, но уже с поникшей головой, с чувством вины. С другой стороны, из меньшей части рабочих готовится рабочая аристократия, кадры, которых предприниматели, нередко через посредников-филиппинцев, предлагают профсоюзам. Эти «избранные»,

составляющие главную силу «пятых колонн», наносят значительный ущерб рабочему движению.

— Бороться с произволом хозяина в зонах трудно, — говорит Сесиль Фернандес, — работница американской компании «Артифишел флауэрс энд фолиадж». — Невыносимые страдания работниц заставили их принять решение о создании собственного профсоюза. Когда весть об этом дошла до Джимми Томпсона, управляющего, он пришел в бешенство.

— Дуры! — стучал кулаком американец (его «речь» записана и предоставлена в распоряжение редакций газет). — Выгоню! Уволю всех! Коммунисты! Когда я вкладывал сюда деньги, я думал, что делаю это в некоммунистической стране. Создадите союз, закрою фабрику и пушу всех по миру...

Философия капитализма — пустить по миру развивающиеся страны, нажившись на труде народов этих стран, — и есть философия «зон свободного предпринимательства». Перед тем как писать этот материал, я пришел в министерство торговли и промышленности Филиппин и спросил, что дали зоны стране. Принимавший нас чиновник молча показал на пальцах: «ноль». Позднее другой, занимающий высокий пост чиновник подтвердил: зоны не оправдали надежд правительства, особенно в отношении технологии, притока иностранной валюты и занятости.

А газета «Малайя» опубликовала материал, в котором отметила, что ЗСП на Мактане, представлявшаяся как воплощение идеи экономического чуда, оказалась бесплодной. Она не только не привела к процветанию Висайского района, в который входят крупнейшие острова Самар, Негрос, Панай, Лейте, Себу, Бохоль, но и превратилась в «белого слона», то есть в обузу, в пиявку, которая обескровливает экономику республики.

Мы стоим у более чем пятиметрового бетонного забора недалеко от того места, где вождь Лапу-Лапу дал первый бой испанским завоевателям, в котором погиб Магеллан. Обращаясь к воинам, Лапу-Лапу сказал: «Даже самый большой корабль может погибнуть от маленькой пробоины и небольшой течи. Поэтому мы должны выиграть это сражение». Другие вожди, по словам одного из корреспондентов «Малайи», думали иначе. И страна поплатилась свободой. На три с половиной века, а с вторжением американцев и японцев на все четыре.

К счастью, сейчас на Филиппинах людей, которые думают так, как Лапу-Лапу, становится все больше и больше.

СЛУГА БАНКИРОВ

Первое, что видишь, переступив порог Азиатско-американского института свободных профсоюзов (ААИСП) в Маниле, — портрет Морриса Пэлэдиноу.

— Наша гордость, — почтительно заметил служащий.

Тут бы следовало добавить и «верноподданный ЦРУ». Но о двойной роли «уважаемого ветерана» здесь либо помалкивают, либо говорят шепотом. Впрочем, шепотом говорят не только об этом. Оно и понятно: институт в системе американского политического присутствия — заведение особое. Здесь обучают будущих лидеров профсоюзного движения для азиатских стран.

Рабочий класс, крестьянство играют в жизни развивающихся стран все возрастающую роль. Их представители идут в первых рядах борцов за глубокие социальные преобразования, против политики неокolonизаторов, за мир. Вот почему организация трудящихся, их руководство находятся постоянно в центре внимания империализма, главным образом американского, стремящегося затормозить процесс становления бывших колоний, задержать их выход на дорогу прогресса.

Особую роль неокolonизаторы отводят ренегатам, предателям дела рабочего класса, прежде всего верхушке объединения Американской федерации труда — Конгрессу производственных профсоюзов — АФТ—КПП, которая давно скомпрометировала себя связями с буржуазией, с реакционными политическими силами и организациями.

Чтобы успешнее выполнить возложенные на него задачи, АФТ—КПП создало в 1968 году Азиатско-американский институт свободных профсоюзов. Тягостное впечатление создается, когда знакомишься с работой института на месте, когда видишь его следы, оставляемые в странах Юго-Восточной Азии. Факты свидетельствуют о том, что институт стремится прежде всего разложить сознание рабочих, увести трудящихся от магистральных путей социальной и политической жизни. Сотрудники ААИСП культивируют, навязывают идеи классового

мира, сотрудничества труда с капиталом, в первую очередь с иностранным. На организуемых семинарах, симпозиумах, лекциях идеологи АФТ—КПП выступают за «классовую терпимость», за то, чтобы рабочие, используя «демократические, ненасильственные методы», способствовали трансформации капитализма, его очеловечиванию. Рассказывая об одной из таких лекций, рабочий пивоваренного завода в городе Себу протянул мне брошюру под названием «Основные знания», подготовленную, как сказано в сноске, ААИСП. Его авторы предлагают рабочим какого-нибудь предприятия добиваться поставленных целей только собственными силами и не рассчитывать на помощь со стороны (именно этот аргумент был выдвинут, когда встал вопрос о поддержке забастовщиков на соседнем предприятии), не скрывать, не прятать свои мысли и чувства, не обижаться на хозяина. Если рабочий будет придерживаться этих правил, то в конце концов он воспитает в себе «пакисаме», что в переводе с филиппинского означает стремление ладить, никого никогда не обижать, смирение.

На другом семинаре (уже в Южной Корее) представитель института задал его участникам вопрос: «К какому обществу мы стремимся?» Однако гора родила мышь. Сотрудник, отвечая на вопрос, не говорил о ликвидации засилья иностранных монополий, о борьбе против системы эксплуатации, против социальной несправедливости. Все проблемы он свел к необходимости распространять знания об АФТ—КПП, добиваться повышения заработной платы. Самым «кардинальным», самым «революционным» призывом АФТ—КПП, с которым оно обращается к азиатскому рабочему, — это добиваться торжества демократических принципов (в понимании американских профсоюзных боссов) в профдвижении и побеждать бедность путем внедрения современных орудий труда.

На практике подобные рецепты приобретают уродливые формы. Такова, например, акция, осуществляемая институтом в некоторых азиатских странах, названная «босоногий врач». Суть ее заключается в том, чтобы подготовить в селах врачей из числа крестьян, имеющих минимальное образование. Им даются примитивные медицинские знания, обучают их пользоваться примитивными приборами, снабжают таблетками «от всех болезней» типа аспирина. И все. «Босоногий врач»

подготовлен. Он, мол, самая желанная фигура в сегодняшнем селе: не оглушает крестьян учеными речами, не пугает сложными приборами. Одним словом, азиатский крестьянин до современной медицины не дорос. Так что пусть пользуется услугами «босоногого». Трудно сказать о сути подобных акций — то ли это проявление махрового расизма, то ли насмешка над человеком, его горестями и страданиями. Скорее всего и то, и другое.

Боясь укрепления и численного роста рабочего класса в результате осуществления мер по индустриализации, стремясь сохранить развивающиеся страны в качестве «огорода, поставляющего продукцию индустриальному Западу», и тем самым закрепить их подчиненное положение в капиталистической системе хозяйства, эксперты института навязывают такие модели «развития», которые не выходили бы далеко за рамки села.

Всеми своими «советами» и мерами институт стремится изолировать рабочих от других, прежде всего левых организаций и движений. Когда Совет мира и солидарности решил провести митинг филиппинцев, работающих на базе ВВС США Кларк-филд, туда немедленно выехали сотрудники института. Подкуп, обман, угрозы, провокационные действия подставных лиц — все было пущено в ход, чтобы сорвать манифестацию против ядерной угрозы, не допустить расширения социальной основы антивоенного движения.

Для зарубежного представительства АФТ—КПП характерен ярый антикоммунизм. Соответствующую идеологическую отраву поставляют институту самые разные американские организации. Именно через институт распространялась, например, в Маниле брошюрка, изданная американской «Миссией христиан в коммунистический мир», которая, в частности, осыпала бранью синод лютеранской церкви ГДР за то, что он осудил атомных маньяков и поджигателей войны. На полках библиотеки института, куда приглашают местных профсоюзных деятелей, стоят такие книги, как исследование Д. Белла «Конец идеологии», в котором делается попытка доказать, будто марксизм «изжил себя». Весьма широко институт пользуется услугами и «знаниями» европейской правой социал-демократии и ее главного представителя в Азии Фонда Фридриха Эберта (ФРГ). Именно ААИСП подсказал некоторым государственным и политическим деятелям идею запретить забастовки на предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу: они,

мол, отпугивают «носителей свежей крови», то есть инвесторов, что наносит ущерб экономике Филиппин. Когда же в Таиланде профсоюз предприятия (принадлежит американской компании «Сигнетакс»), состоящий из 90 процентов женщин, обратился к АФТ—КПП за помощью и с просьбой оказать давление на хозяина, который нещадно эксплуатировал работниц, сотрудники института откликнулись весьма своеобразно: они помогли профсоюзу приобрести пишущие машинки, чтобы размножать и распространять материалы ААИСПо «классовом мире».

Один из ветеранов американского капитализма, Дэвид Рокфеллер, откровенно признал, что Соединенные Штаты грабят развивающийся мир, получая на каждый вложенный в него доллар восемь (в книге «Дело иностранной помощи»). А американское профсоюзное объединение АФТ—КПП, напротив, не жалеет ни сил, ни средств, чтобы восславить порядки в своей стране, нарисовать образ «доброй Америки», пекущейся о благе народов бывших колоний, обеспечить поддержку со стороны развивающихся стран политике нынешней администрации Белого дома, ее действиям по развертыванию гонки вооружений, нагнетанию военной истерии. В этой пропагандистской кампании ААИСП опирается на Корпус мира, задача которого, как говорится в одном из наставлений, «доносить до филиппинцев американские идеалы социально-экономического развития человечества».

Наконец, институт и его помощники занимаются чисто шпионской и диверсионной деятельностью. В одном из выступлений бывший президент Картер вместо «АФТ—КПП» сказал «АФТ—ЦРУ»¹². Оратор попал в самую точку. Как отмечал сенатор Фулбрайт, Американско-азиатский институт свободных профсоюзов — это ширма для прикрытия подрывной работы Центрального разведывательного управления США. А бывший сотрудник ЦРУ Филип Эйджи назвал АФТ—КПП «главным агентом ЦРУ в профсоюзном движении США». Другой американский исследователь, С. Ленс, в книге «Американское рабочее движение за рубежом» отмечал, что АФТ—КПП выполняет некоторые функции американской администрации и ЦРУ, боящихся быть обвинен-

¹² В английском языке аббревиатуры КПП и ЦРУ близки по звучанию.

ными во вмешательстве во внутренние дела других стран.

Главой отдела международных связей АФТ—КПП долгое время был Джей Лавстон, который, по его словам, «не видел ничего предосудительного в том, что он сотрудничает с господами из мира шпионажа». Под стать Лавстону и те, кого он назначал на ключевые посты. Хотя бы человек, чей портрет висит в манильской штаб-квартире ААИСП. Во время поездки по некоторым азиатским странам М. Пэлэдиноу и шагу не мог ступить, не испросив разрешения у американского посла. Но не только госдепартаменту служил профсоюзный деятель. По свидетельству уже упоминавшегося Эйджи, Пэлэдиноу являлся «ответственным сотрудником ЦРУ».

Отсюда и характер деятельности, проводимой институтом. Руководители прогрессивных профсоюзов свидетельствуют, что сотрудники ААИСП открыто обрабатывают перспективных, по их мнению, людей, заводят подробное досье на деятелей левого толка. Многие филиппинцы, уезжавшие на заработки в США, подвергались тщательному обыску, их допрашивали агенты ФБР, требовали дать расписку с обязательством не заниматься «подрывной» деятельностью. В последние годы сотрудники ААИСП сосредоточивают огонь против антивоенных организаций и движений, стремясь расколоть их, изолировать от борцов за мир в других странах. Лидеров, организующих выступления против действий Пентагона, запугивают, им угрожают расправой. Деятели АФТ—КПП поддерживают тесные контакты с силами, находящимися в оппозиции нынешнему режиму и нашедшими приют в Соединенных Штатах, подстрекают рабочих в самой стране сопротивляться проведению прогрессивных мероприятий.

Конкретные факты подрывной деятельности института на Филиппинах, в других районах Юго-Восточной Азии заставляют рабочих быть бдительными, оказывать сопротивление послам не доброй, а злой воли, являющимися не «слугами трудящихся», как любят изображать себя последователи Дж. Мини, который почти четверть века был президентом АФТ—КПП, а слугами банкиров, подручными «рыцарей плаща и кинжала».

В городском доме культуры нашего Магадана я видел пальмы и слышал щебет тропических птиц, а на Филиппинах в Манильском зоопарке разгуливает белый медведь. Ему жарко, он мается от духоты, но держится молодцом. Иногда даже выходит из тени на солнце, чем радуется ребятишек. В просторной проходной одного из горнообогатительных комбинатов под Певеком, на Чукотке, на доске объявлений я прочел приглашение совершить путешествие на Филиппины. Позднее в Маниле я встречал советский теплоход с туристами. Один из туристов, бросив взгляд на пальмы, обрамляющие приморский бульвар Рохас, заметил:

— Наши не хуже. Поменьше правда. Но ведь зеленеют не под открытым небом.

На Филиппинах, в свою очередь, много желающих посетить наши студеные края. Интерес к советскому Северу растет особенно среди учащейся молодежи.

Он вызван разными причинами. Не последнюю роль играет любопытство — неизвестное, непривычное всегда манило и манит. Ведь для филиппинца, например, пещ — такая же экзотика, как для жителя тундры — плотоядный крылан (летучая собака).

Русские ученые, путешественники, писатели, представители общественной мысли всегда стремились разобраться в том, что же происходит в неведомых краях, что ждет их народы в будущем. Ведь не случайно Н. Н. Миклухо-Маклай долгие годы провел под азиатским, в том числе и филиппинским, тропическим солнцем. А И. А. Гончаров, путешествуя на фрегате «Паллада», собрал интереснейший материал о странах «жаркого света», их географии, истории, описав быт и нравы народов многих стран Юго-Восточной Азии, в том числе и Филиппин, в известной книге «Фрегат „Паллада“». В частности, он приводит сценки, показывающие, как внедрялся в эти страны колониализм. Вот как, например, обучали солдат-филиппинцев военному делу: «Солдаты все тагалы, — читаем мы во «Фрегат „Паллада“». — Их, кто говорит, до шести, кто — до девяти тысяч. Офицеры и унтер-офицеры — испанцы. По всему плацу босые индийские рекруты маршировали повзводно; их вел унтер-офицер, а офицер с бамбуковой палкой, как коршун, вился около. Палка действовала неутомимо.

удары сыпались то на голые пятки, то на плечи, иногда на затылок провинившегося...»¹³.

Писатель обратил внимание также на то, что, утверждая свое господство, колонизатор уповал не только на палку и «порох», но и на «комфорт», «обучая» представителей местной верхушки «наряжаться, пить вино, увлекаться роскошью» и т. д.

Сегодня к этим же методам и приемам прибегают неоконизаторы. С той лишь разницей, что истину предлагают искать не столько в виски и джине, сколько в идеях, распространяемых и насаждаемых кино, телеграфными агентствами, газетами.

На Филиппинах кроме Н. Н. Миклухо-Маклая и И. А. Гончарова побывало немало других представителей русской общественности. В санкт-петербургском журнале «Сын отечества» была опубликована статья флотоводца В. М. Головина, который в начале прошлого века дважды плывал к берегам Филиппин на шлюпах «Диана» и «Камчатка». Он рассказал о жизни на далеком архипелаге. Написанная с явной симпатией к филиппинскому народу, она была полна гневных разоблачений в адрес его угнетателей-испанцев. С большим интересом читаются записки русского офицера А. Едрихина, прикомандированного к американским вооруженным силам на Филиппинах во время филиппино-американской войны. Несмотря на то что царский офицер не симпатизировал филиппинским революционерам, он старался быть честным и объективным в описании событий. По его запискам можно представить страшную картину подавления колонизаторами национально-освободительного движения на Филиппинах. Уже тогда, в начале века, они отработывали в этой стране позорную тактику «умиротворения» и «выжженной земли», которую спустя много лет, оставаясь верными своим понятиям о демократии, применили во Вьетнаме.

Эту тактику насилия американской военщины на только что «приобретенной» земле блестяще запечатлел на своих полотнах художник Василий Верещагин, побывавший на Филиппинах в 1902 году. Написанные там картины В. В. Верещагин выставлял в Соединенных Штатах. Никому еще не удавалось так ярко рассказать кистью и красками правду об американской миссии на Филиппинах. Это было беспощадное обвинение

¹³ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». — Собрание сочинений. Т. 6: М., 1952, с. 209.

буржуазного варварства. Американские власти запретили вход на выставку солдатам и молодежи. А потом скупили обличающие полотна, чтобы навсегда скрыть их от людей.

Слова поддержки филиппинских патриотов и солидарности с ними в те годы доходили до Филиппин и из самой России. Представители русской передовой мысли протестовали против разбоя, который вооруженной рукой, то есть армией и флотом, чинили Соединенные Штаты.

Свое отношение к американо-испанской войне (под этим понятием объединялись войны, развязанные США на Кубе и на Филиппинах) Л. Н. Толстой выразил в статье «Две войны», написанной в 1898 году¹⁴. В одном из вариантов рукописи к этой статье, в частности, сказано: «Действие американцев в этой войне вызвало чувство того омерзения и отвращения, которое испытываешь к наглым убийцам»¹⁵. А несколько позже, в 1902 году, в письме к американскому писателю Герберту Уэлшу Толстой писал: «...преступления, совершенные на Филиппинах, именно такие, какие, по моему мнению, всегда будут происходить в государствах, управляемых посредством насилия, или в которых насилие допускается и употребляется как необходимое и законное средство»¹⁶.

В июне 1905 года в Манильском порту бросила якорь легендарная «Аврора». Она пришла сюда после тяжелой битвы в Цусимском проливе, где крейсер вместе с другими кораблями русского флота принял на себя удары японских военно-морских сил. Радужно встретили филиппинцы русских моряков.

К сожалению, в архивах музеев, университетов, библиотек Манилы мне не удалось найти материалы об «Авроре». Большинство документов, касающихся русско-филиппинских отношений до Октябрьской революции, не говоря уже о материалах послереволюционного периода, были изъяты американской колониальной администрацией — иные уничтожены, многие вывезены за океан или надежно спрятаны в подземных хранилищах на базе ВВС США Кларк-филд.

¹⁴ Толстой Л. Н. Две войны.— Полное собрание сочинений. Т. 31, М., 1965, с. 97.

¹⁵ Две войны. История писания и печатания.— Там же. Т. 31, с. 287.

¹⁶ Письмо Герберту Уэлшу.— Там же. Т. 73—74, с. 338.

Однако сейчас даже о самом факте захода «Авроры» в Манилу филиппинцы говорят с гордостью.

— Конечно, в те времена мало кто обратил внимание на «Аврору», — сказал мне Диагония — профессор Филиппинской мореходной академии, автор многих трудов по истории русского флота. — Единицы знали о ее роли в Октябрьской революции. Но сегодня мы восполняем этот пробел. Изучаем историю СССР. Спустя много лет приобщаемся к важнейшему этапу в жизни человечества — началу великой революции, о котором возвестил легендарный крейсер. Мы тоже ищем документы об «Авроре». Конечно, поиски эти трудны.

На совесть постарались потрошители архивов. Мне только однажды принесли (это было в архиве Национальной библиотеки) папку под названием «Россия» за 1897—1898 годы. В ней содержались проездные документы, которые оформляли в консульстве Российского государства в Маниле путешественники в основном из Одессы, направлявшиеся либо в Японию, либо во Владивосток и на Камчатку.

Иногда встречались живые свидетели. Как-то, разбирая очередную внушительную корреспонденцию, которую принес почтальон, я обнаружил советскую газету «Голос Родины», выпускаемую для русских, живущих за рубежом. Вероятно, тот, кто сортировал корреспонденцию из Москвы, автоматически перебросил в мою кипу и данный экземпляр. Я знал, что он предназначен не мне, так как на «Голос Родины» я не подписывался. А кому же? «Сеня Цуган» — было написано на пакете и далее подробный адрес в одном из старых районов Манилы. Сразу же созрел план: еду по адресу, нахожу Сеню — вероятно, молодой человек, интересующийся жизнью Советского Союза, — и пишу очерк о любящем нашу страну или симпатизирующем нам филиппинце.

Район был не только старым, но и отдаленным. Сначала час с лишним машина продиралась сквозь автомобильный заслон, потом петляла в улочках-щелях с домами, лишёнными номеров, и, наконец, остановилась перед хибарой с надписью «Рашен хауз», то есть «Русский дом». Постучав подвешенной железной колотушкой по забору, я стал ждать. Вышла филиппинка лет пятнадцати.

— Есть здесь русские? — спросил я. — Здесь живет Сеня Цуган?

— Есть, есть, — заулыбалась она, — проходите. Только не Сеня (это так на почте исказили имя адресата. — Л. К.), а Ксения Цуганова.

Крохотный дворик, крылечко, узкая дверь. Вхожу и удивляюсь. За столом старушка. Из тех, что сидят на завалинках в наших далеких сибирских деревнях. Ситцевый платочек с узелком под подбородком, унты (хотя на дворе жара), сарафан.

— Корреспондент «Правды», — представился я и на всякий случай добавил, — из Советского Союза.

Старушка посмотрела на меня, улыбнулась и, протянув худую, в синих прожилках руку, сказала:

— Ксения Федоровна Цуганова.

— Принес вам газету «Голос Родины». Выписываете?

Она помолчала, непонимающе глядя на меня. Тогда я на всякий случай повторил это по-английски.

— Да-да, — закивала она и тут же взяла лупу. — Я свободно читаю по-русски, а вот говорить почти разучилась. Как-никак шестьдесят с лишним лет на чужбине...

На глазах появились слезы, Ксения Федоровна смахнула их кончиком платка. Она родилась во Владивостоке. В 1915 году отец с матерью отправили Ксению в Харбин, к родственникам, чтобы она училась на продавщицу. Девушка быстро и хорошо освоила дело, и вот она уже в Шанхае, в крупном обувном магазине. Хозяин процветал. Масштабы дела расширялись. Решил открыть филиал в Маниле. А чтобы не загубить дело, посылал туда своих лучших продавцов. Среди них Ксению.

В 20—30-е годы на Филиппинах было около четырехсот русских. В 1937 году здесь закончили строительство православной церкви, и на церемонии открытия отец Ерохин (жил до революции на Камчатке, потом во Владивостоке, после революции в Дальнем) произнес речь. «Главная наша задача, — сказал он, — помочь Филиппинам устоять перед коммунизмом».

— Не все разделяли мысли Ерохина, — говорит Ксения Федоровна. — Ведь среди нас были не только беляки, да они-то потом бежали в богатые страны. А здесь остались в основном матросы с кораблей, не вернувшихся на родину, да такие, как я, путешественники поневоле. В церковь мы ходили, потому что были верующими, а главное, чтобы встретиться с земляками,

взять русские книги — при церкви была неплохая библиотека.

Большинство из этих четырехсот человек погибли во время второй мировой войны: либо под японскими, либо под американскими бомбами, иные — на поле боя, а точнее, в море — многие были призваны в американскую армию в качестве санитаров на военных судах.

— Вот так и доживаю свой век, — вздохнула Ксения Федоровна. — Муж мой, Иван, умер, был он человек хороший, но непутевый. Нет, хмельного в рот не брал, как некоторые, деньги копил. Руки у него были золотые, механиком слыл отличным. Накопив и поддавшись рекламе, вложил все деньги в акции нескольких компаний. А они прогорели, акции превратились в дым. Все, кроме акций одной страховой фирмы. Фирма небольшая, акций у меня немного. Но, слава богу, хватает на оплату жилья и чтобы не умереть с голоду.

И тут старушка расплакалась. Пора было уходить...

«Поэты советские, здравствуйте!». Ниже это приветствие Амелита Рейсио Крус дает на тагальском языке. Так построена вся книга — сборник избранных произведений поэтов нашей страны. Сначала стихотворение, например, Владимира Маяковского, а рядом — перевод. Книга — плод многолетнего труда филиппинки, которая самостоятельно овладела, по ее словам, «удивительно красивым словом великой социалистической страны».

— Я ставила перед собой две задачи, — рассказывает А. Р. Крус, — познакомить филиппинцев с литературой Советского Союза, от которого нас долгое время отгораживали колонизаторы, сначала испанские, а потом американские, и одновременно оказать помощь тем, кто решил научиться читать и говорить по-русски. А таких на Филиппинах становится все больше и больше.

Это на самом деле так.

— Русско-английский словарь — бестселлер номер один, — говорит заведующая секцией справочной литературы крупнейшего в Маниле книжного магазина «Нэшнл бук стор». — Его раскупили мгновенно. Представляю, что будет, если на полки поставить русско-тагальский! А такой, я знаю, в СССР выпущен. Еще в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году.

Желание познакомиться с нашей страной, ее историей, театром, наукой, поэзией на Филиппинах растет.

Причем среди людей всех возрастов, представителей разных социальных слоев. В одном из классов в Доме советской культуры в Маниле над учебником русского языка склонились известная филиппинская писательница Норма Хапитана, служащий Манильского зоопарка Антонио Наварра, студент университета Де ла Салль Эрик Эррудо, молодой бизнесмен Нес Герерро. У всех своя цель. Н. Хапитана решила подготовить исследования по советской литературе. Работая над книгой советских поэтов, пришла к выводу, что по достоинству можно оценить их творчество, только прочитав стихи в оригинале. Студента, как это ни покажется странным, привлекла прежде всего трудность его изучения. Для Э. Эррудо это форма самоутверждения, вызов тем западным, прежде всего американским, идеологам, которые смотрят на филиппинца свысока, явно или скрыто, пытаются привить им комплекс неполноценности, о чем, кстати, говорили участники одной из студенческих конференций. Любитель животных надеется прочитать книги о советских зоопарках и дрессировщиках и тем самым расширить свои познания. А бизнесмен сказал, что связи с СССР постоянно расширяются и если сегодня не выучить русский, то завтра может быть уже поздно — обойдут конкуренты.

Русский язык начинает входить в филиппинскую жизнь. Его стали преподавать в ряде университетов и учебных заведений, где готовят кадры для дипломатической службы. В Манилу уже приехали двое советских преподавателей. Ведут обучение и филиппинцы, которые изучали русский язык в Советском Союзе. В редакции одной из центральных газет мне сказали, что в иностранный отдел приглашен человек, знающий русский.

— До сих пор, — пояснил редактор, — мы сообщаем о материалах советской печати в изложении западных телеграфных агентств. А излагаются они весьма и весьма тенденциозно. Пора знакомиться с советской точкой зрения, отражаемой вашими средствами массовой информации, из первых рук.

«Кунг наис нга кайя нанг Русо на макипагдигмаан» — так по-тагальски звучат последние две строки из стихотворения Е. Евтушенко «Хотят ли русские войны?», которое вошло в сборник, составленный Амелитой Крус. Этот небольшой сборничек пока еще написан от руки и размножен на копировальной машине. Однако

составитель (и переводчик) выражает твердую уверенность в том, что найдется издательство, которое выпустит книгу в свет массовым тиражом.

ВСТРЕЧИ С ПИТЕРОМ УСТИНОВЫМ

Он приехал на Филиппины зимой 1982 года для участия в Международном кинофестивале. Однако вскоре стало известно, что Питер Устинов возложил на себя еще одну миссию — предложил ЮНИСЕФ свои услуги, с тем чтобы изучить положение детей на Филиппинах.

Он не избегал журналистов, не обвинял их в назойливости, но и не заигрывал с ними. Предложение встретиться с прессой принял сразу. Войдя в конференц-зал филиппинского представительства ООН в Макати, Устинов тут же стал предметом пристального внимания.

Накануне приезда Питера Устинова в Манилу газеты подробно рассказали о нем, его творчестве, привычках, хобби. Окончив в шестнадцать лет Вестминстерскую школу, П. Устинов поступил в Лондонскую театральную студию. В восемнадцать он уже профессиональный артист, в девятнадцать — подающий надежды драматург (известность ему принесла пьеса «Дом раскаяния»), а в двадцать — режиссер.

Едва начав творческую карьеру, Питер вынужден был надеть военную форму. «Я прослужил в армии четыре с половиной года рядовым», — вспоминает он. Творческий расцвет Устинова наступил после войны.

В большинстве его работ комическое переплетается с трагедийным. Фильм П. Устинова «Неизвестный солдат и его жена», несмотря на кажущееся добродушное подтрунивание над солдафонами в чинах, по сути своей — гневное обличение милитаризма. «Питер, — реформатор по натуре, он хотел бы переделать мир, — сказал об Устинове его друг журналист Генри Брэндон. — Он очень обеспокоен тем, как бы нынешнее опасное развитие событий не привело мир к гибели».

Устинов, писала филиппинская «Буллетин тудей», автор восемнадцати пьес, четырех книг, восьми сценариев, он пишет статьи о политике, театре, путешествиях, странах. Он автор острых, порой противоречивых передач по радио. Отрицательно относится к «нетерпимости, фанатизму, политической трескотне, самомнению

и лени, бесполезному времяпрепровождению»; питает слабость к пластинкам (в его коллекции более шести тысяч пластинок с записями классической музыки), автомобилям (одно время в его гараже стояла дюжина машин, выпущенных в начале века).

Вместе с другими материалами местная пресса познакомила читателей со статьей Джона Нильсона из американского журнала «Тайм». Вот что в ней говорится: «Профессия Питера Устинова? Выбирайте любую, какая вам больше нравится: писатель, актер, режиссер, продюсер, музыковед. Многим запомнился Устинов в образе Нерона, Эркюля Пуаро или... Лизелотты Бетховен-Финк — австрийской певицы, исполнительницы малоизвестных песен Шуберта. Питер — обладатель нескольких почетных наград, в том числе двух „Оскаров“, присужденных ему за исполнение ролей работорговца в фильме „Спартак“ и ловкого плута в „Топкапи“».

Многогранный талант Устинова после долгого относительно «неплодотворного» периода, пришедшегося на 70-е годы, вновь расцвел. Непогодотворными эти годы считает сам Устинов, хотя другой на его месте мог бы гордиться сделанным. Он опубликовал свою автобиографию, отмеченную литературной премией, написал пьесу, снялся в десяти фильмах. «Десятая Бетховена» — девятнадцатая пьеса Устинова — с мая 1983 года идет с аншлагом в театрах Вест-Энда (район Лондона). В 1982 году он много работал на телевидении в передаче «Воображаемые друзья». Выпустил грампластинку для детей с имитацией голосов двадцати семи обитателей зоопарка.

Питер Устинов — представительный мужчина с гривой седых волос, с румянцем, низким голосом, подвижным лицом, веселым смехом.

Перед нами, журналистами, Устинов предстал несколько утомленным. Сказались, видимо, перелет, многочисленные встречи, только что закончившаяся поездка в провинцию Батангас. Сопровождавший его Роджер Тангара, представитель ЮНИСЕФ на Филиппинах, сказал, что в поездке Устинов был неутомим. Он очень интересовался положением детей на Филиппинах, не упускал возможности поговорить и с самими детьми, рассказывал им сказки. С невеселыми мыслями вернулся он в Манилу.

— Сорок тысяч детей в мире, — заметил он, — ежедневно умирают от голода. И никого это не волнует.

Наверное, эти невеселые думы, навеянные встречами с филиппинскими детьми, сильно подействовали на Питера Устинова. В зал он вошел тяжелой походкой, глаза казались усталыми, говорил медленно, думая о чем-то своем, невеселом. Устинов забыл снять гирлянду цветов, которой украсили его в Батангасе. Цветы завяли и как бы подчеркивали его утомленность. Но вот посыпались вопросы журналистов, и Устинов начал понемногу «приходить в себя».

— Борец не может долго оставаться грустным, — сказал журналист «Малайи».

Устинов говорил о детях и, как отметил один из журналистов, «занес свой меч на общество, на порядки, при которых или вследствие которых ежедневно погибают дети». Устинов подтвердил, что не терпит ханжества и лицемерия. Я именно тогда понял, почему этот талантливый человек часто подвергается нападкам буржуазной прессы, почему, например, однажды солидный английский журнал «Экономист» в оскорбительных тонах заявил, что Устинову следует запретить заниматься политикой и «применять свой талант в других областях».

Питер Устинов со свойственным ему сарказмом и в то же время серьезностью указал на ханжество проповедников буржуазной демократии, которые постоянно твердят о господстве в западном мире «чувства свободы».

— Чувство свободы, свобода мысли возможны везде, — рассуждал Устинов. — Но гораздо важнее свобода действия. Когда вы много путешествуете, то начинаете с подозрением относиться к славословиям прессы некоторых стран, потому что, если вы поверите тому, что пишут, вы просто-напросто не узнаете эти страны, когда приедете туда.

Не пощадил он и политиков Запада.

— Самая величайшая глупость, — заявил Устинов, — с какой я когда-либо встречался, — это высказывания наших политиканов, которые часто обескураживают своим невежеством... В политике нет конечных результатов, окончательных выводов. Мы очень нетерпимы к другим системам.

Он неоднократно осуждал такое отношение и всегда настойчиво проводил мысль о необходимости взаимной терпимости, соблюдения элементарных норм мирного сосуществования. В этой связи в одной из его книг про-

звучали резкие слова в адрес президента США Рональда Рейгана, решившего взять на себя роль предводителя «крестового похода» против коммунизма. Иронизируя по поводу «ковбойского подхода» Рейгана к важнейшим проблемам современности, П. Устинов пишет, что правила загона для скота... неприменимы к жизни, а особенно к дипломатии... Конфронтация стала настолько явной, что всем грозит постоянная и неумолимая опасность. И вот теперь, когда предложения о существовании отвергаются, когда краткая вспышка надежды, проявившаяся в сотрудничестве в освоении космоса и других областях, стала делом прошлого, когда соглашения о нераспространении ядерного оружия оказались заброшенными, политическая температура снижается с каждой минутой. Уже наблюдаются трещины в системе западного союза. Попытки Америки дестабилизировать советскую экономику, вплоть до того, чтобы заставить союзников США подчиниться требованиям американского законодательства, выглядят крайне неуклюжими, бестактными и по сути своей неумными.

Естественно, что в связи с этими рассуждениями вставал вопрос о России, о русских. Кого же, как не Питера Устинова, спросить об этом? Ведь среди его предков были и русские. Один из его прапрадедушек был венецианским музыкантом, другой — директором сельской школы в 100 километрах к югу от Парижа, третий — швейцарским бюргером, четвертый жил в Эфиопии и, наконец, пятый был волжским помещиком. Питер Устинов оказался англичанином по чистой случайности. Его отец, Иона фон Устинов, работал некоторое время корреспондентом одного немецкого информационного агентства в Амстердаме. Путешествуя по России, он встретил и полюбил Надежду Леонтьевну Бенуа. В Петрограде Устинов и Надя Бенуа обвенчались. Когда Иону перевели в Лондон, Надя последовала за ним. Среди родственников Питера Устинова, которые оказали влияние на формирование его характера, мы находим таких известных людей, как Александр Бенуа, художник, историк искусства и художественный критик, Сергей Дягилев (дядя Устинова), театральный и художественный деятель, создатель (вместе с А. Бенуа) объединения «Мир искусства», Катерино Кавос, композитор, один из создателей первых русских опер (прапрадедушка Устинова), наконец, Платон Устинов, канадский художник (дядя Питера).

Охотно, с явным удовольствием Питер Устинов говорил о России, о Советском Союзе. Он бережно хранил в памяти и в сердце все, что узнал о своей «второй родине» от отца, матери, родственников, и сам много раз бывал в нашей стране. Своими наблюдениями о русском характере, его особенностях П. Устинов поделился в книге «Моя Россия», вышедшей в Англии. Он считает, что этот народ способен на огромные общие усилия, при которых личное приносится в жертву общему делу, на горячую любовь к природе, что русские исключительно поэтичны¹⁷.

— Если вы хотите знать больше о Советском Союзе, о русском характере, о том, как я, представитель западной культуры, понял их, — сказал во время одной из встреч на Филиппинах Питер Устинов, — можете взять «Мою Россию».

Прслеживая развитие «пробудившегося гиганта», автор книги делится своими раздумьями об особенностях русского характера, системе социализма, преобразившей жизнь нашего народа, месте СССР в мире, международной обстановке, сложившейся к настоящему времени. Прежде всего он разоблачает полную несостоятельность раздуваемого буржуазными средствами массовой пропаганды мифа об «угрозе с Востока». Советский Союз сейчас и Россия в прошлом никогда не были источником «военной угрозы и агрессии», подчеркивает автор, напротив, этой многострадальной стране постоянно приходилось отражать попытки вторжения извне. В подтверждение этой мысли он приводит многочисленные исторические факты, рассказывает о героической борьбе русского народа против армии Наполеона, о Крымской войне, первой мировой войне, об иностранной интервенции в Советскую Россию в годы гражданской войны и борьбе советского народа против немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне. «Неужели нужны еще какие-то доказательства, — спрашивает он, — того, что русским следует находиться в состоянии постоянной готовности, а не уповать на добрые намерения Запада? Имеется гораздо больше аргументов в пользу искренности русских, заявляющих о стремлении к миру, чем в пользу доброй воли Запада. Свидетельством этому — скорбное молчание несметного числа павших. За последние двести лет Россия

¹⁷ *Ustinov P. My Russia. L., 1983.*

перенесла страдания в масштабах, неизвестных другим народам. Незванными гостями на ее земле побывали французские, британские, немецкие, польские, австрийские, итальянские, румынские, шведские, турецкие, японские и американские войска. И что же, теперь она планирует завоевание мира?»¹⁸.

Автор высказывает мысль, весьма близкую и понятную филиппинцам, о том, что не Запад, а Советский Союз должен постоянно чувствовать военную опасность, которой чревата для него сейчас стратегическая ситуация в мире.

Взять, например, сеть американских военных баз у границ Советского Союза, отмечает он. Какие чувства испытывали бы американцы, окажись по аналогии военные базы другой стороны, скажем, «на юге Канады, вдоль большей части мексиканской границы и в различных районах Карибского моря?.. Стоит ли удивляться тому, что Советский Союз делает все возможное в нынешних условиях, чтобы не быть застигнутым врасплох?.. Те, кто считает, что вооруженность Советского Союза превосходит его нужды, полагают, что честь и моральные устои западного союза вне всяких подозрений. Однако не существует никаких исторических или этических оснований, которые убеждали бы в этом русских. С их точки зрения, Запад предпринимает максимальные усилия, чтобы оказать на них военное и экономическое давление с целью затормозить развитие СССР и держать его в положении обороняющейся стороны»¹⁹.

Давая оценку международной обстановке, Питер Устинов замечает, что политический курс, который США навязывают своим союзникам, встречает отнюдь не «единодушную поддержку». В этой мысли он утвердился и здесь, на Филиппинах, где, несмотря на американское засилье, все громче и громче звучит голос протеста против авантюристской политики Пентагона.

Вскоре после визита Устинова на прилавках книжных магазинов Филиппин появилась «Моя Россия». Книга имела огромный успех и была раскуплена мгновенно. Позиция автора, внимательного, объективного, непредвзятого наблюдателя, помогла многим филиппинцам «проникнуть в тайны русского характера, — как отметил один из журналистов, освещавших пребывание на

¹⁸ *Ustinov P. My Russia*, с. 7, 8, 211—212.

¹⁹ Там же, с. 215, 218, 219.

«Филиппинах Питера Устинова, — увидеть его весьма привлекательные черты и убедиться, сколь нелепо приписывать терроризм русским, сколь дико представлять его как стержень и основу русской души». На Филиппинах благодаря Питеру Устинову еще раз увидели и ощутили нелепость мифов о советской военной угрозе. еще раз поняли, откуда на самом деле она исходит.

Филиппинцы внимательно следят за деятельностью и выступлениями Устинова. Однажды в одной из передач манильского телевидения, озаглавленного «Против ядерного безумия», были приведены слова, сказанные на встрече участников Иссик-Кульского форума с М. С. Горбачевым: «Есть принципы личной гигиены, они хорошо известны. Если поранишь палец и не вылечишь рану, то заболит кисть руки. Если не начать лечить, зараза пойдет по всей руке, до плеча, а если и это проигнорировать, то можно и умереть. Теперь, очевидно, надо всем довести до сознания, что человечество требует от нас такого же отношения, как и наше собственное тело. Если ты живешь на ладони у судьбы, то не надо думать, что люди, которые живут на пальцах ноги, очень далеки от тебя»²⁰.

ХИРУРГ «ИЗ ХАРЬКОВА»

Пожарник умирал. Медицинская сестра, глядя на изуродованного человека, плакала. Но сделать ничего не могла, точнее, не имела права: прежде чем разрешить внести носилки в приемный покой, она должна была потребовать деньги за лечение или хотя бы залог. Денег ни у отца пожарника, ни в кассе пожарной части не было. У тех, чье имущество опасал от огня человек, деньги имелись. Чек в оплату за использованную на тушение воду был выдан немедленно. А больше — ничего. Перед умирающим захлопнулась дверь в спасение, в жизнь. Его возили из больницы в больницу, но везде — одно и то же: большинство филиппинских больниц — частные. И вот тогда кто-то из отчаявшихся родственников вспомнил: «Есть же хирург из Харькова! Немедленно к нему!»

Это была сенсация. Спасти человека, который по-

²⁰ Запись беседы М. С. Горбачева с участниками Иссик-Кульского форума. — Коммунист. 1986, № 16, с. 7.

терял более семидесяти процентов кожи! Да еще после того, как с момента «поражения огнем» прошло без всякой помощи пострадавшему слишком много времени. К тому же врач не потребовал денег перед тем, как взялся за скальпель. Вот почему на другой день к Рене дель Кастильо-Валерио ринулись журналисты. Надо отдать должное большинству из них: залогом успеха они сочли не только мастерство хирурга. Хотя и оно удивляет: ведь Рене всего тридцать лет. Дело в том, что среди части современных «сыновей Эскулапа» на Филиппинах господствует дух наживы, своеобразного социального и духовного эгоизма. Поэтому, подчеркивая благородство Рене, бескорыстие, самопожертвование, газетчики вспомнили немало случаев, когда на пороге больниц погибали роженицы и появившиеся на свет младенцы, что за единственную таблетку от боли в животе надо отдать столько, сколько стоит килограмм риса — обед для целой семьи... Конечно, писал один из обозревателей «Буллетин тудей», вся система здравоохранения нуждается в ломке, которая была бы частью общих глубоких социальных преобразований. Но ведь многое зависит и от самих врачей. Сегодня «утечка» медицинских кадров из Филиппин приобрела гигантские масштабы. Остающиеся врачи стремятся взять с больного все, чтобы сколотить себе состояние. «Этому дьяволу наживы, — говорил заместитель директора филиппинского противотуберкулезного общества, — продали души многие выпускники медицинских факультетов. Во-первых, потому что вышли из семей, где этот дьявол был божеством, и, во-вторых, вследствие того что атмосфера многих вузов определяется преподавателями, которые убеждают студентов в том, что врач-де вне родины, что болезни универсальны, наднациональны, космополитичны. Врач, мол, везде нужен, везде полезен, независимо от того, где он врачует, — все идет на пользу человечеству в целом».

Вот почему вопросы к Рене дель Кастильо журналисты задавали, исходя из этих позиций. Рене рассказал о себе, о своей семье. Дед его, Матео дель Кастильо... Внук достает альбом со старыми фотографиями. Вот Матео дель Кастильо перед уходом на демонстрацию. До сих пор в Маниле помнят ее. Сентябрьским утром 1945 года собралось около шестидесяти тысяч человек. В основном крестьяне из Центрального Лусона и рабочие Манилы. Взметнулись лозунги: «Президент Трумэн,

дайте нам независимость!», «Назначить на правительственные посты тех, кто боролся против японцев!», «Дайте крестьянам семена и землю!», «Заработная плата должна соответствовать стоимости жизни!». Под проливным дождем демонстранты вышли на площадь Гипит, где состоялся митинг. Одним из ораторов был коммунист Матео дель Кастильо. Возгласами одобрения, аплодисментами встретили речь признанного вождя сельских тружеников.

— Дед,— с гордостью говорит Рене,— стал одним из основателей первой на Филиппинах боевой крестьянской организации — Национальной конфедерации крестьян. Но он не только поднимал движение угнетенных масс деревни, но и много сил отдавал укреплению союза их с рабочими.

Власти не удивились, когда бывший землевладелец (он раздал всю свою землю крестьянам) открыл в Тондо «кариндерию» (ресторан). Надоело, видно, быть бедняком. Но это была новая спираль в борьбе, начало нового этапа. Ресторан стал местом встречи революционеров, либералов, демократов, коммунистов. Они обсуждали планы действий, направленных на защиту интересов трудящихся. Рене воспитывала Генероса Росинто, любимая бабушка, вдова Матео дель Кастильо. Воспитывала на рассказах о нем.

— Я хотел стать художником,— продолжал хирург.— Мечтал создавать и защищать красоту, радоваться ей. Хотел, чтобы красота стала моей профессией, потому что хотя бы, что, как я считал, она стала моей идеологией. У меня неплохо получались пейзажи, особенно я любил рисовать цветы и пальмы. Мне хотелось быть похожим на художника и патриота Хуана Луна, который внес великий вклад в утверждение национального сознания именно своими картинами, пейзажами. Однако, когда наступил день окончательного решения, я выбрал медицину, чтобы в дальнейшем взять в руку скальпель.

В моих руках врача — специалиста по пластической хирургии он должен был стать и кистью художника. Вчера я с его помощью спас не только жизнь человеку, но и его красоту. Красота — это гармония, она несовместима с болью, с несправедливостью в любой форме, ибо несправедливость приводит к самому тяжкому уродству, моральному и физическому. Поэтому я очень благодарен советским преподавателям, однокашникам за науку, за доброе отношение к моей стране.

— В чем это выразалось? — спрашивает журналист, который как раз много писал в манильских газетах о моральной и идеологической атмосфере в филиппинской студенческой аудитории.

— Пожалуй,— сказал Рене,— я нигде и никогда больше не слышал столько добрых слов о Филиппинах, сколько услышал их в Харькове, когда учился там в медицинском институте. В советском вузе студента-иностранца никто не стремится отлучить от родины. Наоборот, нас учили там постоянно думать о своем народе, о том, как облегчить его судьбу, страдания людей. За это я благодарен своей первой учительнице в СССР — Ольге Степановне (она учила меня русскому) и президиуму торжественного собрания, который вручил мне вот этот диплом.

Зазвенел телефон — вызов на операцию.

— Сегодня еще одна, трудная,— сказал он.— Рак. Опухоль на лице.

Спустя несколько дней я узнал, что операция закончилась успешно.

— За хирургом из Харькова записана еще одна победа,— сказала секретарь Ирма Сентена.— А Рене? Его нет. Он уехал в Тондо проводить занятия по раннему распознаванию раковой болезни.

В доме филиппинца есть особенно почитаемое место. Там помещается либо изображение Христа, либо грамота, удостоверяющая право на владение землей, либо фотография знаменитого родственника. В большой семье Рене дель Кастильо-Валерио на этом месте находится диплом Харьковского медицинского института.

ФИЛИППИНСКАЯ МАША

— Вот она, наша Лиза,— улыбнулась Сусан Макуха, представляя дочь, худенькую, ниже среднего роста девушку.— На крестинах почти двадцать пять лет назад ей дали имя, которым часто называют русских детей. А в Ленинграде на ее творческих «крестинах» она стала Машей.

Сама Сусан Макуха с раннего детства мечтала быть балериной. Ей удалось поступить в балетную школу. Преданность мечте, желание выразить себя в классическом танце, упорный труд вот-вот должны были

вывести девушку на желанную сцену. Но тут последовал суровый окрик. Представитель Ватикана на Филиппинах — папский нунций объявил балет «безнравственным времяпрепровождением», а занятие им «бесстыдным и непотребным».

Шли годы, но любовь к балету не угасла. И когда у Сусан родилась первая дочь, мать подумала, как красиво прозвучало бы со сцены имя «Лиза», а на афишах внимание всех привлекло бы «Лиза—Бутуин», по-тагальски «звезда».

Первые месяцы, даже годы Лиза ходила в школу танцев (впоследствии Танцевальный театр Филиппин) без особого интереса. Однако благодаря увлеченному педагогу Фелиситас Радаичу, благодаря матери, страстно желавшей увидеть в дочери осуществление своей мечты, Лиза по-настоящему, глубоко и серьезно увлеклась балетом. Немалую роль сыграл и отец. Преуспевающий бизнесмен, обладающий способностью угадывать в людях «божью искру», Сезар Макуха всячески поощрял желание дочери, решив для себя, что если не удастся Лизе стать звездой, то уж преподавателем балета она станет вне всякого сомнения. А это неплохое поле для бизнеса, гораздо более надежное, чем многое другое. И вот после окончания средней школы и школы танцев встал вопрос, где продолжить обучение балету — в Соединенных Штатах, Великобритании или в Советском Союзе. После многих семейных советов выбор пал на Ленинград.

Когда Лиза вместе с другой филиппинкой, Мари Анной Сантамария, предстала перед членами приемной комиссии Ленинградского хореографического училища им. А. Я. Вагановой, она очень волновалась. Еще бы, Лиза находилась в стенах, откуда вышли звезды первой величины. Конечно, ее подготовка не соответствовала требованиям училища. Однако члены комиссии обратили внимание на данные филиппинки, на ее страстное желание добиться поставленной цели. А главное, они понимали, что училище, взяв на себя нелегкий и ответственный труд по воспитанию балерин, внесет свой интернациональный вклад в развитие искусства и культуры далекой страны, в укрепление советско-филиппинских отношений.

Итак, учеба началась. Что было самым трудным в Ленинграде? Лиза задумалась над вопросом, машинально листая альбом с фотографиями, запечатлевшими ее

вместе с сокурсниками на улицах Ленинграда, на майской демонстрации, у костра. Окинув взглядом комнаты своего манильского дома, оклеенные афишами Кировского театра, она сказала:

— Конечно, сама учеба, постижение мастерства пошли легче после преодоления языкового барьера.

Лиза увлеклась историей России. И все это время занятия, занятия и занятия в классе. До изнеможения. Обычно балетные тапочки Лиза «станцовывала» за неделю. Что же помогало выдержать этот ритм?

— К нам, филиппинкам, к другим иностранцам,— отвечала она манильским журналистам,— относились так же, как ко всем остальным студентам. Одинаково. Без всякого различия.

— А все-таки как? — настаивали корреспонденты.

— Моя наставница Татьяна Александровна Удаленкова,— сказала Лиза,— все отдает ученикам. Она относилась ко мне по-матерински, настолько прониклась всеми сильными и слабыми моими сторонами, что, казалось, я и она — одно целое.

И вот Лиза слышит первые восторженные аплодисменты. Ее «снежинка» на новогоднем празднике всех очаровала. Потом па-де-де из «Дон-Кихота», вариации из «Корсара» и, наконец, Маша в «Щелкунчике». Как раз после этого спектакля В. Федотов, дирижер оркестра Кировского театра, стоя с Лизой на сцене и принимая аплодисменты восторженных зрителей, сказал ей:

— Сегодня я увидел, что родилась еще одна замечательная Маша, увидел рождение балерины.

Взыскательная ленинградская театральная общественность разделяет это мнение. «Ярко, истинно празднично», «великолепно исполнена одна из прекраснейших партий русского балетного репертуара», «дыхание жизни и свежесть красок» — такими лестными фразами пересыпаны рецензии о спектаклях, в которых блистала Лиза Макуха. При этом отдается должное и партнерам Лизы, одним из которых был сокурсник из Казахстана Бахытжан Смагулов. Вместе с тем устами критика высказывалось пожелание, чтобы закалка филиппинского таланта классикой продолжалась. Необходимость этого Лиза понимает. И когда ей сообщили о предложении присоединиться на какое-то время к труппе Кировского театра, юная балерина расплакалась от радости.

Слава из Ленинграда докатилась до Манилы мгновенно. Звезда, родившаяся на берегах Невы, но при-

надлежавшая Филиппинам, вызвала здесь гордость, удовлетворение и огромный интерес. И не только в кругах театральной общественности, но и, как это ни удивительно, среди представителей деловых кругов. Долгое время Манила придерживалась односторонней ориентации на Запад. Теперь этот крен начинает, пусть понемногу, выпрямляться. «В данном случае,— подчеркнул один из бизнесменов,— это пример щедрости и готовности поделиться всем лучшим, ведь исполнить па-де-де — это не дергаться в ночном клубе». Кроме того, в том, как принимали зрители Лизу Макуху в СССР, видится общая атмосфера, царящая в стране,— политическая, психологическая, национальная,— атмосфера, лишенная предубеждений расизма, полная доброжелательства и приветливости. А это ободряюще действует на филиппинских бизнесменов, никогда не имевших дела с Советским Союзом.

— В Маниле не все встретили меня радушно и приветливо,— продолжала Лиза, некоторые однокашники даже отворачивались...

Ничего в этом удивительного нет. Семья Макухи — это частичка филиппинской буржуазии. И когда она приняла решение о дальнейшей учебе Лизы в СССР, многие из того круга, который именуется «цветом общества», или, по-старому, «высшим» светом, удивились: «Как, не в Сан-Франциско, не в Лондон!? В Ленинград? К коммунистам?»

Конечно, Лизе нелегко было привыкать к новой жизни — ведь в студенческом общежитии у нее не было слуг, поварих, личной охраны. Таков образ жизни в Советском Союзе. Театральные и нетеатральные критики, однако, отметили, что Лиза без слуг не страдала, а домой вернулась более сознательной патриоткой своей страны. Приехав домой, она поспешила в свою школу и попросила выделить ей группу девочек, чтобы научить их всему, чему выучилась сама в Ленинграде.

На каждое занятие класса Лизы Макухи приходят много зрителей. Родители приводят своих друзей, соседей, сослуживцев.

— Хоть бы одним глазом посмотреть на знаменитый Кировский,— говорит мама десятилетней Селесты Африки, самой младшей в группе.— Ведь Лиза — это уже Кировский.

Всего в группе десять человек. Одну из лучших учениц зовут Бутуин. Знакомимся. Девочка говорит:

— Я тоже была уже Машей... в «Щелкунчике». На нашей школьной сцене. Правда, мисс Маша?

— Ты прекрасно танцевала,— улыбнулась Лиза.— А теперь за работу.

И по-русски:

— Раз, два, три...

Юные балерины ничуть не удивились. Дружно, все вместе они начали урок. Через несколько дней в Культурном центре Филиппин поднялся занавес, и ученицы Лизы Макухи исполнили танец, подготовленный по системе училища имени А. Я. Вагановой.

«ВИШНЕВЫЙ САД» НА ФИЛИППИНАХ

Высотное здание в деловой части Манилы. Никаких излишеств, никаких украшений. Никаких эмоций, только дело — этой идее была подчинена фантазия архитектора, которой позволили выразиться лишь в строгих линиях бетона, из него, кажется, целиком отлит весь дом. Поэтому необычно выглядел фронтон здания, где находится одна из штаб-квартир филиппинского делового мира,— рядом с филиппинским поднялись флаги Советского Союза, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии. Здесь открылся семинар на тему: «Расширение торговли между Филиппинами и социалистическими странами». Уже в фойе перед конференц-залом стало понятно, что разговор предстоит серьезный. На столах и стендах — плакаты, проспекты, диаграммы, таблицы с перечнем товаров, фотографии станков и т. д.

Сверх ожиданий семинар сразу перешел в разряд важнейших событий, привлек самое пристальное внимание общественности и делового мира не только Филиппин, но и других стран АСЕАН.

— Почему я бастую? — переспросил коренастый мужчина.— А что делать? Никогда не думал, что пойду по миру. В нашей стране на островах, где с любой точки до моря рукой подать, казалось, нет профессии надежнее, чем моя. Я — рыбак. Плавал на сейнере «Кейп код». А вот, видите, без работы. Судно продано иностранцам, а меня и других выбросили на берег.

Выброшенных на берег становится на Филиппинах все больше и больше. Только по официальным данным, они составляют около 25 процентов работоспособного

населения страны. Одновременно стремительно растут цены на продукты массового спроса, такие, как рис и растительное масло. Напротив корпункта «Правды» начало строиться многоэтажное здание. Воздвигалось оно стремительно — вот-вот оденется в рекламы, за-сверкает огнями. И вдруг — стоп! Остановилась стройка. Ушли рабочие. Сейчас здание являет собой печальное зрелище. В результате экономических трудностей, кризисных явлений было принято решение о замораживании строительства ряда крупных предприятий, с которыми связывали планы и надежды на выход из многих экономических тупиков. В деревне, как отмечали газеты, захлебнулась аграрная реформа, и достижение целей, кстати, весьма умеренных, отодвинулось на неопределенный срок.

Одновременно наблюдается процесс «духовного разочарования». Он выразился в кризисе доверия к теориям «семейного капитализма» (по утверждению его теоретиков, расширенная азиатская семья — это уже готовый коллектив, самой природой организованная группа людей, которые могут обеспечить высокую производительность труда на практически любом предприятии, прежде всего на мелком. Однако законы семьи, как уверяют сторонники теории, могут быть перенесены из кустарных мастерских на современные капиталистические предприятия), «революции из центра» (во избежание насилия, во имя классового мира реформы должны проводиться правящими классами, «сверху, а не снизу»), «равного распределения благ и доходов» при сохранении права частной собственности на средства производства, другим подобным моделям для развивающихся стран, обязанным своим рождением Западу. Более того, растет недовольство самим Западом, прежде всего Соединенными Штатами, ибо стало абсолютно очевидно, что они играют на Филиппинах не созидательную, а разрушительную роль. Журналистка Нинес-Качо Оливарес на страницах авторитетной газеты «Бизнес дей», выражающей мнение широких кругов общественности, пришла к выводу: «Америка прекрасная остановила развитие Филиппин, она вкладывает капитал лишь для того, чтобы выкачивать сверхприбыли, а если говорить проще, грабить страну». Одним словом, не получается обещанный рай на рельсах «свободного предпринимательства». Даже «американского образца», а «витрина свободного мира в

Азии», которую обещали создать Соединенные Штаты, пугает своими зловещими «экспонатами»: болезни, преступность, безработица. Положение миллионов филиппинцев нельзя назвать иначе, чем отчаянным.

На одну из причин определенно указали филиппинские участники семинара: односторонняя ориентация на Запад. Она сложилась исторически, в результате длительного господства США над Филиппинами. Иностранные монополии препятствовали развитию отношений с социалистическими странами, не позволяли это делать и филиппинские официальные круги, считавшие, что смотреть следует только на Запад. Последствия такой экономической политики дают о себе знать. Их используют американские монополии в решимости сохранить в стране свое влияние. Попытки националистических сил хотя бы ослабить мертвую хватку монополий наталкиваются на сопротивление американской военщины, которая, как показала жизнь, бдительно стоит на страже интересов доллара. Одновременно империалистическая пропаганда, как уже говорилось, всеми силами и средствами убеждает (и кое-кого сумела убедить) в том, что только в капиталистической системе хозяйства Филиппины и другие страны, будучи даже на второстепенных ролях, обретут счастье, выйдут на путь процветания. Но кризисные явления на Западе тяжелым эхом отозвались на молодых национальных государствах. Разрушительные последствия усугубились тем, что иностранные монополии принялись решать собственные трудности за счет своих «младших партнеров», в том числе и Филиппин. Или, как сказал один из участников семинара, «спасать свое счастье, умножая несчастья и без того бедствующих других».

В такой ситуации вполне естествен дальнейший поворот в сторону социалистических стран. Тем более что опыт развития торговых и экономических отношений уже имеется. «А ведь в каждой шине этого трактора есть, может быть, капелька, если не этой вот гевеи, то других,— сказал Тунку, ловко управляя «Беларусью».— Нам нравятся здесь, в Малайзии, ваши трактора, а как вам наш каучук?..»

А вот уже не малайзийская плантация с ровненькими, как спички, гевеями, а просторный манильский офис Филиппино-советской компании (ФилСов). Свое фактическое рождение она ведет от 31 декабря 1974 года, когда в Манильской гавани бросил якорь «Перекоп»,

теплоход Черноморского пароходства. Один из директоров и президентов ФилСов, Виктор Александрович Кутепов, капитан, избородивший все моря и океаны. Прежде чем, по его словам, стать «советским бизнесменом», рассказывал:

— Что такое ФилСов? Это смешанная компания. Шестьдесят процентов капитала принадлежит филиппинцам. Сорок — внешнеторговому объединению «Совфрайт». Для ведения повседневных дел создан штат, набранный здесь, на Филиппинах. Имеются отделения во многих филиппинских портах. У компании нет своего флота. Ее функция состоит в том, чтобы, учитывая потребности Филиппин в осуществлении экспортно-импортных операций, найти для советского судна груз и организовать его перевозку.

Сегодня, пожалуй, нет на земном шаре крупного порта, куда бы ни заходили суда со всевозможными грузами, перевозимыми Филиппино-советским обществом. Местные бизнесмены увидели выгоду использования услуг компании и в том, что ставки фрахта советских судовладельцев, которые при заключении сделок требуют от ФилСова исходить из принципов взаимной выгоды, реальных условий, соблюдения международных обязательств и т. д., зачастую оказываются несколько ниже американских и уж, во всяком случае, не выше.

— Совместная компания, — говорит ее управляющий, вице-президент г-н Алекс Танвангко, — много сделала для развития экономики Филиппин. В лице советского торгового флота мы нашли надежного партнера. Судовладельцы с Запада раньше беззастенчиво давили на нас. Теперь мы можем разговаривать с ними по-другому. Я имею в виду не только нас, ФилСов, но и те филиппинские компании, которые пока не пользуются нашими услугами. Мы приобрели средство, с помощью которого сдерживаем алчные аппетиты многих судовладельцев. Кроме того, ФилСов стал хорошей школой для многих филиппинцев. Его опыт и знания пригодятся нашему будущему торговому флоту. Если быть откровенным, мы боялись идти на создание ФилСова. Уж очень устоялись в нашем сознании искаженные представления о вашей стране. Теперь мы довольны. Сотрудничество с вами на морских дорогах дало положительный эффект. Трудно представить, сколько мы сэкономили валюты! А самое главное,

ФилСов — это ступень в развитии всесторонних отношений между Филиппинами и СССР.

Итак, опыт, хотя и небольшой, убедительно свидетельствует о том, что в лице социалистических стран развивающийся мир имеет справедливых, доброжелательных партнеров. Более того, как отмечалось на семинаре, развитие отношений с СССР ускоряет создание и развитие жизненно важных отраслей промышленности и хозяйства, что способствует укреплению политической независимости. Наконец, народы бывших колоний привлекает тот факт, что политика СССР, как и других социалистических государств, ориентирована на поддержку усилий развивающихся стран по преодолению отсталости, на упрочение мира, а не на войну.

Практически по тем же изложенным выше причинам все чаще филиппинцы, особенно молодые, начинают обращаться к духовной жизни социалистического мира. За последние годы возрос интерес к искусству и культуре нашей страны, который воплощается в осязаемые, материальные формы. Если всего несколько лет назад в СССР лишь проездом побывали единицы, то сегодня к нам едут из Филиппин учиться. Среди них выпускница Московской консерватории Ровена Арриета, завоевавшая пятое место на конкурсе им. П. И. Чайковского, уже упоминавшаяся Лиза Макуха с блеском выступившая на сцене Кировского театра в «Щелкунчике» (манильские газеты поместили восторженные статьи с благодарностью советским преподавателям, пекущим филиппинские таланты). Многие поделились своими впечатлениями об СССР в письмах в газету. «Я совершил экскурсию в Ленинград,— пишет студент МГУ А. Ламадрида,— и был поражен этим историческим городом. Настоящий музей. Здесь много замечательных мест. Одно из них — известный Эрмитаж. Другой музей, о котором бы хотелось сказать,— это Русский музей.

...На Украине я видел великолепнейшие церкви и соборы византийского стиля, исторические памятники и парки. В городе Львове есть фабрика, которая работает на филиппинском сырье — волокне из абаки...»

Родственники А. Ламадрида решили, что письмо должны прочитать и другие филиппинцы, поэтому они послали его в «Метро Манила таймс». В свою очередь, комментируя «документ очевидца», сотрудник газеты Жюльет Ривера добавляет: «Эта информация, вне вся-

кого сомнения, представит большой интерес для филиппинских предпринимателей Бикола и других районов страны, где выращивается абака».

Уверен, что для многих филиппинцев эта новость была неожиданной. На упомянутом семинаре, на котором собрались люди образованные, знающие и много путешествующие, сообщение о том, что большая часть СССР находится за Уральским хребтом, то есть в Азии, было встречено гулом удивления и восторга. Вероятно, некоторые страны Юго-Восточной Азии находятся на стадии узнавания Советского Союза. Отсюда глубокий интерес ко всему, что связано с СССР. Учитывая это, общественные организации, частные фирмы и компании организуют выступления советских артистов, выставки советской книги, демонстрации советских фильмов. Концерты артистов Украины, Казахстана на открытой эстраде манильского парка Рисаль собрали тысячи людей. Среди зрителей были и владельцы роскошных лимузинов, и безработные.

Как-то газеты в нескольких строках сообщили, что в городе Давао, на далеком острове Минданао, силами в основном учащихся и преподавателей женского колледжа поставлена пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад». Уже само по себе место, где состоялся спектакль, — необычно. На Минданао нет мира. Люди не отвыкли от звона клинков и свиста пуль. Мусульманское население подвергается дискриминации со стороны верхушки христианской прослойки, особенно чиновников-христиан. В последние годы усилился натиск иностранных корпораций. Расширяя плантации под экспортные культуры, они сгоняют крестьян с их земель. Поэтому не прекратились на Минданао вооруженные столкновения, хотя новая администрация выразила готовность обеспечить там мир.

Конечно, забавно было видеть сапоги на высоких каблуках и с молнией сбоку, косоворотку, ничего общего не имеющую с русской рубахой. Но не это главное. Спектаклю и артистам аплодировали, вызвали на «бис», а потом ни артисты, ни зрители долго не расходились.

После спектакля я встретился с артистами и попросил их поделиться мыслями о спектакле и своей роли в нем. Арасели Уилар, исполнительница главной роли, преподавательница начальных классов, мать четверых детей, сказала:

— В мадам Раневской я в какой-то степени вижу себя, некую безысходность, возможно, потому, что сама ощущаю ее. Как Чехов мог угадать мои настроения, мои мысли?..

В свою очередь, я подумал, как филиппинке удалось понять русского писателя?

— Трофимов чрезвычайно близок мне,— поделился своими мыслями Мануэль Ярра, студент юридического факультета университета Атенео де Давао.— Я такой же идеалист, как и он. Нами часто пользуются люди недобрые. Льстивыми речами или рассуждениями о прекрасном нас можно ввести в заблуждение. И все-таки, идеалисты — носители добра, любви. Я уверен, что в таком русском ученом, как Миклухо-Маклай, который жил среди аэта, было немало от Трофимова.

Ромео Кустодио, врач, вице-президент Ассоциации ведущих консультантов-медиков, исполнитель роли Симеонова-Пищика, отец четырех детей, сказал:

— Как психиатр, я давно хочу разобраться во внутреннем мире землевладельцев. Что заставляет их быть жестокими по отношению к простым людям, что делает их бескомпромиссными шовинистами или узколобыми националистами, а это и тех и других в конце концов заставляет преклоняться перед японскими или американскими капиталистами. Работа над «Вишневым садом», знакомство с Чеховым помогли мне многое понять.

— Я всегда придерживалась убеждения,— сказала декан колледжа Грасия С. Конде,— как бы обобщая все, о чем говорили артисты,— что актерская работа — не просто ради актерства, это своего рода накопление и усвоение опыта прошлого, в то же время она помогает понять происходящее сегодня. Участники спектакля «Вишневый сад» показали людям, что можно найти выход из мира страданий и дорогу в мир счастья.

— Что такое для нас «Вишневый сад»? — говорит критик и искусствовед Хосе Сантос.— В пьесе, как уже здесь говорили, филиппинцы во многом узнали свои нынешние Филиппины. Стремление русских людей к социальной справедливости в начале века характерно для филиппинцев наших дней. Пьеса рассказывает о трагической судьбе уходящего класса дворян-помещиков.

Помолчав, он продолжал:

— Мы приходим к убеждению: как нет азиатской или африканской математики, так нет азиатской или

африканской справедливости. Законы жизни едины для всех. В Советском Союзе это хорошо понимают. Вот то главное, что вызывает интерес к вашей стране, вот почему здесь, на Филиппинах, мы поставили Чехова.

Лозунг «установить отношения со странами социалистического мира» был поднят задолго до установления дипломатических отношений между двумя странами, в первые же годы после победы Октябрьской революции. Несмотря на «железный занавес», которым Соединенные Штаты отгородили Филиппины от Советского Союза, на архипелаг проникала правда о жизни первого в мире социалистического государства. Прогрессивные деятели всеми путями стремились рассказать соотечественникам, как воплощается в жизнь учение марксизма-ленинизма. Часто за это платили свободой, жизнью. Не щадила реакция и выступавших за знакомство с культурой народов СССР в целях расширения духовных горизонтов филиппинца, обогащения его ума и сердца. И конечно же, установление дипломатических отношений стало значительным шагом на пути развития советско-филиппинских связей.

Вскоре после прибытия в Манилу в 1980 году у меня состоялось несколько встреч, бесед в министерстве иностранных дел Филиппин.

Мы неизбежно, сказал мне один филиппинский дипломат, должны были пересматривать многие аспекты внешней политики. Ведь она формировалась в условиях колониализма и унаследовала многое от тех времен. Избавиться от американского стереотипа не представлялось возможным. Играл роль даже тот факт (при этом дипломат вызвал секретаря и попросил принести список сотрудников МИДа, которые работали в день провозглашения независимости), что все чиновники нашего ведомства получили образование в вузах США. Принесли список, и я наглядно убедился в справедливости сказанного: против каждой фамилии значилось: закончил Гарвардский университет, Чикагский, курсы в Сан-Франциско...

Однако такое положение дел не могло продолжаться долго. Тем более оно все чаще и чаще приходило в столкновение с интересами нации. Дипломатическая служба стала проводить в жизнь принятые правительством решения развивать политические и экономические связи в мире, а также пересматривать «особые» отношения с Соединенными Штатами. Наиболее яркий пример

новых веяний — сближение с социалистическими странами.

— Новый курс дался нелегко, — вспоминал дипломат, — необходимо было преодолеть навязанную американцами «жесткую позицию» по отношению к этим государствам. Но разум, если хотите, прагматизм, победили.

К осени 1973 года были установлены дипломатические отношения с некоторыми социалистическими странами. А в 1976 году — с СССР.

ДВОРЕЦ И ХИЖИНЫ

Дворец Малаканьянг, что в переводе означает «Дом большого вождя», не узнать. Раньше стоял он, окруженный солдатами, отдававшими честь черным лимузинам. Сегодня здесь толпы людей, вдоль чугунной ограды расположились торговцы водой и фруктами. Постоянно подъезжают пассажирские грузовички с провинциальными номерными знаками. Дворец, превращенный решением нынешнего президента в «народный музей», зажил новой жизнью. Много перемен произошло в стране после февральских событий 1986 года.

Однако кризисная ситуация в экономике сохраняется. Тяжелым бременем продолжает висеть на ней внешний долг. А между тем нужда в финансах, естественно, не уменьшилась. Частично ее надеются удовлетворить за счет тех средств, которые незаконно, путем взяток, казнокрадства, всякого рода махинаций, были присвоены и вывезены за границу некоторыми высшими деятелями прежней администрации, а также дельцами, нажившими их нечестными путями. Поэтому всеобщую поддержку вызвало, как и прежде, объявление о борьбе с коррупцией. На первых полосах газет было опубликовано, например, сообщение о том, что Лусио Тана, одного из «сигаретных и пивных королей», заставили выплатить пошлину за ввезенные им ранее беспошлинно японские грузовики. Опасаются быть пойманными за руку и иностранные компании, которые с помощью взяток прокладывают себе путь на Филиппины, покупают право на грабеж природных и эксплуатацию людских ресурсов страны. В центре внимания становятся и многие другие вопросы. Например, что делать с «белыми

слонами»? Так филиппинцы называют престижные сооружения, на которые прежняя администрация тратила огромные суммы из бюджета. Они строились для приема высоких гостей, съедая огромные средства, которые могли бы пойти на строительство жилья для бездомных, а их на архипелаге немало. По данным газет, в стране из каждых десяти филиппинцев семь живут ниже черты бедности.

Полным ходом идет перестройка государственного аппарата. Ликвидированы некоторые министерства и созданы новые, среди членов кабинета только двое сохранили за собой посты. На первом этапе многие мэры городов, губернаторы были временно заменены исполняющими обязанности чиновниками (до выборов в местные органы власти). Серьезные перестановки осуществляются в вооруженных силах. Приветствуя намерение оздоровить армию за счет увольнения скомпрометировавших себя генералов и офицеров, общественность вместе с тем высказывала пожелание, чтобы армия перестала играть роль орудия подавления внутреннего недовольства.

Много сложных проблем унаследовало новое руководство. Это прежде всего нерешенность аграрного вопроса. Крупные землевладельцы и иностранные компании продолжают сгонять крестьян с земли, нещадно эксплуатировать их; протест подавляется с помощью частных армий землевладельцев и многонациональных корпораций. Нерешенной остается проблема пятимиллионного мусульманского населения, живущего в основном на юге Филиппин. Заявления президента Акино решить национальный вопрос встречены прогрессивной общественностью с энтузиазмом. Положительный отклик вызвало решение президента об освобождении из тюрем политических заключенных.

Постепенно на арену политической жизни стали выходить и вопросы внешней политики.

— Конечно,— сказал в беседе с автором этих строк Х. Д. Лапус, профессор международных отношений университета Св. Фомы,— американское направление в международном курсе Манилы останется преобладающим. Однако на Филиппинах многие выступают за отказ от односторонней ориентации только на Запад.

Дипломаты, представляющие в Маниле страны АСЕАН, выражают надежду на то, что мы еще активнее станем укреплять связи внутри Ассоциации, решать

свои экономические трудности в какой-то степени за счет тех неиспользованных резервов, которые кроются в кооперации и сотрудничестве в рамках АСЕАН. Например, Малайзия и Таиланд, говорят мои коллеги-экономисты, могли бы удовлетворить потребности страны в некоторых продовольственных продуктах, что избавило бы от необходимости идти на поклон к США, Японии, странам «Общего рынка», Международному валютному фонду. С глубоким удовлетворением мы приняли заявление министерства иностранных дел о том, что новое правительство намерено пересмотреть свою политику по вопросу хранения ядерного оружия на базах США на Филиппинах и присутствия в регионе кораблей с ядерным оружием на борту. Продолжает настойчиво звучать призыв к развитию отношений с Советским Союзом, другими социалистическими странами. Не считаться с этими настроениями невозможно.

Сразу же после прихода к власти К. Акино в марте 1986 года состоялась первая экскурсия в президентский дворец. Билеты были распространены прежде всего в рабочих кварталах столицы.

После того как люди вышли из «дома большого вождя», я подошел к экскурсоводу одной из групп Хоселите Бенитес, студентке манильского педагогического колледжа.

— У меня в группе прачки, уборщицы улиц, рыбаки,— рассказывает гид.— Конечно, они были поражены роскошью жилых помещений, дорогими туалетами хозяев дворца. Они смотрели на портреты в тяжелых золоченых рамах тех, кто правил Филиппинами в колониальные времена, и тех, кто поселился в них после обретения страной независимости. Много можно было прочесть в их глазах. Из этого «дома большого вождя» люди возвратятся в свои хижины, все к той же бедности и к тем же проблемам.

СОДЕРЖАНИЕ

Манила: 1986. В ночь со вторника на среду	3
«Вот наши Филиппины..»	9
«Развест скорость пыль страданий»	26
И в солнечный день, и в цепастный	32
Одинокй бог	36
Карабао	41
Баронг	44
Ремесленник: радости, надежды, тревоги	47
Утенок по-филиппински, дуриан по-царски	50
Цена манильской сигары	55
Стоп под сладкую музыку	58
Трагедия первой красавицы	61
Под крестом Магеллана	70
Далеко-далеко, на Тавитави	75
Почему они покидают родину	80
Враги и друзья «Крепыша»	82
Тондо против «антитондо»	87
Фредди Агиляр — «Анак»	91
Там, где лечат сердца	98
С верой в добро	102
В гостях у добытчика яда	105
На компьютере и кофейной гуще	108
В музеях без стен	112
Филиппинская бабочка	114
В ожидании «бабушки-жары»	117
Сколько сторон у монеты?	121
Если бой честный	123
По «теории гороха»	127
Осиные гнезда	130
Храмы за колючей проволокой	134
Слуга банкиров	141
Занавес поднимается	146
Встречи с Питером Устиновым	153
Хирург «из Харькова»	159
Филиппинская Маша	162
«Вишневый сад» на Филиппинах	166
Дворец и хижины	174

После бурных событий последних дней Манила выглядит удивительно спокойной. На улицах мало автомашин меньше, чем обычно, полицейских и регулировщиков. Жизнь столицы и всей страны как бы переместилась с раннего утра к избирательным пунктам. 25 миллионов филиппинцев пришли сегодня к ним, чтобы сказать «да» или «нет» проекту новой конституции. Голосование шло активно... Большинство избирателей отдало свои голоса в поддержку конституции.

По сообщению соб. корр.
«Правды» Л. Кузнецова.
Правда. 3.2.1967.